НОВАЯ ПОЛЬША

№4(63) 2005

СМЕРТЬ ПАПЫ

Беседа с Энн Эпплбаум о её книге «ГУЛАГ»

Ежи Помяновский: АНАТОМИЯ КОШМАРА

ЕЩЁ О КАТЫНИ

МЫ БЛАГОДАРНЫ БЛАГОРОДНЫМ

Анджей Новак: 10 ВОПРОСОВ РУССКИМ ИСТОРИКАМ

Проза Корнеля Филиповича

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»
главный спонсор
деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 4(63)
2005
АПРЕЛЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Наталья Горбаневская 4
«НЕ БОЙТЕСЬ»

Марек Скварницкий 6
СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Ежи Помяновский 7
АНАТОМИЯ КОШМАРА

ГУЛАГ НЕ КАНУЛ В ЛЕТУ 10
Беседа с Энн Эпплбаум

Виктор Кулерский 15
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Тереса Черневич-Умер 23
НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

Янина Куманецкая 32
ВОТ ЭТО И ЕСТЬ ПОЛЬША

Наталья Горбаневская 34
О КАТЫНИ — 25 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ

ЭТОТ ДЕНЬ 39

Юлия Хартвиг 43
ЛЕБЕДЬ

Казимеж Хоффман 44
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 49
ПОЭЗИЯ РАЗДУМЬЯ

В 15-ю ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ

Корнель Филипович 51
ВЕТКА

Александр Вирпша 55
МАСТЕР РАССКАЗА

Эрвин Аксер 56
ГЕНЕРАЛ

Андрей Буровский 57
МИРЫ АНДЖЕЯ САПКОВСКОГО

Петр Черемушкин 61
ПОЛЬСКАЯ КУХНЯ — НЕ ТЕРРА ИНКОГНИТА

Милош Петр Внук 65
МАРИАН КАМИЛЬ ДЗЕВАНОВСКИЙ:
МЕЖДУ НАПОЛЕОНОМ И ИОАННОМ ПАВЛОМ II

Пшемыслав Делес 68
ЗАБЫТЫЙ ФИЛАНТРОП

Лешек Шаруга 70
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Тадеуш Соболевский 73
КИНО ЗАГЛЯДЫВАЕТ В ДОСЬЕ

Конрад Годлевский 75
ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
НА ЛЕЙПЦИГСКОЙ ЯРМАРКЕ

Янина Куманецкая 76
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ПОЛЕМИКИ

Анджей Новак 80
ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ 83

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, А. Памятных, А. Ройтман, К. Старосельская, Е. Шиманская

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 4, 5, 10, 57, 68), Archiwum (стр. 3, 22, 81), Петр Черемушкин (стр. 84), Miroslaw Rogalski (стр. 65), Znak (стр. 55)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95;608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**
Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: **280-83-52**
e-mail: **mik@mecom.ru**

Издатель
BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

...Идет — Он жив — я знаю, знаю.
Он — Свет Божественной приязни,
мои оковы разжимая
и воскрешая после казни.
От Илии я знаю прочно —
гляжу: питает Искупитель
Своим дождем сухую почву,
и жизнь нашла себе обитель.
На сердце высечены, в книге
души моей реченья эти,
что с Ним восстану, чтобы видеть,
как сокрушит все зло на свете.

Из драмы «Иов», написанной будущим Папой в 1940 году
Перевела Наталья Горбаневская

Наталья Горбаневская

«НЕ БОЙТЕСЬ!»

Памяти Папы Иоанна Павла II

«Мы теперь не сироты — у нас есть Папа!» — так воскликнул по телефону Владимир Максимов, сообщив мне поразительную новость: Папой Римским только что избран краковский митрополит кардинал Кароль Войтыла. Владимир Емельянович был человеком глубоко, можно сказать истово, православным, а вот ведь сказал такое — и как всегда оказался прав.

Посчитайте сами. В следующем, 1979 году — в октябре, в первую годовщину своего избрания на папский престол, — Иоанн Павел II совершил первое паломничество в Польшу, собирая на свои богослужения и проповеди миллионные толпы — которые, слушая его, вдруг ощутили, что они не толпа, не толкучка броуновских атомов, но и не «стройные шеренги» тех же атомов, выведенных на принудительно-праздничную демонстрацию. Посмотрели друг на друга и сами на себя, собрались с силами... И вот прошел еще неполный год — и поляки преподнесли всему миру сюрприз: на территории одной зоны коммунистического лагеря развернулись, а затем и победили рабочие забастовки и был создан независимый профсоюз «Солидарность». Помню, как радовались у нас в Париже антисоветски настроенные левые: против (извращенного, по их мнению) коммунизма борется пролетариат, рабочий класс. Так им хотелось верить в осуществление законов марксизма-ленинизма, что они совершенно забывали — или скорее закрывали глаза на то, что забастовки сопровождались молебнами и литургией, а на Гданьской судоверфи висел портрет Папы...

Наследники Сталина быстро поняли, как опасны им и Папа с опытом жизни (своей и Церкви) под коммунистическим режимом, и «Солидарность», ставшая неожиданным ответом на знаменитый презрительный сталинский вопрос: «А сколько дивизий у Римского Папы?..» В мае 1981 года «младшие братья» — болгарские чекисты (доказательство обнаружилось в архивах Штази) организовали покушение на Иоанна Павла II, а в декабре военное положение поставило «Солидарность» вне закона.

И все-таки, как в то время только чаялось, а потом стало достоверным и очевидным, эти годы — самые последние 70-е, самые первые 80-е — стали началом конца коммунизма. Невозможно не оценить вклад в его крах Иоанна Павла II, хоть Папа никогда не выступал как политический лидер, не выдвигал политических программ и не давал своего благословения политическим движениям. Зато, думаю, его благословение было дано всем (не только католикам и даже не только христианам), кто защищал от безбожной власти свободу (данную человеку от Бога), совесть (тоже Богом в нас вложенную), право на личную ответственность, на личное участие в истории (то, что в Польше во времена «Солидарности» окрестили словом «субъектность»). Ибо это не политическая деятельность, а нравственная.

На страницах «Новой Польши» не раз писалось об отношении Иоанна Павла II к православию, но сейчас, провожая его в последний путь, нельзя не повторить основное хотя бы бегло. Благодаря Папе вновь обрели жизнь забытые слова Вячеслава Иванова о Восточной и Западной Церквях: «два легких христианства». Еще Папа говорил о православии и католичестве как о двух легких Европы. Он же сказал: «Церкви-сестры». Не без поддержки Папы жили такие начинания, как издательство «Жизнь с Богом», выпускавшее для православных в России богослужебную и богословскую литературу. Или благотворительная организация «Помощь Церкви в беде», тоже снабжавшая литературой и материальными средствами верующих в СССР, и не только католиков (в 90-е гг. она прямо помогала православным приходам и епархиям Московской Патриархии).

Иоанн Павел II высоко ценил русское православное богословие и религиозную философию, часто ссылался на Владимира Соловьева, о. Павла Флоренского, Павла Евдокимова и многих других. Его письмо деятелям культуры (которое мне довелось переводить на русский язык, как и написанное в ответ на него эссе Чеслава Милоша) было построено на словах Достоевского «Красота спасет мир».

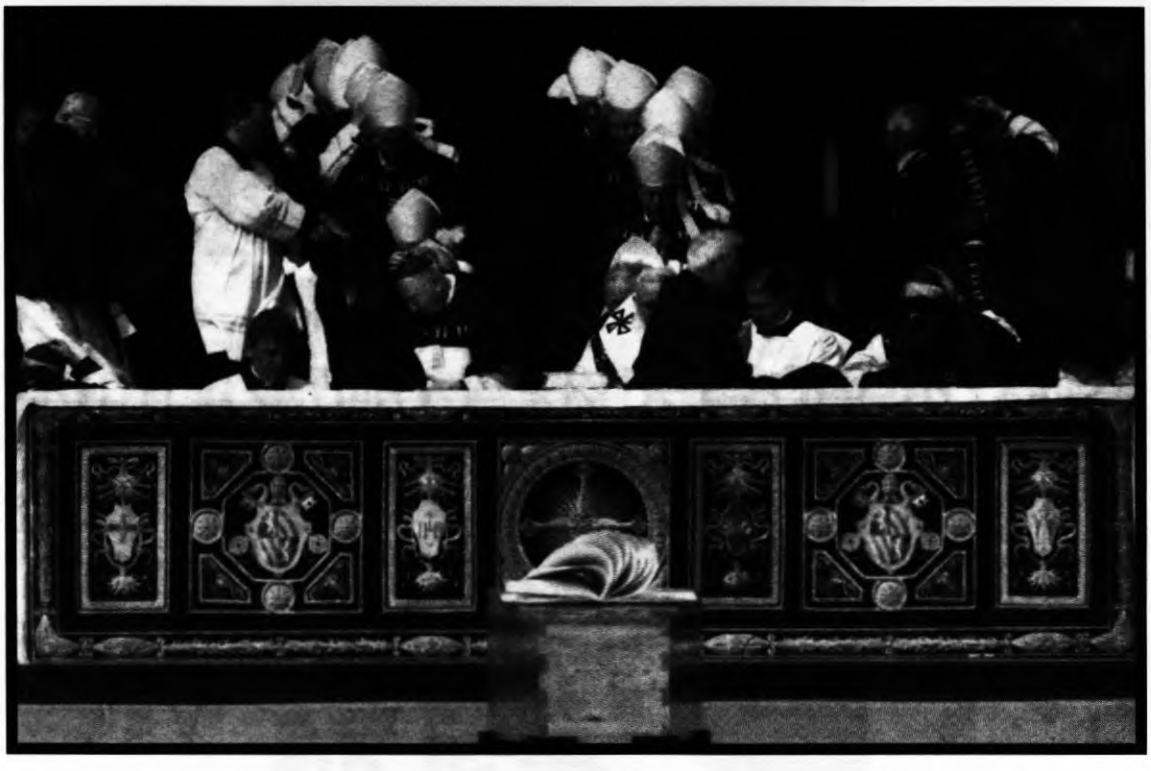
При Иоанне Павле II те пресловутые перегородки между православием и католичеством, которые, по слову одного православного иерарха XIX века, не доходят до неба, стали, казалось, еще ниже, еще проглядней — поверх них как будто уже можно стало подать друг другу руки. Еще не причащаться вместе, еще не находить решение нескольким неразрешимым (но, на мой взгляд, не слишком важным) спорам — но подать друг другу руки. Это было особенно легко в те времена, когда равно преследовали всех верующих. Потом, увы, это оказалось труднее.

С горечью приходится признать, что глубокое уважение Папы к русскому православию осталось практически безответным. Ему так и не удалось осуществить свою мечту — по-братски встретиться с Патриархом Московским и всея Руси (хотя он встречался со многими главами поместных Православных Церквей, в том числе и в ряде посткоммунистических стран, а опыт общения Папы Римского и Патриарха Вселенского и Константинопольского начался еще во времена Павла VI и Афинагора и продолжался при Иоанне Павле II и Варфоломее). Более того, препятствия деятельности католической Церкви в России, которые чинили власти в последние годы, явно вдохновлялись православной иерархией.

Развитие католической Церкви в России — дело нормальное. Евангельскую Благую Весть она несет не православным, а неверующим, и если донесет тем, кого православные не сумели затронуть, — нам, казалось бы, только радоваться: вот еще одним верующим стало больше, еще одна душа вырвана из безбожной магмы. Нет, не радуются, говорят о «прозелитизме», о «канонической территории».

Иоанна Павла II в западной прессе часто обвиняют в консерватизме, ретроградстве. Консерватизм — возможно, не буду спорить, ибо Церковь должна обладать здоровым консерватизмом, «не угашать духа», а этого угашения так хотелось бы заполняющим западные СМИ «прогрессистам», обычно попросту атеистам, агностикам или, что еще хуже, маловерам. Но никак не ретроградство. И как раз один из примеров этого — неслыханная открытость Папы к православию. «Да будут все едино» — так называется одна из его энциклик, но это и постоянный его призыв и напоминание. И разве не об этом молимся и мы, когда на ектении просим Господа о соединении Церквей?

Под конец мне хочется вспомнить еще одну его любимую цитату из Евангелия: «Не бойтесь». Слова «не бойся», «не бойтесь» очень часты в Евангелиях, но до нашего Папы их как будто никто особо не выделял. Думаю, это и есть тот завет, который он нам всем оставил, независимо от нашей религиозной принадлежности.



Марек Скварницкий

Перевод Андрея Базилевского

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Если бы там было только пустое место
Если бы там было только пустое место
Не было бы спасения

Если бы там никто не кричал
Если бы там никто не кричал во все горло
Не было бы спасения

Если бы там были только подонки
Если бы все мы стали ничем
В тени цветущего сада
Не было бы спасения

Если бы там было только пустое место
Если бы там никто не кричал
Если бы там были только подонки
Не было бы спасения

Ежи Помяновский

АНАТОМИЯ КОШМАРА

Не надо быть переводчиком Солженицына, как автор этих строк, чтобы открыть книгу Энн Эпплбаум задумавшись, читать с растущим интересом, а закрыть с восхищением. Тому есть нешуточные причины.

Эта книга — монография об институте концлагерей в СССР. В ней есть все, что уже было известно об их генезисе, истории, географии, о жителях ГУЛАГа, их рабском труде и о злополучной роли этого труда в экономике страны. Написана она с очевидной добросовестностью, с установкой на бесстрастное описание, которую, к счастью, не всегда удается соблюсти. Нет в ней того дидактического запашка, сразу позволяющего отличить сочинения пристрастных идеологов, притягивающих факты за уши к заранее заданному тезису, от трудов добросовестных исследователей. И при всем при этом книга звучит убийственно не только для системы пенитенциарных учреждений, правовых отношений и органов правосудия в Советском Союзе, но и для самой цели, которую преследовал советский строй и которой все эти средства должны были служить. Поразительно, что написала это американка, выросшая в стране, где все время ждали добрых вестей с Волги, получившая образование в университетах, по которым только что прокатилась волна левого бунта, куда более долгая, чем знаменитый парижский май 1968-го. «Помню, — пишет Энн Эпплбаум, — когда я училась в университете, там господствовала такая атмосфера, что о лагерной теме и слышать не хотели...» В интервью «Новой Польше» она идет еще дальше, говоря: «Мы до сих пор не хотим слышать, что, закрыв гитлеровские лагеря, мы открыли сталинские». Действительно, после II Мировой войны лагерная система разрослась, достигнув апогея около 1951 года. В книге Эпплбаум говорится, что «в 1952 г. государственные субсидии ГУЛАГу дошли до 2,3 млрд. рублей, т.е. составили свыше 16% бюджетных расходов СССР». Лагеря заполнила масса людей, ставших подозрительными только потому, что они пережили немецкую оккупацию, космополитов (то есть евреев), украинцев из УПА, поляков из Армии Крайовой и других формирований военного и послевоенного подполья, но прежде всего — вчерашних советских военнопленных, которые из немецких лагерей попали прямо за отечественную колючую проволоку. В эту массу входили и уличенные в том, что на войне они осознали, как схожи методы по обе стороны фронта, как мало отличается их отношение к правам покоренных народов и правам человека вообще. Одним из них был артиллерийский лейтенант Александр Солженицын, математик, арестованный на фронте во время весеннего наступления 1945 г. и отправленный в лагерь.

Позже он написал свой «Архипелаг ГУЛАГ». Энн Эпплбаум относится к нему лояльно и с искренним уважением, часто цитирует «Архипелаг». Она подчеркивает, что книга Солженицына сыграла переломную роль: изменила сознание тех, кто взял ее в руки. Тем не менее она отнюдь не считает, что своей книгой соперничает с трехтомником Солженицына, — и права. «ГУЛАГ» так отличается от «Архипелага», как могла бы отличаться «Испанская инквизиция» Беннасара от исторического свидетельства одной из жертв Торквемады, ели бы кто-то из них сохранил в целости и голову, и талант.

В книге Солженицына тон, запал и стиль — глубоко личные, а вдобавок он черпает материал из исповедей, рассказов и писем 227 бывших зэков. Недаром в подзаголовке «Архипелага» стоит «опыт художественного исследования». Своим сенсационным влиянием книга обязана еще и этому своему характеру страстного свидетельства. Но автор начал писать ее в 1958 г., а действие книги довел только до 1956-го. История лагерей тогда еще отнюдь не закончилась.

В книге нашей американки одна только библиография занимает 24 страницы петитом. Но вашингтонская журналистка не ограничилась чтением и розысками в архивах, хоть и пробилась через множество дверей, запертых на все замки и засовы. Она путешествовала по тайге и тундре, добралась до самых отдаленных островов Архипелага, сопоставила с действительностью свидетельства очевидцев — Густава Герлинга-Грудзинского, самого Солженицына, десятков мемуаристов и тайных летописцев, показания бесчисленного множества обвиняемых. Прочитала она и доносы из их дел, рапорты начальников лагерей и палачей, приказы и отчеты тех, кто подавлял зэковские бунты, изучила счета и подбивку итогов, донесения об исполнении смертных приговоров, статистику болезней и смертей. Пожалуй, это богатое собрание особенно выделяется тем, что в него входят также документы и объяснения «другой стороны», к которым никто извне доступа не имел.

Она точна в деталях: «С 30 августа по 16 марта 1932 г. на заседаниях политбюро тему геологии и географии Колымы затронули по крайней мере 11 раз».

Она объективна. Отмечает, что начальник ГУЛАГа Матвей Берман в декабре 1938 г. был осужден за «создание тепличных условий заключенным» на строительстве Беломорканала. 220 километров канала были пробиты в монолитном граните руками 175 тысяч зэков и насильственных переселенцев — 25 тысяч там и погибли, хотя кормили их действительно несколько лучше.

(Михаил Зощенко, который в числе 120 советских писателей побывал на строительстве Беломорканала, на вопрос, как он там себя чувствовал, отвечал: «Как живая лиса на складе мехов».)

Она наблюдательна. Не охотится за экзотикой и злободневными сенсациями, зато в таежном подлеске способна обнаружить трухлявые балки лагерных нар. Посещая город, построенный в полярных джунглях, она упоминает, что у дороги, проложенной некогда зэками через болота, ныне в бывших бараках помещаются офисы «Лукойла» и ЮКОСа, а в каменных домах живут их менеджеры.

Она проницательна. Убедительно, с примерами и цитатами, объясняет, что мотором всего предприятия не было благотворное стремление к «перековке» преступников и противников строя. Этим мотором очень скоро стал соблазн принудительно использовать миллионы голых, зато бесплатных рук на самых отдаленных окраинах огромной страны. Троцкий еще в 1918 г. предупреждал Ленина, что социализм без принудительного труда не построить. Пятаков еще в 1925 г. направил Дзержинскому проект строительства сети лагерей на пустых местах, расположенных в самой глуши, но изобилующих полезными ископаемыми. И, наконец, Сталин в 1929 г., в год «великого перелома», увидел в лагерях «сердце» советской экономики.

Тут мы приближаемся к самому главному.

Книга Энн Эпплбаум — это не только энциклопедическое описание структуры, истории разрастания и причин инволюции лагерной системы в СССР. Это еще и энциклопедия человеческого страдания. Центральная часть книги — фактографический, очищенный от эмоций перечень средств массового принуждения и методов унижения, применяемых с целью эксплуатировать миллионы зэков и держать их в повиновении.

Множество подобных описаний содержит не только мемуарная литература, но и публицистика. Приводимые там примеры должны пробуждать сострадание к мучимым и убиваемым жертвам, прежде же всего — дискредитировать тех, кто совершает эти жестокости. Но этот расчет нередко подводит. Так, инфляция мартирологических мотивов в послевоенной литературе и кино привела к пресловутой банализации зла, сделала его как бы более доступным, а то и просто естественным.

Автор «ГУЛАГа» пишет в эпилоге: «Эта книга написана не затем, чтобы „это не повторилось". Я написала ее, потому что это — почти наверняка — повторится. Тоталитарные идеологии находили и продолжают находить отклик у миллионов людей».

Здесь нам нужно вступить на территорию, которую Энн Эпплбаум постаралась обойти. Еще во вступлении она отмежевалась от политических комментариев. Книга, пишет она, «не описывает историю СССР, чисток и репрессий». Нам же, между тем, самыми вдохновляющими в книге кажутся те мотивы, которые прямо побуждают к политическим размышлениям.

Дело в том, что заклеймить жестокие методы и средства еще недостаточно для того, чтобы ожидаемый отклик не повлек уже известных нам последствий. Создатели лагерей и застенков, породившие эти ужасающие последствия, держат в запасе готовый ответ: «Жертвы, пытки? Да, но, может быть, это имело свою цель? Может быть, это было необходимо ради высшей цели? А цель оправдывает средства. Наша цель стоит пота, слёз и крови всех, кого только принуждением можно заставить трудиться ради священного дела. Случайные жертвы? Лес рубят — щепки летят. Единица — ноль. Нас заботит всеобщее благо».

Согласимся, что у коммунистов, когда они провозглашали этот тезис, было на одно очко больше, чем у других сторонников принуждения. Их идеология была направлена на весь мир и потому провозглашала интернационализм. У гитлеровцев, например, цель была частной и малоприемлемой для других: господство своего народа над всеми остальными. Однако мы уже в состоянии присмотреться к этой более высокой цели — не только потому, что в СССР и его окрестностях к ней подошли довольно близко, но и благодаря тому уроку анатомии этого процесса, какой мы можем извлечь из книги Энн Эпплбаум.

Автор пишет: «На практике коммунистическая идеология была опровержением того, что сама провозглашала». В аргументах, это подтверждающих, в книге нет недостатка. Важно содержащееся в ней указание, что энгельсовский «скачок из царства необходимости в царство свободы» свелся к «скачку» за колючую проволоку, в царство принудительного труда, который — обратим внимание! — оказался вдобавок нерентабельным. Мало того, что он был менее производительным, чем труд вольнонаемных работников (это в расчет принимали), но еще и обнаружилось, что ни один лагерь не смог стать самоокупаемым, и дотации лагерям росли и росли. В принципе

это и стало причиной банкротства идеи лагерей как «сердца» советской экономики и привело к сокращению их числа. Более того, идея использовать миллионы голых рук вместо дорогостоящих машин обратилась против развития техники, изобретательства, науки и привела к резкому отставанию СССР даже в области вооружений. Эпплбаум приводит несколько поразительных примеров — вспомним хотя бы дело авиаконструктора Туполева, переведенного с каторги в «шарашку» для ученых.

Но кто-нибудь скажет: «Ну, это всё в ГУЛАГе, в ином мире, это была обочина советской жизни, хоть и довольно широкая! Лагерь был средством, притом крайним; цель была за его пределами, целью была перестройка общества!»

Есть в книге «ГУЛАГ» только одна фраза, с которой мне трудно согласиться: «Жизнь в лагерях в известной степени отражала жизнь во всем Советском Союзе».

Думаю, что было как раз наоборот: жизнь в лагере и ее устройство стали платоновской идеей жизненного порядка в СССР.

Организация ГУЛАГа не была крайней, извращенной формой этого порядка — она была его матрицей, удобной и востребованной моделью. Прав был Александр Солженицын, когда писал, что существование Архипелага отражалось на формах бытия всего материка. И дело тут не только в обратной связи. Можно полагать, что намерением Сталина было приспособить всю жизнь в «Стране Советов» к этому идеалу.

Первым фактором такой жизни был приказ, с самого начала управлявший экономикой. Вторым — распространение этого принципа на все области жизни. Условием успеха операции, разумеется, было повиновение оперируемых. В лагере его обеспечивала не только вохра, вооруженная охрана, — намного важнее было участие самих зэков, точнее двух зэковских категорий: придурков и стукачей.

Энн Эпплбаум подробно описывает роль первой из этих категорий, ее внутренние конфликты и битвы за привилегии. О второй, естественно, известно меньше. Между тем «на материке» в процессе укрепления и распространения системы на все области жизни стукач (сексот) играл растущую и даже двойную роль. Его секретная деятельность позволяла большевистской власти приближаться к идеалу: накапливать исчерпывающее, содержавшееся в папках, а затем и в компьютерах знание обо всех деталях жизни и обо всех мыслях всех подданных. Существование этого замысла и армии тех, кто его осуществлял, отнюдь не скрывалось. Наоборот, власти было важно, чтобы повсеместно распространялась уверенность, что каждый — сосед, сослуживец, родственник — может быть доносчиком, секретным сотрудником органов репрессии. Это был один из самых простых принципов дезинформации, кстати обеспечивавший немалую экономию кадров и техники.

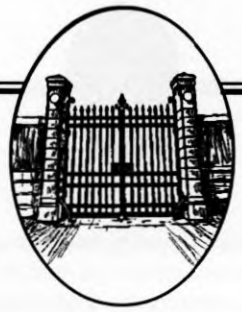
Результатом было постоянное присутствие в сознании и поведении граждан двух мощных факторов: страха и подозрительности. Естественным защитным рефлексом советского человека было избегать искренности, и не только в отношениях с властями, но и со всяким, потому что всякий мог быть стукачом. Особенно нестерпимым было принуждение лгать, что показала вспышка надежд и чувство облегчения, с какими были приняты в СССР откровения и резолюции XX съезда.

Надежды надолго сменились ощущением бессилия. Триада, состоявшая из страха, подозрительности и лжи, неизбежно деформировала склад ума не только у зэков, но и у большинства граждан огромной страны. Большинство это состояло в огромной части из россиян, это они были первыми жертвами Системы..

Если целью большевиков была перестройка общества и оздоровление межчеловеческих отношений, то результат их усилий заслуживает большего осуждения, чем все средства, так выразительно описанные в книге Энн Эпплбаум.

Она прочитала нам лекцию по анатомии кошмара, прямо вынуждающую читателя извлекать политические выводы, хотя сама Энн Эпплбаум их не навязывает. Эти выводы пригодятся не только читателям на Западе, где «ГУЛАГ» уже увенчан премией Пулитцера.и переведен на 23 языка. Надеюсь что и в наших широтах поймут, что не цель оправдывает средства, но средства в конечном итоге формируют цель.

Сделать выводы из чтения «ГУЛАГа» тем проще, что перевод легко читается. Ошибки в книге немногочисленны и в основном такого типа, как утверждение, что игральные карты в лагере раскрашивали стрептомицином. На самом деле это был не бесцветный антибиотик стрептомицин, а красный стрептоцид, один из первых сульфамидов, который в СССР широко применяли для окраски дамского белья.



ГУЛАГ НЕ КАНУЛ В ЛЕТУ

Беседа с Энн Эпплбаум, американской журналисткой, корреспондентом газеты «Вашингтон пост», лауреатом Пулитцеровской премии за 2004 год

— В царствование Александра III ваш прадед эмигрировал в Америку из Кобрина — небольшого селения к северо-востоку от Бреста. Не стало ли ваше происхождение причиной того, что вы как историк занялись восточноевропейской проблематикой?

— Как раз наоборот: сначала меня заинтересовала история этого региона, а позже я познакомилась с историей нашей семьи. Для поляка это, вероятно, прозвучит странно, но в нашей семье вообще не говорилось о том, откуда мы родом. В семье считали: хорошо, что мы уехали, и не надо муссировать эту тему; мы обосновались здесь, в США, — пусть так и остается. Дедушка и бабушка родились уже за океаном, говорили только по-английски, хотели быть настоящими американцами. А потом, когда я начала интересоваться историей и культурой Восточной Европы, они утверждали, что там нет ничего интересного, прямо заявляя: «Не для того мы так долго старались оттуда уехать, чтобы теперь возвращаться».

ЭНН ЭППЛБАУМ

— Что склонило вас к путешествию из Калининграда через Литву, Белоруссию и Украину, в результате которого появился сборник репортажей, вошедших в книгу «Между Востоком и Западом. Через пограничье Европы»?

— Это была книга прежде всего об Украине и Белоруссии, но на самом деле я начала думать о ней, еще живя в Польше. Я лучше узнала историю Польши, и меня привлекло само понятие «пограничья»: каково человеку жить между разными культурами и национальностями. По журналистским делам я несколько раз бывала во Львове и после этого решила совершить путешествие «от моря до моря», чтобы понять и ощутить своеобразие этого региона. Но вдохновила меня на это история Польши.

— В этих репортажах особенно заметно изумление, которое не покидало вас во время всего этого путешествия. Это типично для людей с Запада?

— Не знаю, как реагируют другие. Честно говоря, туда мало кто ездит.

— А ведь вы обладали огромным запасом исторических знаний...

— Лично я не знаю никого на Западе, кто побывал бы в Гродно или в Каменце-Подольском. Но сравнивать свое изумление с изумлением других мне сложно. Это скорее ваше дело.

— Я могу сравнивать только с незнанием других. Не считаете ли вы, что политические последствия вызвало именно незнание истории и культуры тех регионов, жители которых людям с Запада представляются дикарями и антиподами? Не это ли стало причиной того, что они с такой легкостью были отданы в руки Сталина во время конференции в Ялте?

— Думаю, вы правы. Они даже не вполне осознавали, что эти территории относятся к Европе. Теперь, к счастью, все меняется, в значительной мере благодаря «оранжевой революции». Впервые на Западе так много говорят об Украине. Но вина тут не только Запада. Это следствие политики изоляционизма, проводившейся советской, а еще рань-

ше — Российской империей, которая тоже изолировала эти районы от остального мира. Например, Львов гораздо более известен, чем Киев, так как находился в границах Австрийской империи.

— Когда вы впервые услышали о ГУЛАГе? И почему вообще решили заняться углубленным исследованием этой темы?

— Солженицына я читала еще в школе. А в университете изучала историю России. Но сама идея написать книгу родилась за те несколько лет, что я провела в Польше. Во время путешествия из Калининграда я впервые встретилась с людьми, пережившими лагеря. Тогда я поняла, что приблизительно знаю, что происходило, но мне не хватает более глубокого изучения темы. Я начала не только интересоваться самим ГУЛАГом, но и задавать себе как историку вопрос: с чем связано мое незнание, и почему отсутствуют исторические работы, посвященные теме лагерной системы. Я даже занялась поиском таких работ, зная, что архивы уже открываются и наверняка кто-то над этим работает, однако ничего найти мне не удалось. Тогда я решила сама взяться за такую работу. Поначалу у меня вообще не было уверенности, возможно ли это. Однако я руководствовалась прежде всего пониманием того, что люди на Западе ничего не знают, о чем, собственно, вы и говорили.

— Вы обращались к «Архипелагу ГУЛАГ» Солженицына?

— Я прочла все книги Солженицына — и как документ, и как художественные произведения. «Архипелаг ГУЛАГ» — это книга, которая изменила ход истории. У многих людей на Западе, да и в России тоже, под его влиянием изменилось представление о Советском Союзе. Можно сказать, что на всем протяжении моей работы Солженицын присутствовал всегда. Я могла в любой момент заглянуть в его произведения и соотнести.

— Вы хотели своей книгой полемизировать с русским нобелевским лауреатом?

— Нет. Моя книга носит совершенно иной характер и опирается на гораздо большее количество источников. Солженицын опирался на воспоминания бывших зэков, не имея возможности пользоваться архивами. И сам он пережил ГУЛАГ. Моя книга не имеет права на личный аспект, и эмоциональность тоже исключается. Это не моя страна и не моя история, поэтому взгляд совершенно иной. Идея книги состоит не в том, чтобы полемизировать с Солженицыным, а в том, чтобы попытаться описать историю доступно для понимания людей на Западе. Сейчас читать Солженицына становится трудно, ибо он писал для читателей, разбирающихся в теме. Я же писала для поколений, которые уже о многих вещах не имеют понятия: например, мне пришлось объяснять, что такое коллективизация. А пользуясь архивами, я имела возможность представить всю проблему и с точки зрения тех, кто всем этим руководил, с точки зрения палачей.

— У вас был свободный доступ к российским архивам?

— Разумеется, я не могла пользоваться всеми архивами. В России существуют тысячи разбросанных по всей стране учреждений, зависящих от главного архива данного региона. Кто распоряжается главным архивом, тот и разрешает или не разрешает доступ к менее крупным. Мне повезло, ибо в Государственном архиве Российской Федерации в Москве был человек, который хотел иметь контакты с Западом. Он помог, порекомендовал своим сотрудникам. Там находится главный архив ГУЛАГа и все документы, касающиеся повседневной жизни. Но у меня не было доступа к индивидуальным делам. На это имеют право только сами пострадавшие или члены их семей. Хотя я пыталась, ибо нашла в списке дело узника Соловков по фамилии Сикорский. Я сослалась на семью мужа — что это, дескать, какой-то его родственник, но, к сожалению, не получилось. Надо отметить, что многие пострадавшие сейчас имеют доступ к своим делам, частично это даже опубликовано. Их копии можно было найти в США. Поэтому у меня есть представление о том, как выглядит содержание подобного дела. Кроме того в каждом лагере был свой архив. В Карелии я работала в архиве лагеря, заключенные которого строили Беломорканал.

— Какова была реакция русских, с которыми вы столкнулись во время своей работы?

— Очень разная. Например, в библиотеку в Архангельске, где находится много материалов, касающихся Соловков, я просто вошла и сказала, что хотела бы ознакомиться с архивами. Трое сотрудников посвятили мне целый день, приносили все, что только было можно, не ожидая какого-либо денежного вознаграждения. Когда я их благодарила, они сказали, что никакой благодарности им не нужно, а нужна книга, которую я напишу, — когда она выйдет на русском языке. Но встречалась я и с совершенно иной реакцией, как, скажем, в Воркуте. Там сотрудница требовала по 10 долларов за возможность прочесть одну страницу.

Другой вопрос, как вообще российские граждане реагируют на ГУЛАГ. Есть те, кто действительно этим интересуется, есть и такие, для кого

это уже далекое прошлое — скучное и ненужное, а есть и реагирующие агрессивно, пытающиеся противодействовать извлечению этого на свет Божий. Сам факт, что представитель Запада работает над этой темой, уже подозрителен: а вдруг это какой-то шпион, имеющий враждебные намерения в отношении России. Так что позиции, с которыми пришлось столкнуться, были крайне разными.

— Александр Яковлев, председатель Государственной комиссии по реабилитации, объяснял вам нежелание знать и равнодушие общества к вопросам преступлений прошлого тем, что слишком много было принимавших участие в этих преступлениях. Вы согласны с его мнением?

— Думаю, причин для подобной реакции несколько. Во-первых, неудобное прошлое. А самые страшные преступления совершались давно, 50 и больше лет тому назад. В России постоянно все меняется. Я езжу туда каждый год, и каждый год там все меняется — экономическая ситуация, политическая и т.д. Люди говорят: зачем нам все это, если у нас столько нерешенных проблем сегодня? И я это понимаю.

Другое дело, что о преступлениях заговорили в 80-е годы, а затем произошли серьезные изменения в экономике и государственном устройстве. Поэтому раздаются голоса: мы говорили об этом во всеуслышание, но все равно из этого ничего не вышло!

Есть еще вопрос «гордости за державу». Для многих развал Советского Союза обернулся утратой ощущения своей самобытности. Они не знают, кто они сегодня. Они и слышать не хотят, что тогда было плохо: у них в памяти осталась уверенность в том, что их страна была могущественной державой, с которой считался весь мир.

Четвертая причина состоит в том, что сейчас Россией опять руководят... не столько даже коммунисты, сколько кагебисты. Сам Путин был офицером КГБ, и им невыгодно, когда затрагивается эта тема. Путин хочет показать, какие он проводит реформы, какой он современный и насколько открыт миру. И влияние его на средства массовой информации весьма сильное. Я не сказала бы, что преступления коммунистического режима — тема запретная, но во всяком случае не популярная. Российские историки и журналисты опасаются об этом писать. Думаю, теперь российские власти попытаются найти способ преподносить эту тему в более мягких тонах. Например, недавно по телевидению был показан сериал о том, как жилось во времена Сталина, где все было представлено в смягченном виде. Говорить-то об этом приходится, вот они и пытаются делать это в более завуалированной форме.

— Профессор Анджей Пачковский считает, что огромную роль играет уверенность в том, что главных палачей, таких, как Ягода, Ежов или Берия, и так уже покарали; созданная ими система их же самих и раздавила, так кого же тут наказывать?

— В этом что-то есть, как и в попытке объяснить, что это было давно. Но ведь после их смерти ГУЛАГ существовал по-прежнему! Да, конечно, пусть уже не в виде системы рабского труда, следствием которого чрезвычайно часто была смерть, но ведь политзаключенных по-прежнему отправляли в лагеря. Система продолжала существовать, действовал всемогущий КГБ, поэтому нельзя говорить, что все палачи были мертвы. Может быть, в России так и считают, но мне кажется, что дело вовсе не в том, чтобы наказывать людей. Гораздо важнее, чтобы российские граждане осознали, почему их страна такова, как она есть. Сегодняшнюю Россию не понять без постижения прошлого. Я не за то, чтобы сегодня в судах проводить процессы против конкретных людей, — самое главное, чтобы и те, кто живет сегодня, и следующие поколения знали о том, что тогда происходило. До тех пор, пока они этого не будут знать, они не сумеют понять самих себя.

— Я приведу единичный пример, хотя таких примеров существует гораздо больше: бывший заключенный одного из воркутинских лагерей, работавший на урановом руднике, после 1946 г. был награжден медалью за вклад в развитие народного хозяйства Советского Союза. Он подчеркивает, что гордится этой медалью. Разве эта гордость за рабский труд — не доказательство того, что лагеря исковеркали психику заключенных?

— Несомненно. И таких примеров множество. Были заключенные, которые по выходе из лагеря сразу же снова стремились вступить в партию. Было очень много тех, кто даже в лагере желал трудиться на благо Советского Союза.

— Но были и такие — как часто цитируемый вами Лев Разгон, — кто каждый год 5 марта (в годовщину смерти Сталина) напивался с осознанием того, что выиграл в этой игре в «русскую рулетку». Используе-

мая писателем метафора «русская рулетка», как мне кажется, прекрасно отражает характер системы.

— У меня есть коллега-историк, который пытается отыскать какую-то логику в действиях властей: почему выбор выпадал на данную, а не иную социальную или национальную группу, почему тогда-то и тогда-то был арестован этот человек, а не другой. Действительно, были такие моменты, когда, например, наибольшая угроза нависала над поляками, или крестьянами, или еще кем-то. Но в принципе все решал случай, ибо, например, человек жил в местности, где органы действовали особенно активно и усердно заполняли тюрьмы. А в соседней местности в связи с этим следовало тоже выполнить план и продемонстрировать такую же активность. Да достаточно было всего лишь неосмотрительно рассказать анекдот о Сталине.

— В предисловии к книге вы отметили, что не будете говорить о политической подоплеке системы лагерей. Но разве это возможно? Ведь по образцу лагерного порядка формировалась и вся общественная система.

— Я не писала о том, что происходило внутри «верхушки», о том, кто с кем соперничал в Кремле. Разумеется, в общем и целом о политической ситуации в стране я должна была написать, ибо это было тесно связано с лагерной системой.

— Лагеря, будучи «трудовыми», функционировали прежде всего благодаря использованию рабского труда огромной массы людей. Разве такой метод хозяйствования не наносил удар по развитию советской науки и техники?

— Это весьма отрицательно отражалось и на экономике, и на науке, и на цивилизации. Ярким примером тому может служить город Воркута, построенный за Полярным кругом. Там есть шахта, богатые залежи угля, но если бы это было в Канаде или на Аляске, то туда отправляли бы бригаду на две недели, которая затем возвращалась бы обратно на юг, потом отправляли бы следующую бригаду и так далее, то есть работа происходила бы вахтовым методом. А Сталин, располагая столь огромной массой людей, распоряжался ими утилитарно.

— Согласно принципу «людей у нас хватит»...

— Да. И таким вот образом в абсолютно нечеловеческих условиях был построен город. Совершенно бессмысленно. Построили школы, бассейны, университеты, институт геологии, который недавно закрыли. Затраты на содержание Воркуты, которую 11 месяцев в году необходимо отапливать, превышают доходы от добычи угля. Таких городов на территории России много, прежде всего на севере. ГУЛАГ по сей день дезорганизует всю экономику. Подобным же образом функционировала экономика КНР. Когда вместо технологии используется физическая сила человека, развитие цивилизации замирает. Об этом Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди написали прекрасную книгу «Сибирская гонка. Как коммунисты планировали вывести Россию из холода».

— Советские лагеря по количеству жертв, а их миллионы, превзошли нацистские. Но возникает вопрос, от которого всегда уходил Жан-Поль Сартр и ему подобные: было это лишь извращением идеи коммунизма или же сама идея была плохой?

— Я думаю, что плохой была сама идея. Если цель — только равенство, в таком случае всех неравных следует уничтожать. С человеком как личностью перестают считаться.

— Владимир Буковский сказал, что «голос Солженицына был голосом гнева, голос же Эпплбаум — это голос печали и стыда». Действительно ли Запад начал стыдиться своего молчания по поводу трагедии ГУЛАГа?

— Не знаю, правильно ли говорить, что это стыд. Но на Западе начинают понимать суть проблемы. Лет через 10-15, когда начнут писать историю XX века, наконец заметят, что в Европе существовали две империи зла — гитлеровская и советская, и попробуют провести между ними сравнение. Хотя это было не одно и то же. Мне кажется, что медленно, постепенно, но до этого дойдет. На эту тему уже появляются исторические исследования, например в Англии.

— Что в первую очередь было причиной столь долгого молчания?

— Ответить совсем не просто. Во-первых, не было доступа к документам, недоступна была и территория самих лагерей, не было и возможности контактировать с людьми. Не было в нашем распоряжении архивных фотодокументов и фильмов, хотя по гитлеровским лагерям подобных документов у нас было довольно много. Когда я изучала в университете историю России, этой темой никто заниматься не хотел, ибо без доступа к архивам невозможно разрабатывать тему научно.

Второй, весьма важный аспект: что́ мы помним о II Мировой войне. Для США и Великобритании это была «праведная», благородная война. Мы сражались, отстаивая высшие ценности, и по сей день не желаем слышать, что, закрыв гитлеровские лагеря, мы открыли сталинские. По сей день на Западе людям с величайшим трудом даются попытки сравнивать Сталина с Гитлером.

В-третьих, все, что происходило в СССР, мы воспринимали с точки зрения нашей собственной внутренней политики. В 20-е годы, когда начиналась большевистская революция, об этом писали очень много, затем, в 30-е, на Западе разразился экономический кризис. В советскую Россию начали ездить журналисты, историки и социологи, захотевшие там учиться — исходя из предположения, что, возможно, русские изобрели лучшую экономическую систему, которую можно будет импортировать в США. Они оценивали всё через призму экономики, совершенно пренебрегая существованием лагерей. А после той самой «праведной» II Мировой войны, в которой Сталин был союзником, началась «холодная война», и снова стали писать плохо. Потом, в 60-е годы, опять-таки из-за войны, на этот раз во Вьетнаме, появилось благожелательное отношение к Советскому Союзу. Поэтому можно сказать, что вопрос о ГУЛАГе почти никогда не обсуждался, ибо вопрос об СССР всегда увязывался с ситуацией в США. Я помню, что во время моей учебы в университете преобладала атмосфера нежелания затрагивать тему лагерей не столько по причине просоветских убеждений, сколько из-за антирейгановских настроений.

Только теперь стало можно писать об этом более объективно. Ведь речь идет не о нас, а об истории другого государства.

— Вы получили Пулитцеровскую премию за 2004 год. И это правильно, ибо книга о ГУЛАГе этого более чем заслуживает. Но одновременно идет дискуссия о Вальтере Дюранти, корреспонденте «Нью-Йорк таймс», который в 30-е годы передавал лживую информацию, опровергавшую наличие голода на Украине, и тоже получил Пулитцеровскую премию. Лишь совсем недавно протесты украинских организаций заставили задуматься, не лишить ли его посмертно этой премии. О чем это свидетельствует? Только о том, что никто не знал?

— Я сама помогала этим украинским организациям и хорошо знаю проблему. Некоторые члены Пулитцеровского комитета хотели лишить Дюранти премии, но нашлись и выступившие против подобного решения, аргументируя это следующим образом: такой прецедент приведет к массовым протестам в отношении других награжденных. Премия присуждается с 1917 г., то есть речь идет о тысячах награжденных. А если в их числе окажутся, например, сторонники американской сегрегации, расисты? Придется разбираться со столькими персональными случаями. На мой взгляд, самое главное — то, что проблема с премией Дюранти вызвала публичную дискуссию, об этом начали писать и говорить в средствах массовой информации, позволяя американцам понять, в чем состояла его ложь. Это, по-моему, гораздо важнее.

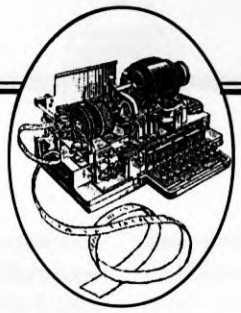
— Известен ли вам альбом польского фотохудожника Томаша Кизного, в котором запечатлен архипелаг ГУЛАГ?

— Я знаю его очень хорошо и написала рецензию, которая будет напечатана в «Нью-Йорк ревью оф букс».

— В интервью «Новой Польше» Томаш Кизный выразил то же опасение, которое я нашла в вашей книге, в эпилоге «Память»: что ГУЛАГ почти наверняка повторится. Откуда столь апокалиптическое убеждение?!

— В буквальном смысле скорее всего не повторится. Но — и мы об этом уже говорили — психология ГУЛАГа по-прежнему существует. Существуют люди, которым хотелось бы вновь возродить такую систему террора. А еще у нас есть Северная Корея с импортированной из Советского Союза сталинской системой и лагерями. Я слышала — как известно, это информация неподтвержденная, ведь Корея строго изолирована, — что там в лагерях сидит 250 тысяч человек. И в этом смысле ГУЛАГ по-прежнему существует.

Беседу вела Сильвия Фролов



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «65 лет тому назад, 5 марта 1940 г., нарком внутренних дел Лаврентий Берия предложил членам большевистского политбюро „разгрузить лагеря польских военнопленных" — так это было названо официально*. Первым под запиской Берии подписался Сталин — размашисто, старательно выводя буквы. Далее идут подписи Ворошилова, Молотова и Микояна. Они прекрасно знали, что подписывают смертный приговор. Менее чем через месяц из лагерей, куда поместили поляков после сентябрьского поражения, двинулись эшелоны к местам казни. Из Козельска в Катынь вывезли 4421 офицера Войска Польского, из Старобельска в Харьков — 3820, а из Осташкова в Тверь — 6311 полицейских, тюремных надзирателей, чиновников и осадников (военных колонистов). Им связывали руки, их кололи штыками и убивали выстрелами в затылок. Трупы бросали в ямы и закапывали (расстрелянных в Твери — в Медном). По приговору от 5 марта — о чем часто забывают — были расстреляны также 7305 поляков, находившихся в тюрьмах. В общей сложности погибли 21 827 наших соотечественников». ***(Мацей Росоляк, «Жечпосполита», 5-6 марта)***

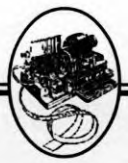
. • «В минувшую среду первый секретарь посольства России в Варшаве устно проинформировал министерство юстиции [Польши], что польская сторона сможет получить для ознакомления только 67 из ста с лишним томов документов, собранных во время следствия по делу о катынском преступлении. Вдобавок нельзя будет сделать их заверенных копий. Полная документация не будет предоставлена из-за того, что часть ее засекречена». *(«Жечпосполита», 5-6 марта)*

• «Катынский расстрел не был актом геноцида против польского народа. Следствие прекращено, поскольку нет оснований менять юридическую квалификацию преступления, чего требовала польская сторона. Таково решение российской военной прокуратуры (...) Историки напоминают, что катынское преступление было признано актом геноцида еще на Нюрнбергском процессе, хотя тогда СССР приписывал вину немцам (...) Россияне давно не хотели признавать, что в Катыни был совершен акт геноцида, не подлежащий списанию за истечением срока давности (...) Шокируют цифры, приведенные главным военным прокурором России генералом Александром Савенковым. По его словам, российским следствием установлено, что на территории России были интернированы 14 542 поляка, имеются доказательства гибели 1803 человек, а тела 22 человек удалось идентифицировать». ***(Славомир Поповский, Павел Решка, «Жечпосполита», 12-13 марта)***

• «В истории польско-российских отношений нет вопроса более болезненного, чем Катынь. Истребление сотрудниками НКВД 22 тысяч польских военнопленных было преступлением исключительным даже на фоне страшной истории II Мировой войны (...) Были расстреляны люди, составлявшие костяк польского государства: офицеры и чиновники, адвокаты и врачи, учителя и поэты. Это была хладнокровная попытка уничтожить элиту общества, чтобы потом его было легче подчинить (...) Тянувшееся 15 лет следствие было прекращено, а польской стороне отказали в доступе к важнейшей части собранной документации. Россия вновь пытается замести следы преступления». *(Ян Скужинский, «Жечпосполита», 12-13 марта)*

• После заявления МИДа России, сделанного в 60-ю годовщину Ялтинской конференции, согласно которому Польша «грешит», сетуя на Ялту, Дмитрий Бабич сказал: «Я с некоторым удивлением замечаю, что в последнее время российские дипломаты явно считают своей обязанностью за-

* Распространенная неточность: 5 марта 1940 г. было принято решение политбюро ЦК ВКП(б), этому предшествовала записка Берии без точной даты («... марта 1940 г.»), на которой стоят личные подписи И.Сталина, К.Ворошилова, В.Молотова, А.Микояна и приписка о голосовании «за» М.Калинина и Л.Кагановича. — *Ред.*



щищать политику Советского Союза. Они занимаются этим со все бóльшим рвением». *(«Газета выборча», 14 февр.)*

• Профессор Владимир Волков: «Известно, что Польше Ялта принесла политическую зависимость. Но одно дело историки, а другое — политики. Время официальных российских заявлений по этому поводу еще не пришло». *(«Газета выборча», 16 февр.)*

• Профессор Павел Вечоркевич из Института истории Варшавского университета: «Коммюнике российского МИДа насквозь лживо. Это заявление в сталинском духе. Под ним мог бы смело подписаться Молотов. Для Центральной и Восточной Европы ялтинский порядок означал почти 50 лет порабощения, лишения суверенитета и независимости. [Центральноевропейские государства] были сведены к роли объектов [политики], вассалов Москвы». *(«Жечпосполита», 17 февр.)*

• Министр иностранных дел Адам Ротфельд: «Автор комментария российского МИДа пытается реабилитировать Сталина и трактует постановления Ялтинской конференции буквально, хотя Россия никогда их не соблюдала». Министр добавил, что это документ маргинального ранга и не заслуживает официальной реакции с польской стороны. *(«Жечпосполита», 18 февр.)*

• Премьер-министр Марек Белька: «В сознании поляков Ялта вызывает целый ряд ассоциаций с другими фактами: с пактом Риббентропа—Молотова, с позорным обвинением генерала Сикорского в сговоре с Гитлером, когда польское правительство обратилось в Международный Красный Крест с просьбой расследовать обстоятельства катынского преступления, с презрительным высказыванием Молотова в октябре 1939 г. о том, что Польша, ставшая жертвой двойной агрессии и предательства, — это „уродливое детище Версальского договора". Она ассоциируется также с арестом (март 1945) и процессом 16-ти [лидеров польского подпольного государства и Армии Крайовой, предательски арестованных НКВД и вывезенных в Москву]. Память об этих фактах — часть нашего самосознания, и забывать о них нам никак нельзя. Поэтому для Польши, прибалтийских государств, Чехии и других стран Восточной Европы слово „Ялта" символизирует раздел Европы и порабощение, а не мирный международный порядок». *(«Газета выборча», 23 февр.)*

• «К трем годам лишения свободы приговорил районный суд Бохни бывшего сотрудника повятового Управления безопасности Станислава Д. за коммунистические преступления. Прокурор Института национальной памяти (ИНП) представил доказательства того, что в 1950 г. 78-летний ныне Станислав Д. подвергал физическим и психическим пыткам арестованных бывших бойцов Армии Крайовой». *(«Жечпосполита», 17 февр.)*

• Комиссия Сейма по иностранным делам с возмущением восприняла позицию отдела информации и печати МИД России по решениям Ялтинской конференции, заявив в частности: «Утверждать, что благодаря решениям Ялтинской конференции и их дальнейшему осуществлению могла возникнуть свободная, независимая и демократическая Польша, — значит фальсифицировать историю». *(«Газета выборча», 11 марта)*

• «В этом году нам предстоит пережить 25-летие польского Августа и возникновения „Солидарности". Это событие стало ответом малых и забытых на Ялту — ответом вопреки логике тогдашнего мира и советской мощи». *(Бартломей Сенкевич, «Жечпосполита», 24 февр.)*

• Президент США Джордж Буш в Брюсселе: «Так называемая ялтинская стабильность была постоянным источником несправедливости и страха. Европа убедилась, что демократические движения, такие, как „Солидарность", могут сорвать опущенный тиранами железный занавес». *(«Жечпосполита», 22 февр.)*

• «Перед 9 мая 2005 года мы, вероятно, еще не раз услышим из Кремля, что Ялта была для поляков благом, что Сталин был освободителем Польши, что в общей сложности поляки причинили русским больше зла, чем наоборот, а Катынь — это мелочь. Все это стоит запоминать, ибо такая стратегия, прямо обращающаяся к советской историографии, немало говорит о том, что делается сегодня в Кремле и к чему склоняется российская система власти. Продолжающаяся уже несколько месяцев „историческая кампания", призванная досадить полякам и унизить их, преследует конкретную цель как во внутренней политике (попытка создать ново-старое самосознание, основанное на

национальных мифах и лживом образе прошлого), так и во внешней (по меньшей мере с момента активного участия Польши в „оранжевой революции" Кремль делает многое, чтобы создавать ситуации, в которых поляки будут выглядеть в глазах Запада патологическими русофобами)». *(Войцех Пентяк, «Тыгодник повшехный», 27 февр.)*

• **«Александр Квасневский призвал президента России Владимира Путина воспользоваться празднованием 60-летия окончания II Мировой войны для „справедливой моральной оценки" послевоенных событий (...) „После победы над фашизмом Советский Союз, с одной стороны, а США и Великобритания — с другой разделили сферы влияния. В результате некоторые страны подверглись оккупации, хотя и не прямой. Все это должно быть сказано. Этого мы ожидаем от российской стороны", — подчеркнул польский президент». *(«Жечпосполита», 28 февр.)***

• «Ехать ли в Москву 9 мая? (...) Польша находится в особой ситуации, так как в войне победил сталинский Советский Союз. Тот самый, что в 1939 г. вместе с гитлеровской Германией напал на нашу страну. Войну с фашизмом СССР начал только в 1941 г. после нападения Гитлера. Потом в Ялте великие державы решили, что сильно урезанная на востоке Польша будет находиться в советской сфере влияния. После войны власть захватили коммунисты — помазанники Сталина, а тысячи поляков были расстреляны или вывезены в Сибирь». *(«Газета выборча», 15 февр.)*

• **Автор книги «ГУЛАГ» Энн Эпплбаум: «Мы забыли, что в то самое время, когда гитлеровские лагеря освобождались, множились лагеря нашего союзника Сталина. Никто не хочет признать, что мы победили одного массового убийцу благодаря помощи другого». *(«Газета польска», 2 марта)***

• Энн Эпплбаум: «Среди примерно 25 миллионов зэков поляки составляли огромную группу. В 1937 г. тогдашний нарком внутренних дел Ежов подписал печально известный приказ №00485, в котором по сути дела велел репрессировать всех граждан СССР, имевших польскую фамилию. На протяжении двух лет в причастности к „польской сети" были обвинены 140 тыс. человек. Многие из них были расстреляны, многих пытали и отправляли в ГУЛАГ. Позднее, в 1939 г., около 240 тыс. человек были арестованы в восточной Польше после советского вторжения. Из их числа 108 тыс. человек попали в ГУЛАГ, остальные — в ссылку». *(«Газета польска», 23 февр.)*

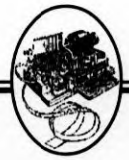
• **«Статья „Газеты польской" о концлагерях в Чечне (№5, 2005, 2 февр.) была подробно обсуждена на радио „Свобода". Текст вызвал резкие возражения россиян». *(«Газета польска», 23 февр.)***

• «Российский МИД выразил протест против высказывания главы польской дипломатии по поводу убийства российскими войсками чеченского лидера Масхадова. Адам Ротфельд сказал, что независимо от нравственной оценки это была политическая ошибка, так как Масхадов хотел вести с Россией переговоры». *(«Газета выборча», 11 марта)*

• **Министр иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: «Раз уж вокруг этого поднялся такой шум, скажу ясно: преступления, совершаемые террористами в России, в Чечне, в Беслане, заслуживают самых резких слов осуждения (...) Но дело-то в том, что Аслан Масхадов был потрясен трагедией в Беслане. Он был едва ли не единственным избранным чеченским президентом, который хотел искать пути к соглашению». *(«Газета выборча», 11 марта)***

• Адам Ротфельд: «Ухудшением отношений с Россией Польша, а прежде всего сам Квасневский, платит высокую цену за ангажированность на Украине. Советники Путина просто не поняли, что там произошло, и допустили серьезные ошибки. Теперь они ищут козлов отпущения». *(«Газета выборча», 2 марта)*

• **«По мнению многих экспертов, Россия сознательно провоцирует напряженность [в отношениях с Польшей], чтобы продемонстрировать мнимую русофобию Польши и привести к ее изоляции. В действительности, утверждают эксперты, речь идет о том, чтобы лишить Польшу возможности влиять на формирование восточной политики Евросоюза, что, как показали события на Украине, она может делать достаточно эффективно. И вопреки планам Москвы». *(Славомир Поповский, Павел Решка, «Жечпосполита», 12-13 марта)***



• Стефан Братковский: «Ни к одной другой стране, ни к одному другому народу официальная Россия не проявляет сегодня столько неприязни и злобы, сколько к Польше и полякам. Поляков нет на памятнике победителям фашизма [хотя по числу сражавшихся солдат они значительно превосходили французов, а вдобавок были единственными, кто воевал на обоих фронтах — восточном и западном. — *Ред.*]. Ялту снова делают справедливой, а поляков в русофобии обвиняет не только Путин, и такой стереотип лукаво внушают Западу. Может, мы просто угрызение совести, которое эта официальная Россия испытывает перед собственной страной, так как не хочет пойти по стопам Польши, а теперь и Украины?» *(«Жечпосполита», 5-6 марта)*

• **«Россия Путина — это не единственная существующая Россия. Есть еще Россия демократов, Россия „Мемориала", Россия Сахарова и Ковалева. Именно к таким русским друзьям Польша обращалась даже в самые тяжелые для себя времена восстаний и разделов. А теперь мы, к счастью, свободны и можем рассчитывать на силу убеждения. В конце концов ведь Ялта потерпела крах».** *(Марек Островский, «Политика», 19 февр.)*

• «За многолетние усилия по поддержанию диалога между поляками и русскими Ежи Помяновский, создатель и главный редактор журнала „Новая Польша", получил премию газеты „Жечпосполита" (...) Премии им. Дариуша Фикуса присуждаются уже в восьмой раз. Главная идея конкурса — это истина и независимость, ценности, которые ныне покойный главный редактор „Жечпосполитой" Дариуш Фикус считал основными для профессии журналиста». *(«Жечпосполита», 11 марта)*

• **В сентябре и октябре 2004 г. помощник депутата Юзефа Грушки (члена комиссии Сейма по делам спецслужб и председателя комиссии по расследованию аферы нефтяного концерна «Орлен») Мартин Т. 12 раз встречался с Семеном Сулановым, третьим секретарем российского посольства и, по данным Управления внутренней безопасности, офицером российской разведки. Прокуратура предъявила Мартину Т. обвинения в согласии на сотрудничество с иностранной разведкой и в сотрудничестве с ней. Мартин Т. признал себя виновным. Он был завербован осенью 2003 г. и сотрудничал до осени 2004-го.** *(«Газета выборча», 11 марта)*

• «После нескольких месяцев перерыва польские молочные продукты снова экспортируются в Россию. Наши молокозаводы ждали получения российских сертификатов с октября. Инспекторы тщательно контролировали санитарные условия производства. Было проверено 75 предприятий, разрешения на продажу получили 35 (...) Российский продовольственный рынок очень привлекателен для польских фирм. В 2004 г., до того как экспорт был приостановлен, [польские] молочные фирмы заработали на нем 26 млн. долларов». *(«Политика», 12 марта)*

• **«Любопытно, что до сих пор политические трения на линии Кремль—Варшава не оказали серьезного влияния на экономическое сотрудничество. Польские фирмы все лучше чувствуют себя на российском рынке. В прошлом году наш экспорт в Россию увеличился на 88% по сравнению с 2003-м. Нынешний год должен стать еще более успешным. Кроме того, наши предприниматели не только посылают на восток все больше товаров, но и планируют в России инвестиции. „Оказалось, что в наших отношениях с россиянами бизнес важнее политики. Это очень хорошая новость", — сказал замдиректора Экономической палаты восточных рынков Марек Старчевский».** *(Славомир Поповский, Александр Майда и Петр Смилович, «Жечпосполита», 10 марта)*

• Польша — первая страна, которую посетил с официальным визитом министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк. «Я выбрал вашу страну, так как хочу выразить признательность польским властям и народу за поддержку демократии на Украине, за помощь в „оранжевой революции"», — сказал украинский министр. *(«Жечпосполита», 19-20 февр.)*

• **«Журналисты „Тыгодника повшехного" получили премию „Золотое перо" для зарубежного средства массовой информации, которое лучше всего освещало события „оранжевой революции" (...) Премию присудили украинский Центр социально-политических исследований и мэр Киева. По данным Центра, неправительственной организации, поддерживающей независимые СМИ, во время „оранжевой революции" „Тыгодник" был самым читаемым на Украине иноязычным изданием».** *(«Жечпосполита», 3 марта)*

• Министр иностранных дел Германии Йошка Фишер: «Мне бы хотелось поблагодарить польскую дипломатию, а особенно президента Квасневского, за ангажированность на Украине». Фишер и его польский коллега Адам Ротфельд заявили, что 21 марта они вместе поедут в Киев. *(«Газета выборча», 5-6 марта)*

• **«Строительство польской части трубопровода Одесса—Броды—Гданьск, сотрудничество в области энергетики и торговли газом, а также либерализация польского рынка труда для украинских сезонных рабочих — вот главные пункты вчерашних переговоров премьер-министра Марека Белька в Киеве».** ***(«Жечпосполита», 5-6 марта)***

• «Ни в одной стране Евросоюза предприниматели и потребители не оценивают ближайшее будущее так оптимистически, как поляки. Таков вывод из опроса, проведенного брюссельскими чиновниками среди 110 тыс. предпринимателей и 30 тыс. их клиентов. По мнению экспертов, это предвещает, что в ближайшие годы наша экономика будет развиваться в 2-3 раза быстрее, чем в среднем по ЕС (...) В феврале показатель ESI, определяющий настроения среди предпринимателей и потребителей, достиг в Польше 142,8% от среднего результата». *(«Жечпосполита», 2 марта)*

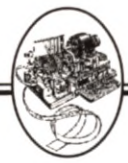
• **Главные организации предпринимателей, представляющие интересы работодателей в трехсторонней комиссии (правительство, профсоюзы, работодатели): 1. Конфедерация польских предпринимателей — основана в 1989 г., представляет около 4,5 тыс. фирм, в которых работают около 1,8 млн. человек. 2. Business Center Club — основан в 1991 г., объединяет свыше 1200 предприятий, на которых работают более 600 тыс. человек. 3. Польская конфедерация частных предпринимателей «Левиафан» — основана в 1999 г., объединяет около 3 тыс. предприятий, на которых работают более 500 тыс. человек. 4. Союз польского ремесла — существует с 1933 г., представляет около 300 тыс. ремесленных мастерских, в которых работают 1,5 млн. человек. 5. О приеме в трехстороннюю комиссию ходатайствует также Всепольская экономическая палата — основанная в 1990 г. крупнейшая организация экономического самоуправления, объединяющая 150 местных организаций, в которые входят 500 тыс. предприятий.** ***(«Политика», 19 февр.)***

• Среднемесячная заработная плата (в злотых) без вычета налогов составляет по отдельным отраслям: телекоммуникация — 3000, телеинформатика (IT) — 2800, банковское дело — 2760, энергетика и теплоэнергетика — 2500, СМИ и реклама — 2500, торговля — 2000, сфера услуг — 2000, наука и образование — 1866, культура — 1616, здравоохранение — 1563. Средняя зарплата по всем отраслям составляет 2188 злотых. *(«Жечпосполита», 1 марта)*

• **Польша занимает 33-е место в Европе по среднестатистическому размеру заработной платы. В рейтинге лидирует Дания. Меньше всего платят своим работникам молдавские фирмы. Из отчета, опубликованного Европейской федерацией бухгалтеров (FEE), следует, что если среднестатистическую зарплату в Дании принять за 100%, то поляк зарабатывает 11%, а житель Молдавии — только два. Из числа стран-членов Евросоюза меньше, чем в Польше, зарабатывают только в Эстонии, Латвии и Литве.** ***(«Жечпосполита», 4 марта)***

• Проф. Вацлав Вильчинский: «Европейская комиссия уже не слишком верит в то, что мы выполним требования, связанные со вступлением в зону евро, и не видит нас в ней раньше чем через 4-5 лет (...) Я бы не слишком утешал себя некоторым расстоянием, которое еще отделяет наш государственный долг от границы 60% ВВП (...) Остановить крах государственных финансов — первоочередная и неотложная задача, от выполнения которой зависит стабильность экономических отношений и поддержание атмосферы, способствующей развитию». *(«Впрост», 6 марта)*

• **«„Независимо от того, примет ли 5 мая Сейм решение о самороспуске, миссия моего правительства в этот день будет выполнена", — заявил Марек Белька (...) Многое говорит о том, что премьер-министр Марек Белька стал вдохновителем политического перелома, который приведет к проведению досрочных парламентских выборов (...) Президент Квасневский, которого некоторые подозревают в авторстве плана, осуществляемого Белькой, заявил, что 19 или 26 июня — это очень хороший срок для выборов».** ***(«Жечпосполита», 4 марта)***



• Уже второй мартовский опрос ЦИОМа свидетельствует о падении популярности «Гражданской платформы» — в настоящее время ее поддерживают 22% поляков. Далее места распределяются так: «Право и справедливость» — 16%, «Самооборона» — 14, «Лига польских семей» — 11, крестьянская партия ПСЛ — 8, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 6, «Уния свободы» — 5, «Польская социал-демократия» и «Уния труда» — по 3%. Избирательный барьер составляет 5%. *(«Жечпосполита», 12-13 марта)*

• Архиепископ Юзеф Жицинский: «Оказалось, что в короткое время моральный протест общества смел те политические элиты, которые исключили из своего словаря понятие честности (...) Вера в собственные силы привела к тому, что недавние сторонники социалистического реализма позволили вовлечь себя в аферистский сюрреализм (...) Долгое время мы считали, что для смены власти нужно выйти на улицу и продемонстрировать силу общественного протеста. Последний период правления „Союза демократических левых сил" показал полякам, что место улицы могут занять нравственные ценности. Это очень важное открытие, свидетельствующее о силе этики в структурах демократического государства. Те, кто пренебрегал значением этических ценностей, должны пересмотреть свои прежние взгляды и принять во внимание значимость гражданского морального протеста». *(«Жечпосполита», 26-27 февр.)*

• Демократическая партия — так будет называться новое политическое формирование, создаваемое [лидером «Унии свободы»] Владиславом Фрасынюком и [вице-премьером, до недавнего времени членом СДЛС] Ежи Хауснером. Новой партии покровительствует Тадеуш Мазовецкий. «Мы создаем партию людей, которых отталкивает то, что делается слева, и беспокоит происходящее справа», — заявил Мазовецкий. Программное заявление подписали, в частности, Бронислав Геремек, Кшиштоф Козловский, Казимеж Куц, Вальдемар Кучинский, Ольга Кшижановская, Богдан Лис, Даниэль Ольбрыхский, Януш Онышкевич, Гражина Станишевская и Марек Эдельман. *(«Газета выборча», 28 февр.)*

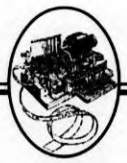
• Согласно подготовленному ЦИОМом рейтингу доверия к политикам, проф. Збигневу Религе доверяют 67% поляков, Александру Квасневскому — 66, Леху Качинскому — 52, Ярославу Качинскому — 51, Яну Роките — 46, Юзефу Зиху и Влодзимежу Цимошевичу — по 45, Мареку Бельке — 44, Дональду Туску — 42, Мареку Боровскому — 40, Анджею Лепперу — 38%. *(«Газета выборча», 1 марта)*

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, на предстоящих президентских выборах за Збигнева Религу готовы проголосовать 24% поляков, за Анджея Леппера — 15, за Леха Качинского — 14, за Марека Боровского — 13, за Влодзимежа Цимошевича — 12, за Дональда Туска — 10%. *(«Жечпосполита», 1 марта)*

• Перед ожидаемым допросом Александра Квасневского комиссией Сейма по расследованию аферы «Орлена» Гжегож Вечежак и Марек Дохналь, выступая в качестве свидетелей, дали этой комиссии, а также комиссии по расследованию приватизации Государственного страхового предприятия показания, бросающие тень на окружение президента. Оба свидетеля обвиняются в уголовных преступлениях. *(«Тыгодник повшехный», 13 марта)*

• «К сегодняшнему допросу [президента Александра Квасневского следственной комиссией] уже был подготовлен Колонный зал Сейма, а канцелярия президента подтвердила, что Квасневский предстанет перед комиссией. Однако в 18.30 президент заявил: „Я отказываюсь встречаться с комиссией". Квасневский отверг все обвинения, выдвинутые членами комиссии. „У меня никогда не было и нет счета в иностранном банке, я полностью доверяю фонду моей жены «Без барьеров» и моим сотрудникам", — сказал президент (...) Обосновывая свой отказ, Квасневский напомнил мнение юристов, которые говорили, что глава государства не может быть вызван следственной комиссией". *(«Газета выборча», 8 марта)*

• Из заявления президента Александра Квасневского: «Я беру назад свое прежнее согласие встретиться с комиссией. Я отказываюсь встречаться с ней завтра, ибо моей доброй волей пренебрегли. Я отказываюсь, ибо были пущены в ход недостойные методы и аргументы. Я отказываюсь, ибо мы имеем дело с политической игрой, участвовать в которой я не могу и не



имею права. В то же время я хочу со всей силой подчеркнуть, что мне нечего скрывать ни от общественности, ни от органов правосудия. Я отказываюсь участвовать в политической авантюре, спровоцированной некоторыми членами комиссии по „Орлену". И если нужен был человек, который сказал бы этой комиссии: довольно таких методов, мы не согласны на них, — то этот человек я. Я знаю, что вы будете мстить, что вы выступите с различными нападками на меня, мою семью и моих сотрудников. Но вместе с теми, кто близок мне, я говорю: нет». ***(«Жечпосполита», 8 марта)***

• «В последний момент президент Александр Квасневский в весьма резкой форме взял назад свое прежнее согласие на допрос. Со многими его аргументами трудно не согласиться. Работа комиссии часто не соответствует требованиям парламентарной демократии, а некоторые ее члены заботятся прежде всего о собственных политических интересах. Можно было опасаться и за то, будет ли достойным ход допроса. И все же, несмотря ни на что, ради блага польской демократии президент должен принять этот вызов. Слишком много в последнее время появилось сомнений относительно действий самого президента, а прежде всего его окружения, чтобы такое решение можно было оправдать. Эти сомнения нельзя оставить без ответа. Следует обратиться как к членам следственной комиссии, так и к президенту Александру Квасневскому с призывом сообща изыскать способ проведения допроса. Комиссия должна осознать, что допрос главы государства нужно проводить в особой обстановке, а президент — что уклонение от объяснений — худший из возможных путей». *(Кшиштоф Готтсман, «Жечпосполита», 8 марта)*

• Из открытого письма Леха Валенсы епископам и верующим польской католической Церкви: «Радио „Мария" угрожает польской демократии и образу польской Церкви в мире (...) Наличие в программах антисемитских и ксенофобских мотивов, сеансы ненависти, инструментальный подход к учению и личности Святейшего отца находятся в противоречии с христианской системой ценностей». ***(«Тыгодник повшехный», 6 марта)***

• «От всей души благодарим Вас за спасение нас от смерти, за героизм, любовь, доброту и заботу. Желаем Вам здоровья, душевного спокойствия и преданных друзей, которых у Вас очень много среди нас», — такое поздравление получила вчера Ирена Сендлер в свой 95-й день рождения. Во время войны она вывела из варшавского гетто более 2,5 тысяч еврейских детей. Среди них была и Эльжбета Фицовская. На арийскую сторону ее вынесли в деревянном ящике. При ней была только серебряная ложечка с ее именем и датой рождения. Председатель Польского общества детей Катастрофы проф. Михал Гловинский говорит: «Когда-то я назвал ее „святой в миру", и я настаиваю на этом определении». В настоящее время Ирена Сендлер живет в доме престарелых при монастыре ордена бонифратров в варшавском районе Нове Място. *(«Газета выборча», 16 февр.)*

• Из рецензии Павла Спевака на книгу «Антисемитизм в Польше и на Украине» под ред. Иренеуша Кшеминского: «Ширится современный антисемитизм, имеющий ярко выраженную политическую почву. Десять лет назад в таких взглядах признавались около 17% граждан, теперь — 27%. Несколько уменьшилась группа, свободная от расистских предубеждений (в 1992 — 57%, в 2002 — 46%). Все усилия и кампании, пропагандирующие терпимость и многокультурность, принесли довольно жалкие результаты. Победили те, кто с величайшим отвращением отзывался о терпимости, не считая, что эта добродетель заслуживает защиты. Слово „либерализм" обесценилось, а вместе с ним и ценности, основополагающие для того, что я уже много лет называю „либеральным минимумом" (...) Антисемитизм в значительной степени блокирует наше внутреннее созревание и коллективный рост. Он перестает быть одним из пороков и становится главной болезнью польской души». ***(«Тыгодник повшехный», 13 марта)***

• «Его фамилия была Мондрый. Он был варшавским полицейским — таким простым, без позерства. Он спасал евреев. Его или его семью разыскивает герой варшавского гетто Симха Ротем — „Казик" Ратцаер». *(«Газета польска», 2 марта)*

• «Когда в квартире шестилетнего Брайана Хлебовского из Лодзи вспыхнул пожар, он сам позвонил в пожарную охрану. Тем самым он спас жизнь своему больному диабетом отцу и жителям всего дома. Не удалось спасти лишь самого

Брайана. Несмотря на молниеносную спасательную операцию мальчик отравился угарным газом, в результате чего наступила смерть мозга. Прежде чем ребенка отключили от аппаратуры, поддерживающей жизнь, его мать выразила согласие на забор органов. Почки Брайана получили двое детей из Центра здоровья ребенка». *(«Газета выборча», 16 февр.)*

• На похороны Брайана Хлебовского пришли толпы жителей Лодзи. Президент Квасневский посмертно наградил мальчика медалью «За жертвенность и отвагу». Его именем будет названа детская площадка. «Если бы он был менее спокойным, рассудительным и мудрым, то, быть может, сегодня на этом кладбище стоял бы не один гроб», — сказал над могилой Брайана президент (мэр) Лодзи Ежи Кропивницкий. Необычным образом почтили память героя пожарные. Кроме цветов они принесли ему плюшевую игрушку. «Это мишка, которого мы обычно даем детям — жертвам пожара, — сказал начальник лодзинской городской пожарной охраны Гжегож Лыскович. — Брайану мы не успели его подарить и потому принесли на могилу». *(«Газета выборча» и «Жечпосполита», 18 февр.)*

Брайан Хлебовский

• «Приют „На Палюхе" обращается к варшавянам за помощью: бездомным собакам, живущим в приюте, холодно. В приюте нет достаточного количества одеял, чтобы согреть псов, поэтому его работники просят каждого, у кого есть ненужное одеяло, отдать его...» *(«Газета выборча», 17 февр.)*

• «Издевательство над животными наказуемо в Польше начиная с 1928 года. В последние восемь лет за это можно попасть в тюрьму. Один раз это уже имело место. Еще полтора десятка человек приговорены к лишению свободы условно. Только 1% поляков считает, что наказания за издевательство над животными не нужны». *(Изабелла Радлинская, «Жечпосполита», 17 февр.)*

• «Человек, собирающийся отправиться в другое государство Евросоюза вместе со своей собакой или кошкой, должен получить на нее паспорт. Такой документ выдает ветеринар, получивший соответствующие полномочия от окружного врачебно-ветеринарного совета». *(«Жечпосполита», 25 февр.)*

• Из некролога: «Прощай, Кот!» *(«Газета выборча», 9 марта)*

Тереса Черневич-Умер

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

Наверное, трудно придумать такую пытку, какой никогда не применяли насильники к своим жертвам. Причем не в изощренных фильмах ужаса, призванных устрашать зрителя, а в собственной семье, в стенах собственного дома. Сегодня в средствах массовой информации столь часто показывают людей, изувеченных близкими родственниками, что можно предположить: насилие в семье — явление весьма частое и притом нарастающее.

Определение

Проявления насилия в семье зачастую столь очевидны, что ни у кого не возникает никаких сомнений: происходит издевательство над членом семьи. Однако бывают случаи и более сложные, когда оценка ситуации не настолько проста. Насилие ассоциируется прежде всего с агрессией, но эти явления не следует отождествлять, в частности по той причине, что насилием часто называют любого рода плохое отношение к близкому человеку, в том числе и невнимание. Ученые дают различные определения понятию насилия в семье. Польские специалисты, занимающиеся оказанием помощи пострадавшим, исходят из определения, согласно которому насилие — это умышленное деяние с использованием превосходства в силе, нарушающее личные и имущественные права другого человека, причиняющее страдания и наносящее ущерб.

Луис Аларкон Ариас, руководитель Общепольской неотложной помощи жертвам насилия в семье «Голубая линия» объясняет:

— Мы используем определение, которое носит прежде всего диагностический характер. Насилие — это явление, которое вытекает из действия человека или из бездействия в отношении своих обязанностей, и проявляется в межчеловеческих отношениях. Это деяние умышленное, причем не важно, каков характер этого умысла, так как оценка его зависит от точки зрения. Люди очень часто применяют насилие, свято веря, что это делается во благо: так, родители бьют детей, будучи убеждены, что делают это ради их блага. Насилие — это деяние, нарушающее личные и имущественные права другого человека. И тут возникает вопрос: какие это права? Чаще всего, говоря о правах, мы имеем в виду серьезные вопросы: право на жизнь, право на свободу, на любовь и т.п. А между тем в повседневной жизни у нас есть также много прав, которые кто-то может поставить под угрозу или лишить нас возможности ими пользоваться. Многие женщины, обращающиеся за помощью в связи с тем, что пострадали от насилия, уверены, что они не имеют права принимать решения о том, как одеваться, какую выбрать прическу, не имеют права встречаться с подругами, ложиться спать, когда пожелают, отказывать в половом сношении, когда им не хочется близости. Люди не знают о том, что никто не имеет права без их согласия пользоваться их имуществом, или о том, что никто не должен препятствовать им в пользовании их собственностью.

Насилие совершается по ассиметричной схеме, когда одна из сторон имеет значительное превосходство над другой. В частности, поэтому подавляющее большинство насильников в семье — мужчины, обладающие превосходством над женщинами, причем не только физическим, но и в других сферах: в доступе к различным вещам, в сфере финансовой, общественной, даже политической. Мужчины тоже бывают жертвами насилия, но это касается лиц, не имеющих вышеназванного превосходства, или, например, мальчиков и подростков, зависящих от родителей, либо людей слабых, немощных, старых или таких, которые не могут за себя постоять. К сожалению, когда такие мальчики подрастают, то чаще всего они переходят в группу насильников.

Последняя, очень важная черта явления, которое мы называем насилием: это деяние, причиняющее вред — физического и психического свойства.

Физическое насилие, особенно грубое, легче всего диагностировать и доказать, оно особенно наглядно. Насильники избивают своих жертв: бьют ногами, душат, обжигают, толкают, погружают с головой в воду, наносят раны острыми предметами, бросают в них разные предметы, сталкивают с лестницы, выкидывают в окно. В таком контексте психологическое, сексуальное или экономическое насилие представляется менее опасным, а ведь оно тоже может превратить жизнь жертвы в ад. Как в случае физического насилия, так и в вышеназванных сферах

жизни изобретательность насильников бывает неограниченной. Жертв унижают, высмеивают, критикуют, контролируют все сферы их жизни, запугивают, морят голодом, заставляют подчиняться изощренному порядку, приказам, запретам, не позволяют им ничего предпринимать без разрешения насильников, которые и так никогда не бывают удовлетворены. Насильники принуждают своих жертв к половым сношениям, иногда с третьими лицами, навязывают им свои сексуальные пристрастия, зачастую извращенные, мучают сценами ревности. Не удовлетворяют их элементарных материальных потребностей, не разрешают работать или отнимают заработанные деньги, не разрешают пользоваться своими вещами.

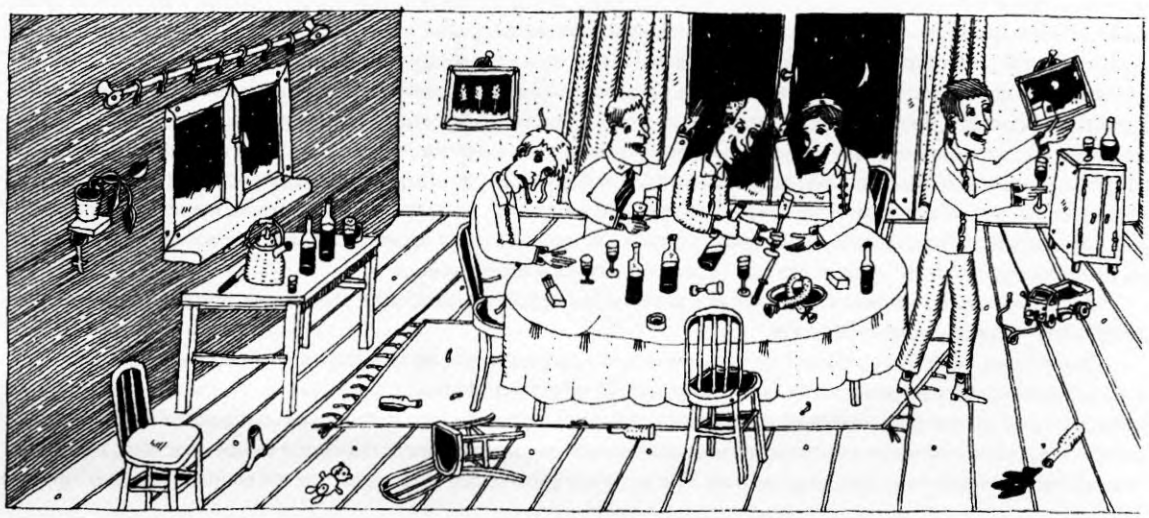
Насилие бывает «горячим» или «холодным». Если насильник впадает в бешенство, безудержную ярость, выход которой он может дать только через агрессию, разрушение, причинение боли жертве, тогда его поведение определяется как «горячее насилие». Виновник «холодного насилия» действует продуманно, стремясь к поставленной перед собой цели. Он считает, что хотя его действия иногда и причиняют боль, тем не менее совершаются во благо самой жертвы, например ради воспитания сильного человека, с определенными чертами характера.

— В прошлом году мы проводили исследования в одной из варшавских гмин, — говорит Луис Аларкон Ариас. — Оказалось, что примерно 80% родителей применяют эмоциональное насилие в отношении детей, причем это один из самых используемых методов воспитания. Таким образом, это становится нормой — да вот вопрос, насколько она справедлива. Способствует ли ее применение тому, чтобы что-то улучшилось, способна ли она сформировать систему ценностей, которые повсеместно признаются правильными, конструктивными, позитивными. Разумеется, все: и родители, и воспитатели, и учителя — убеждены, что действуют они во благо детей.

Насилие — явление социально-психологического характера. Это означает, что существует множество элементов — как во внутренней жизни человека, в его психике, в его культуре, воспитании, так и в общественной жизни, в тех социологических и даже политических условиях, которые формируют образцы поведения с использованием насилия. И к ним обращаются люди в разных конфликтных ситуациях, в том случае, когда им чего-то очень нужно добиться от другого человека. К насилию обращается мать, которая желает добра своему ребенку, муж, который любит свою жену, начальники, которые хотят заставить подчиненных добиваться более высоких результатов, — все хотят чего-то хорошего. Если они желают поставить на своем, но аргументы у них исчерпались, тогда они пускают в ход насилие.

Масштаб явления

— По данным, поступающим из других стран, а также по результатам изучения общественного мнения, проводившегося в Польше с 1990-х по настоящее время, — говорит Луис Аларкон Ариас, — можно констатировать, что в каждой пятой польской семье дело доходит до серьезных актов насилия. Причем эти данные отражают проблему физического насилия. Но совершенно не изученным остается психологическое насилие, которое очень трудно диагностировать, ибо люди не подготовлены к тому, чтобы распознавать его и предавать огласке.



Ignacy Czwartos

Масштаб такого явления, как насилие, огромен. Но не надо считать, что теперь насилия стало больше, чем прежде, — просто больше жертв его решаются заявить об этом, попросить помощи, попытаться что-либо изменить. То, что многие люди живут бедно, создает благоприятную среду для насилия, но его причина — вовсе не нищета.

По информации пресс-службы Главного управления полиции, в 2003 г. полиции пришлось около 600 тыс. раз вмешиваться в домашние ситуации, из них в 85 тыс. случаев дело касалось насилия в семье. Число жертв насилия достигает почти 140 тысяч: 80 тысяч — это женщины, 7,5 — мужчины, остальные — дети и подростки. Однако надо отдавать себе отчет в том, что эти цифры отражают всего лишь малую часть издевательств над членами семьи, а подавляющее большинство остается тайной за дверями квартиры. В этой статистике не отражено насилие в отношении пожилых людей. А между тем с пожилыми членами семьи тоже часто обращаются очень плохо. Их бьют, унижают, изолируют, обкрадывают, эксплуатируют. Пожалуй, этой группе больше всего требуется помощь. Если детьми, страдающими от насилия, может в конечном итоге заинтересоваться школа или органы здравоохранения, а подвергающиеся насилию женщины с трудом, иногда лишь по прошествии десяти с лишним лет, на протяжении которых они подвергались насилию, все же решаются бороться за освобождение от насильника, то из пожилых людей мало кто находит в себе силы обвинить собственных детей или внуков.

Дело личное

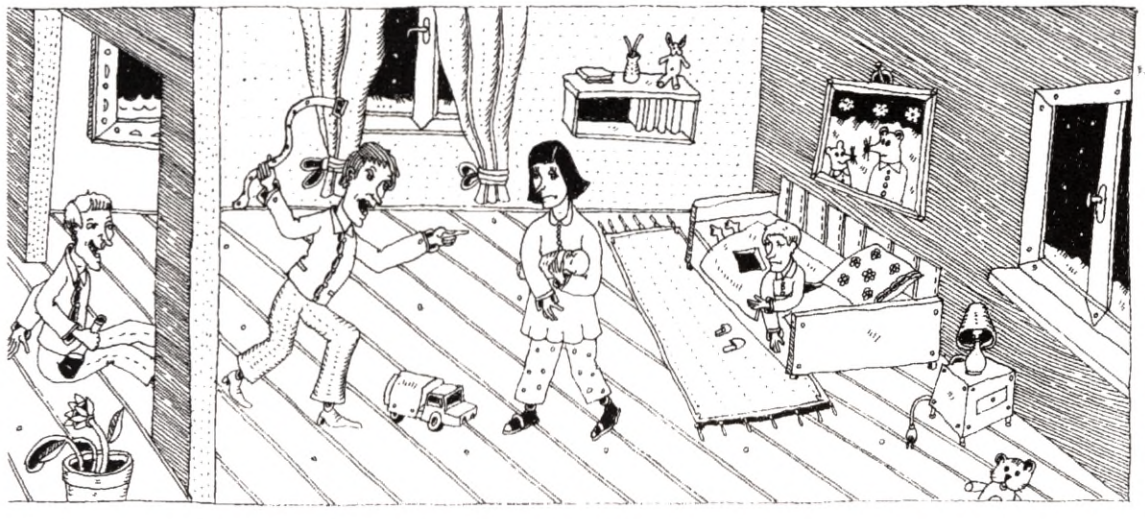
Разумеется, насилие — явление не новое. Однако еще совсем недавно оно считалось внутрисемейным делом. Лишь в 90-х годах XX века насилие в семье стали считать серьезной общественной проблемой, нарушением основополагающих прав человека на неприкосновенность и самоопределение. Во время Международной конференции по правам человека в Вене в 1993 г. было заявлено, что в семье, в сфере частной жизни тоже действуют права человека. Насилие в отношении женщин было признано нарушением этих прав.

По действующему в Польше законодательству:

— виновный в том, что угрожает другому лицу совершением преступления с причинением ему вреда либо с причинением вреда близкому человеку, если эта угроза вызывает у возможной жертвы обоснованное опасение, что она будет исполнена, наказывается штрафом, ограничением свободы либо лишением свободы на срок до двух лет (ст.190 УК).

— виновный в применении насилия в отношении лица либо в незаконной угрозе с целью понудить третье лицо к совершению определенного действия или к бездействию либо подчинению определенным действиям наказывается лишением свободы на срок до трех лет (ст.191 УК, ч.1). То же деяние, совершаемое так, как это описано в части 1, с целью понудить вернуть задолженность, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет (ст.191 УК, ч.2).

— виновный в том, что с помощью силы, незаконной угрозы или обманом добивается от другого лица полового сношения наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет (ст.197 УК, ч.1). То же деяние, совершаемое таким образом, как это описано в части 1, для понуждения другого лица подчиниться



иному сексуальному сношению или исполнить такое сношение, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет (ст.197 УК, ч.2). Произведенное насилие, описанное в части 1 или 2, совершенное виновным с особой жестокостью или совместно с третьим лицом, наказывается лишением свободы на срок от двух до двенадцати лет (ст.197 УК, ч.3).

— виновный в понуждении лица младше 15 лет к половому сношению или в понуждении подчиниться иному сексуальному сношению либо совершению такого сношения наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет (ст.200 УК, ч.1). Такому же наказанию подлежит тот, кто сделал с участием такового порнографическое произведение (ст.200 УК, ч.2).

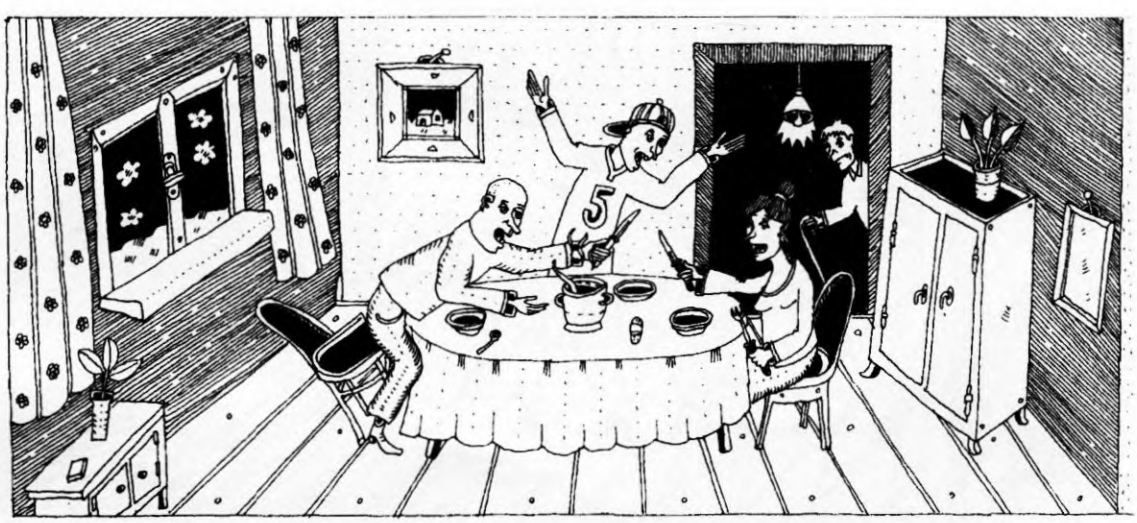
— виновный в физическом или психическом издевательстве над близким родственником или другим лицом, находящимся в постоянной или временной зависимости от виновного, или над малолетним либо лицом беспомощным ввиду своего психического или физического состояния наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет (ст.207 УК, ч.1). То же деяние, описанное в части 1, совершенное с особой жестокостью, наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет (ст.207 УК, ч.2). Если последствием деяния, описанного в части 1 или 2, стало покушение жертвы на собственную жизнь, то виновный наказывается лишением свободы на срок от двух до двенадцати лет (ст.207, ч.3).

— виновный в спаивании несовершеннолетнего путем предоставления ему алкогольного напитка, облегчения ему доступа к алкоголю или склонения его к потреблению такого напитка, наказывается штрафом, ограничением свободы или лишением свободы на срок до двух лет (ст.208 УК).

Таким образом, существуют законы, признающие насилие в семье преступлением. Однако в общественном сознании по-прежнему распространено убеждение, что не следует «выносить сор из избы», а сами жертвы часто не в состоянии преодолеть чувство страха, стыда и вины и выступить против виновника. То, что кого-то подвергают в семье издевательствам, часто становится известно случайно — когда это заметят в школе или когда жертва попадает в больницу.

К счастью, с тех пор, как этой проблемой начали заниматься неправительственные организации, а в средствах массовой информации ей посвящается все больше внимания, отношение к насилию в семье стало постепенно меняться. Об этом, в частности, свидетельствуют данные «Голубой линии». В 1996 г., за год функционирования телефонного номера «Голубой линии», было зафиксировано 3,5 тыс. звонков с просьбой о помощи. В 2003 г. таких звонков было свыше 13 тысяч. Это означает, что люди все точнее диагностируют насилие и обращаются за помощью.

Почему жертвы насилия не в состоянии ему противодействовать? Почему они мирятся с таким отношением к себе, которое заставляет их страдать? Почему женщины не уходят от своих партнеров, применяющих насилие? Причин множество. Хотят сохранить семью — по экономическим, религиозным, общественным и психологическим причинам; не хотят, чтобы дети росли без отца. Они запуганы, ощущают стыд, вину, боятся, что не получат помощи, что им никто не поверит. Боятся мести. Им некуда уйти и не на что начать новую жизнь. Они верят, что партнер изменится, что его поведение — результат воздействия каких-то внешних факторов и вскоре все будет



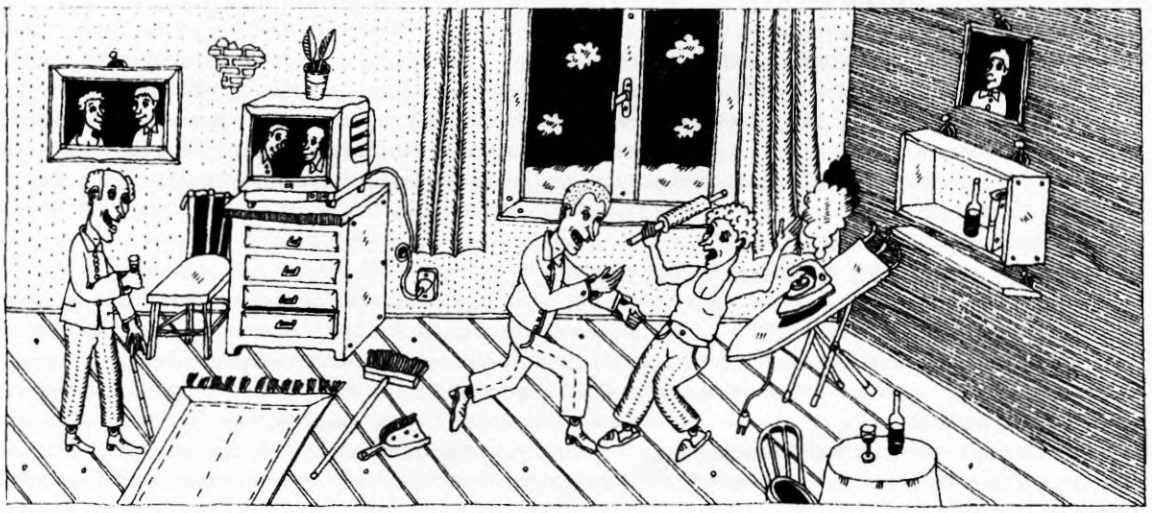
хорошо. Впрочем, зачастую, когда партнер начинает ощущать, что у его жены или сожительницы созревает решение об уходе, он на некоторое время меняет свое поведение, и у женщины появляется надежда на то, что положение улучшится и их союз будет спасен.

Исследования показывают, что цикл насилия складывается из трех повторяющихся фаз. В первой фазе, фазе нарастающего напряжения, насильник становится все более агрессивным, все его раздражает и приводит к скандалам, напряжение в семье растет. Вторая фаза, фаза грубого насилия, — это резкий всплеск насилия, во время которого жертве наносится наибольший ущерб — физический и психический. После этого наступает фаза третья — «фаза медового месяца». Выплеснув агрессию, насильник демонстрирует раскаяние, обещает исправиться, пытается оправдаться, ведет себя по-иному. Жертва начинает верить, что партнер на самом деле изменился и все будет хорошо. А между тем постепенно опять начинает нарастать напряжение, которое получит разрядку в новых актах насилия. Весь цикл повторяется много раз, причем «фаза медового месяца» становится все короче, а насильник в этот период прилагает все меньше стараний.

Повторяющиеся акты насилия истощают психику жертв, свидетелей и самих насильников, разрушают семью и ее окружение. У лиц, подвергшихся насилию, наблюдается комплекс нарушений — посттравматический стресс (ПТС), такие же эмоциональные нарушения, как те, от которых страдают солдаты во время войны, а также жертвы катастроф и заложники, похищенные террористами. Со временем у подвергающейся мучениям жертвы развивается так называемый комплекс виктимизации; она теряет ощущение безопасности и собственной личности и в конце концов приспосабливается к роли жертвы, перестает защищаться. Некоторые отчаявшиеся люди решают совершить самоубийство (ежегодно несколько десятков человек уходит из жизни подобным образом) или убить насильника. В особенно трудном положении оказываются дети. Огромное воздействие на них оказывает не только прямое отсутствие внимания к ним или издевательство со стороны родителей, но даже то, что они становятся лишь свидетелями насилия. Последствия этого — как в непосредственном, так и в долгосрочном плане — зависят от того, в каком возрасте и на каком этапе развития находится ребенок, подвергающийся насилию или становящийся его свидетелем. Насилие оказывает воздействие и на его физическое развитие, и на способности, и на психическое развитие. Может оказаться, что такому ребенку уже никогда не удастся наверстать упущенное в процессе учебы и в эмоциональном развитии, он никогда уже не научится решать проблемы, устанавливать связи с другими людьми.

Вдобавок маленькая жертва насилия в семье усваивает, что таковы правила жизни, таков способ воздействия на другого человека. И знает, что лучше иметь преимущество над другим, чем быть жертвой. Из детей, испытавших на себе насилие в детстве, вырастают насильники, и часто они не дожидаются взрослого возраста, чтобы найти жертву, которую смогут мучить. Собственно говоря, это явление сходно с «дедовщиной» в армии. На самом деле «дедовщина» есть везде — в школе, в контактах между ровесниками, на работе.

Кто должен заниматься противодействием насилию и помогать его жертвам?



Насилие в семье — явление многостороннее, поэтому оно требует вмешательства многих органов — государственных, муниципальных, неправительственных. Иметь дело с насилием приходится не только полицейским, но и органам правосудия, центрам социальной помощи, центрам экстренного вмешательства, органам здравоохранения, которые вынуждены заниматься последствиями насилия, всей системе просвещения, которая обязана отслеживать факты насилия и проводить профилактическую деятельность, а также различным учреждениям, которые контактируют с лицами, подвергающимися насилию. Действуют также многочисленные неправительственные организации, такие как «Голубая линия», Центр по правам женщин, фонд «Ничьи дети».

— Теоретически все эти организации и учреждения должны сотрудничать друг с другом и координировать свою деятельность, — говорит Луис Аларкон Ариас. — К сожалению, на практике они действуют независимо друг от друга, изолированно от других организаций. Часто их деятельность дублируется, а лица, занимающиеся ею в одном месте, не имеют понятия о том, какими проблемами занимаются другие. Это может приводить даже к трагедии. Помощь нельзя оказывать второпях. Насилие в семье — это атака на все сферы жизни человека, и надо решать вопросы, связанные с финансами, общественной жизнью, правовой сферой, психологией, эмоциональной сферой, воспитанием и опекой над детьми; поэтому всем этим должны заниматься очень многие организации.

Как утверждают специалисты, никакое учреждение или отдельный человек не в состоянии правильно отреагировать на каждое заявление о насилии в семье. Поэтому самый действенный способ — создавать локальные интердисциплинарные группы, которые во взаимной координации займутся каждым отдельным случаем насилия в семье. Пример реализации такого решения — программа «Против насилия», которую внедряет Краковский региональный центр социальной политики. Благодаря ему во многих гминах Малопольского воеводства созданы местные комитеты, которые вырабатывают эффективную модель сотрудничества социальных органов и неправительственных организаций, способную улучшить систему оказания помощи семьям, страдающим от насилия.

— «Голубая линия» вот уже много лет осуществляет на практике и пропагандирует идею создания интердисциплинарных групп, которые должны решать проблемы, связанные с насилием, идею объединения усилий различных местных организаций, которые действуют в соответствии с определенными процедурами, — говорит Луис Аларкон Ариас. — На протяжении многих лет мы проводим занятия, которые помогают разным организациям в подготовке к созданию интердисциплинарных групп. Во многих местах они работают весьма эффективно, но во многих — еще не очень.

Организации, занимающиеся оказанием помощи жертвам насилия в семье, информируют пострадавших о том, какие шаги они могут предпринять и куда обратиться за помощью. Издаются подробные инструкции, подсказывающие, что и как надо делать буквально шаг за шагом. Сообщаются различные важные сведения о том, чего пострадавшие могут ожидать от конкретных организаций, чего они должны добиваться, о чем помнить, например во время вмешательства, какие документы и доказательства собирать, куда обращаться, если в помощи отказано или она была оказана ненадлежащим образом.

Пострадавшие должны сознавать, что хотя акты насилия в семье — это преступление и теоретически закон защищает жертв насилия, но, чтобы воспользоваться этой защитой, они сами должны начать действовать. Пассивное ожидание ни к чему не приведет, а на помощь извне могут рассчитывать лишь те, кто сумеет преодолеть страх и стыд и сам за ней обратится или попросит кого-либо сделать это от его имени.

Эта информация о существующих правах и о том, чего следует добиваться от разных организаций, очень полезна, ибо, к сожалению, система вмешательства в ситуации насилия в семье действует не самым лучшим образом, а это может привести, например, к нежеланию жертвы сообщать в прокуратуру о преступлении. Полицейские не любят вмешиваться в семейные дела, а многие сотрудники полиции по-прежнему привержены стереотипному мнению о том, что не следует вмешиваться в жизнь семьи. Совершенно необходимо проводить соответствующее обучение, чтобы принципиально изменилась позиция лиц, работающих в полиции, прокуратуре, системе судопроизводства.

Голубые карточки

Для того, чтобы усовершенствовать и унифицировать расследование дел в отношении лиц, вовлеченных в насилие, совершаемое в семье, в 1998 году полиция ввела «голубые карточки» — процедуру, с помощью которой, с одной стороны, можно прекратить насилие, а с другой — оказать помощь его жертвам. Во время вмешательства полицейские — как принимающие вызов, так и проводящие вмешательство — обязаны заполнить особые формуляры, в которых они описывают ситуацию и предпринятые ими действия. Они также обязаны вручить пострадавшему листок с информацией об имеющихся у него правах, со списком адресов и телефонов организаций, занимающихся оказанием помощи. Там оставлено и место для того, чтобы пострадавший сам описал, как все происходило.

Заполненные голубые карточки затем передаются участковым, которые после этого обязаны осуществлять постоянную опеку над семьей (известно, что насилие обычно повторяется, а в Польше не существует правовых норм, запрещающих насильникам общаться с жертвами), а также наладить сотрудничество с другими службами, оказывающими помощь жертвам насилия, прежде всего с Центром социальной помощи, чтобы по мере необходимости они занялись пострадавшими. Голубые карточки — важный документ для суда, если против насильника возбуждается дело в суде.

Неправительственные организации

Огромную роль в противодействии насилию в семье играют неправительственные организации. Как я уже упоминала выше, прежде всего они занимаются распространением сведений о том, как следует поступать, когда человек подвергся насилию в семье. Они оказывают всестороннюю помощь жертвам, консультируют их и оказывают поддержку, мотивируют необходимость противостояния насилию. Многие первым делом обращаются именно туда, ибо значительно легче, например, позвонить в «Голубую линию», чем подать заявление в полицию. Неправительственные организации содержат также приюты, в которых могут остановиться спасающиеся от насилия в семье.

«Голубая линия»

Общепольская неотложная помощь жертвам насилия в семье «Голубая линия» — это неправительственная организация, которая с 1995 г. в соответствии с поручением Государственного агентства по решению алкогольных проблем действует при Институте психического здоровья Польского психологического общества.

Основной элемент деятельности этой организации состоит в том, что с 1995 г. ведется дежурство в рамках телефонной «горячей линии», работающей для приема информации и просьб о вмешательстве от лиц, подвергающихся насилию со стороны ближайших родственников. По номеру 0-801-1200-02, действующему в будни с 10 утра до 10 вечера, а в воскресные и праздничные дни — до четырех часов дня, могут позвонить как жертвы насилия в семье, так и сами насильники, а также свидетели. На телефонные звонки отвечают дежурные, специально подготовленные к тому, чтобы заниматься такой проблематикой. Жертвы насилия в семье могут также связаться с сотрудниками «Голубой линии», позвонив по варшавскому номеру 022-666-00-60 (с понедельника по пятницу с 10 утра до 10 вечера). Позвонившие в «Голубую линию» получают психологическую помощь, необходимую поддержку, консультацию по юридическим вопросам, а также информацию о том, куда можно обратиться за помощью поблизости от места проживания обратившегося. Сотрудники «Голубой линии» также делают заявку в соответствующие организации.

Каждый телефонный разговор записывается, и таким образом создается база данных о масштабах насилия в семье, о людях и о тех местах, где предоставляется помощь всем, кого коснулась эта проблема. Число состоявшихся разговоров систематически растет, с 2000 г. их насчитывается свыше 10 тысяч в год.

В 1996 г. организация неотложной помощи начала открывать консультационные пункты для жертв насилия из Варшавы и ее окрестностей. Вначале помощь оказывалась только взрослым, подвергающимся насилию, однако в настоящее время программа распространена на три группы: жертвы насилия, насильники (партнеры и родители), а также дети из семей, в которых наблюдается это явление. Все, на кого распространяется программа, могут рассчитывать в первую очередь на то, что будет поставлен диагноз их ситуации, а затем им будет оказана всесторонняя помощь — в психологическом, правовом и социальном плане.

Цель программы помощи взрослым, страдающим от насилия, состоит в том, чтобы подготовить план по оказанию им соответствующей помощи, мотивировать их на защитные действия, обучать их такому поведению, которое бы способствовало прекращению насилия. Заинтересованные лица участвуют как в индивидуальных консультациях, так и в групповых встречах и терапевтических марафонах.

Цель программы, предусматривающей процесс просвещения, вмешательства и корректировки поведения людей, пускающих в ход насилие, заключается, естественно, в том, чтобы удержать их от применения насилия. Работа с этими людьми ведется таким образом, чтобы они осознали последствия подобного поведения для всей семьи, чтобы научить их иначе вести себя в сложных ситуациях, развивать навыки диалога как метода решения проблем, вырабатывать новые модели поведения. Занятия проводятся прежде всего в индивидуальном порядке, но бывают и групповые встречи. Как подчеркивает Луис Аларкон Ариас, это самая лучшая инвестиция: если надо что-то менять, то следует прежде всего воздействовать на людей, на которых лежит ответственность за насилие.

Дети, для которых предусмотрена соответствующая программа, учатся распознавать и выражать собственные эмоции, учатся справляться со сложными эмоциями, тренируются в умении разрешать конфликты без насилия и обучаются методам общения с другими людьми, получают поддержку в трудной для них жизненной ситуации. С ними проводятся индивидуальные, групповые и семейные занятия, терапевты также консультируются с опекунами детей.

Юристы помогают клиентам неотложной помощи ознакомиться с правами, которыми они обладают, и найти наилучшее правовое решение в их ситуации, помогают им написать соответствующие заявления в суд или другие организации. А сотрудники социальных служб предоставляют информацию о возможности получить материальную помощь, о местах в приютах, а также о других формах помощи, помогают решить вопросы в различных учреждениях и организациях, в случае необходимости сами активно вмешиваются в процесс решения проблем клиентов.

В 1997 г. «Голубая линия» открыла центр информации о насилии в семье — там собираются различные материалы на эту тему, появившиеся в научных изданиях или публицистике. Неотложная помощь занимается также просвещением и профилактикой: организует учебные семинары для представителей различных служб, которые оказывают помощь жертвам насилия в семье.

Центр по правам женщин

Важная неправительственная организация, оказывающая помощь жертвам насилия в семье, — Центр по правам женщин. Деятельность этой организации направлена на то, чтобы уравнять статус женщины и мужчины как в общественной жизни, так и в семье. Поэтому проблема насилия в семье занимает в работе Центра важное место. Женщины, подвергающиеся насилию, могут рассчитывать здесь на бесплатную юридическую и психологическую помощь. Сотрудники Центра помогают составлять документы для судебных расследований, присутствуют во время контактов клиентов с представителями органов юстиции, помогают в решении жизненных проблем. Одна из таких проблем — необходимость найти приют в ситуации, когда жертве приходится бежать из дома, спасаясь от насилия. Ибо, как правило, именно жертвам приходится покидать дом, чтобы обеспечить себе безопасность. К сожалению, большого выбора возможностей у них не бывает: их могут приютить родные или знакомые, либо они могут поселиться в приюте для бездомных. А пребывание в приюте, который для настоящих бездомных представляет действительно удобное решение, становится дополнительным кошмаром для тех, кому подчас приходится в одной ночной рубашке бежать из своего дома и оставлять его мучителю. Заботясь о таких людях, Центр по правам женщин организовал в Варшаве собственный небольшой приют исключительно для женщин — жертв насилия.

Центр по правам женщин не только занимается оказанием помощи в индивидуальных случаях, но и предпринимает шаги по улучшению функционирования действующего законодательства и его усовершенствованию, а также занимается популяризацией знаний о правах женщин. Он публикует различные пособия, организует учебные занятия, например для полицейских.

Общепольское соглашение лиц и организаций, оказывающих помощь жертвам насилия в семье «Голубая линия»

Для того чтобы деятельность по оказанию помощи семьям, в которых имеет место насилие, становилась более эффективной и сконцентрированной, во время работы III Общепольской конференции «Против насилия» было создано Общепольское соглашение лиц и организаций, оказывающих помощь жертвам насилия в семье «Голубая линия». Это общественное движение объединило частных лиц, организации, социальные службы, а также людей доброй воли, которые поддерживают программу противодействия насилию в семье. В «Голубой линии» в настоящее время состоит около 3 тыс. членов — примерно тысяча организаций и свыше двух тысяч частных лиц. Административной работой в этом движении занимается неотложная помощь «Голубая линия». Она организует конференции, посвященные вопросам насилия, встречи по проектам системных решений, общепольские кампании противодействия насилию, готовит просветительские материалы. С декабря 1998 г. раз в два месяца выходит журнал «Голубая линия», адресованный лицам, занимающимся противодействием насилию в семье. Лица или организации, желающие присоединиться к соглашению, подписываются под декларацией следующего содержания:

Польская декларация о противодействии насилию в семье

Насилие в семье — это особенно болезненная проблема в нашей стране. Этому способствуют пассивность граждан и бессилие государственных органов. Поэтому мы призываем парламент, правительство и органы местного самоуправления, судебные органы, прокуратуру, средства массовой информации, а также всех граждан Польской Республики противодействовать насилию и поступать в соответствии со следующими этическими принципами:

Каждый человек имеет право на жизнь в собственной семье, свободной от насилия, которое является нарушением личных и имущественных прав.

Человек, подвергающийся насилию, не может быть обвинен в нем.

Дети и подростки имеют право расти в безопасной среде, свободной от насилия, а обязанность взрослых — им это обеспечить.

Каждый человек, подвергающийся насилию, имеет право на юридическую, социальную, психологическую и медицинскую помощь, без ущерба его личному достоинству.

Каждый человек имеет право на информацию, необходимую для того, чтобы справляться с насилием.

Каждый человек имеет право противодействовать насилию в семье.

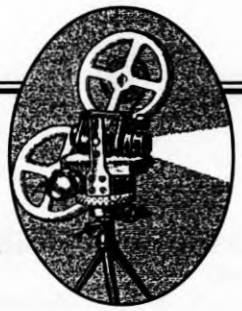
Каждый человек обязан оказывать помощь жертвам насилия в семье.

Декларация принята в декабре 1995 года на II Общепольской конференции по вопросам противодействия насилию в семье.

О противодействии насилию в семье можно говорить как в общем плане, так и с точки зрения жертв, пытающихся прекратить мучения, которым они подвергаются. За последние годы было создано много организаций и учреждений, занимающихся этим явлением и помогающих пострадавшим. Постепенно меняется подход к насилию в семье — пострадавшие все смелее решаются обращаться за помощью, общество получает все больше информации, связанной с этой темой, усовершенствованы и унифицированы процедуры полицейского вмешательства с тем, чтобы заявления жертв рассматривались с надлежащей серьезностью. Однако по-прежнему существует расхождение между буквой закона и практикой, а закон недостаточно эффективно защищает жертв. Полицейские часто разделяют мнение значительной части общества о том, что происходящее в семье — ее внутреннее дело. Дела рассматриваются в судах очень долго, и большинство их заканчивается условным приговором, а это чаще всего означает для жертв вынужденное дальнейшее пребывание под одной крышей с насильником. И не насильник, а жертва вынуждена покидать свой дом, пытаясь спастись от насилия, не имея возможности потребовать, чтобы дом покинул насильник. У жертвы нет и возможности потребовать, чтобы насильник прошел лечение, корректирующее его поведение. Таким образом, в вопросе насилия в семье по-прежнему еще многое предстоит сделать.

Представляя в Сейме правительственный законопроект о противодействии насилию в семье, вице-премьер Изабелла Яруга-Новацкая привела статистические данные. В 2003 г. в Польше было зарегистрировано свыше 137 тыс. случаев насилия в семье. Каждое третье убийство совершается на почве семейного конфликта. Несмотря на протесты правых, законопроект, запрещающий, в частности, бить детей и предписывающий виновным в насилии не приближаться к их жертвам, был передан в комиссии Сейма на доработку. Проект поддержали «Союз демократических левых сил», «Польская социал-демократия», «Уния труда», «Самооборона» и крестьянская партия ПСЛ. Его отклонения добивались «Гражданская платформа», «Право и справедливость», «Лига польских семей» и крайне правые депутаты. «Это мораторий закомплексованных феминисток, который приведет к появлению очередных групп девиантов, порожденных бесстрессовым воспитанием без шлепков», — говорил Станислав Гудзовский из ЛПС. «Од одного-двух шлепков недалеко до сломанной ручки или ножки», — предостерегала Мирослава Контная из «Польской социал-демократии». «Неужели пани Контную никогда не шлепали? — вопрошал Анджей Манька из ЛПС. — Наверняка шлепали, как и большинство из нас, — потому-то мы и сидим в этом зале, а не, скажем, в тюрьме». Халина Новина-Конопка из «Польского соглашения» хвалилась, как хорошо она воспитала своих семерых детей при помощи ремня. В свою очередь Анджей Стрыевский из «Национально-католического движения» опасался, что после того, как суд запретит виновным в насилии проживать совместно с жертвами, увеличится число бездомных. ***(«Газета выборча» и «Жечпосполита», 17 февр.)***

В.К.



Янина Куманецкая

ВОТ ЭТО И ЕСТЬ ПОЛЬША*

На последнем Фестивале художественных фильмов в Гдыне были показаны две картины, которые критики признали не только выдающимися произведениями киноискусства, но и важным свидетельством о современной Польше. Речь идет о «Свадьбе» Войтека Смажовского и «Рубцах» Магды Пекож. Попробуем приглядеться к ним повнимательнее.

«Свадьба» уже одним своим названием наводит на мысль о едва ли не самом известном польском сценическом произведении — пьесе, написанной Станиславом Выспянским в 1901 г. под впечатлением бракосочетания его друга Люциана Рыделя с крестьянской дочерью Ядвигой Миколайчик из деревни Броновице близ Кракова. В пьесе Выспянского, как в калейдоскопе, проносятся крестьянские и интеллигентско-мелкошляхетские типажи той эпохи, а полная несовместимость их миров дополняет образ тогдашней Польши. Это превосходно написанное произведение, полное лапидарных изречений, навсегда вошедших в польский афористический словарь, было тем более привлекательно, что представляло собой «пьесу с ключом». Говорят, что после ее премьеры Выспянский в шутку заметил: «Наверное, теперь меня уже никто не пригласит на свадьбу».

Смажовский был далек от создания «фильма с ключом». Наоборот, он, как и подобает в сегодняшнем мире массовой культуры, почерпнул фон и персонажей из СМИ, представив в своем фильме некую антологию ситуаций, считающихся типичными для Польши хищной, дикой и жестокой. Итак, мы видим свадьбу, которой не хотят ни жених, ни невеста: невеста вынуждена выйти замуж, а жениху это выгодно. Разумеется, от этого гости едят и пьют ничуть не меньше, так что оставим их в покое. Пусть себе пируют за ломящимися от яств столами, обделывая при этом разные темные делишки.

Истинный виновник всех этих событий — отец невесты, воплощение хищного польского капиталиста нашего времени, который верит лишь в созидательную и спасительную силу денег. Он-то и будет сурово наказан за эту веру и собственную скупость. И тут начинается самое интересное. Смажовский показывает нам целую галерею ситуаций, типичных для желтой прессы, вводя по ходу действия гангстеров, вонючую колбасу, краденую машину и обчищенный тайник нашего героя, который, естественно (и, возможно, не без оснований), не верит банкам и хранит деньги в своей оранжерее. А результат? Как это часто случается, вместо того чтобы внушить зрителю отвращение к мерзкому капиталисту (но отнюдь не эксплуататору — это совсем другая история), режиссер добивается парадоксального эффекта. Было бы преувеличением сказать, что отец невесты становится нам симпатичен, но после некоторого количества обрушившихся на него несчастий он начинает вызывать сочувствие. Режиссер, сам того не желая, делает из него героя под стать бальзаковскому отцу Горио, который, будучи человеком не слишком симпатичным, готов на величайшие жертвы (что особенно важно, финансовые!) во имя любви к дочери и ее своеобразно понятого счастья. А дочь не хочет об этом даже слышать и убегает с любовником куда глаза глядят.

И тут приходит мысль: может быть, сегодняшняя Польша действительно больше всего напоминает бальзаковскую Францию 30-х годов XIX века

---

* Известная строка из пьесы Выспянского «Свадьба»:

НЕВЕСТА.
«Везем тебя в Польшу!» А где же
та Польша? Пан, может быть, знает?
ПОЭТ.
Ты можешь искать ее всюду
и не отыщешь нигде.
НЕВЕСТА.
Тогда искать я не буду.
ПОЭТ.
Но в радости или в беде
она существует. А ну-ка
к груди приложи свою руку...
НЕВЕСТА.
Там сердце. Ни меньше, ни больше.
ПОЭТ.
Вот это и есть Польша.

(Пер. М.Кудинова)

с ее полным смешением идеалов, где одни чтили Наполеона, другие Бурбонов, а все вместе насмехались над Луи-Филиппом — единственным в этой компании трезвым прагматиком и реалистом? Может быть, в фильме Смажовского речь идет именно об этом? Может, этот мрачный образ польской действительности касается медийного хаоса, смешения ценностей и переоценки понятий, а вовсе не истинной ситуации в стране? Впрочем, в последнее время эти сферы настолько взаимопроницаемы, что никто уже точно не знает, где кончается правда и начинается вымысел. Еще немного, и единственным положительным героем польской медийной жизни станет режиссер-любитель, пассивный наблюдатель, который только снимает жизнь, не участвуя в ней, наподобие Ежи Штура в фильме Кеслёвского «Любитель». Или кто-нибудь такой, как сыгранный сыном Штура Мацеем отвергнутый любовник нашей невесты, с которым она в конце концов убегает куда глаза глядят.

Трагедия заключается в том, что неизвестно, есть ли какая-нибудь другая жизнь, кроме медийной. Отнесемся же к фильму Войтека Смажовского как к последнему предостережению перед этим. Я имею в виду, что не совсем верю в показанную в нем Польшу, но верю, что такой ее образ сильно укоренен в сознании людей.

Несколько иначе обстоит дело с «Рубцами» Магды Пекож. Правда, у меня опять создается впечатление, что мнение об этом фильме не совсем согласуется с тем, что из него следует. «Рубцы» были восприняты как фильм о жестокости в семье, вписанный в классическую модель, когда отец бьет сына исключительно ради его (сына) блага.

Фильм состоит из двух четко отделенных друг от друга частей. В первой мы знакомимся с двенадцатилетним Войтеком и его овдовевшим отцом — педантом, который во всем стремится к идеалу. Идеально сделаны фигурки святых, продажей которых он зарабатывает на жизнь. Педантично порет он сына, стараясь воспитать его по своему образу и подобию безупречным членом семьи и общества, которое в данном случае означает прежде всего католические околоцерковные круги. И не менее педантично следит он за тем, чтобы не оставлять следов своей «педагогической» деятельности. Зритель может не столько оправдывать, сколько объяснять его действия одиночеством, чувством долга и глубоко укорененным католичеством (фильм вызвал дискуссию о влиянии Церкви на насилие в семье). Все это лишь слегка намечено, недосказано и приобретает значение к концу фильма. Сначала впечатлительный Войтек пытается выполнять требования отца, но в конце концов не выдерживает. В приступе отчаяния он складывает свои скромные пожитки в маленький рюкзачок, выкапывает из могилы фарфоровое изображение покойной матери и уходит в большой мир с тем, чтобы больше никогда не увидеть отца.

Действие второй части происходит полтора десятка лет спустя. Войтек — уже взрослый человек. Он с трудом сводит концы с концами, хотя ему удалось добиться некоторой материальной обеспеченности. Однако его истинная страсть — исследование пещер. Как можно догадаться из фильма, он превосходный спелеолог — правда, всеми нелюбимый из-за того, что слишком много требует и даже бывает жестоким. Сам Войтек еще не знает, насколько он похож на отца, которого не видел и о котором ничего не слышал почти двадцать лет. Он тоже делает все ради блага других. Разница состоит лишь в том, что эти другие зависят от него в меньшей степени. «Никто не обязан быть спелеологом», — не без оснований утверждает герой фильма. Просто единственный способ реагировать на мир, который передал ему любящий отец, — это агрессия.

И, может быть, его жизнь была бы такой всегда, а сам он погружался бы все глубже в бездну отчаяния и ненависти, если бы на его пути не встретилась поистине исключительная девушка нешаблонной красоты, мудрая мудростью чувства, а не ума.

По сути дела «Рубцы» — фильм не о насилии в семье, а о любви. О ее извращенной форме, и о том, какова она бывает в чистом виде. Ибо только любовь может быть противоядием на отравленные взаимоотношения между людьми и на образ Польши, представленный в первой части фильма. Эта Польша полна предубеждений, взаимного недоброжелательства, недоверия и непоколебимой веры только в свою правду — психологических рубцов, от которых невозможно избавиться. Любовь в «Рубцах» — вовсе не хэппи-энд, не обещание легкой жизни. Но она дает надежду. А это, пожалуй, главное в жизни людей и в межчеловеческих отношениях.

Может, вот это и есть Польша? Во всяком случае, хочется в это верить.

Наталья Горбаневская

О КАТЫНИ — ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ

Советское прошлое и русское настоящее

Весной 1980 г. к 40-летию катынского преступления парижская газета «Русская мысль» напечатала в пяти номерах (№№3303-3307, 10, 17, 24 апреля, 1 и 8 мая) мою статью «Катынь» — сокращенный и переработанный текст радиопередач, которые я делала на Радио «Свобода» в своей серии «Восточноевропейские свидетельства». В этом довольно большом тексте я постаралась, если можно так выразиться, одновременно как можно более подробно и как можно более сжато описать всю историю преступления и его расследования по данным, собранным к тому времени. Это, разумеется, была компилятивная работа, а не труд историка: я использовала все доступные мне источники, лишь время от времени делая отступления-комментарии (их-то я и буду приводить: они менее устарели, чем сведения, ныне общеизвестные).

Готовя настоящую статью (во многом основанную на материале прежней), я ознакомила с ней Алексея Памятных и Габриэля Суперфина — благодаря их замечаниям внесены дополнения и уточнения.

В начале статьи «Катынь» говорилось:

> «Для всех, кто не забыл это слово, оно означает только одно — кровавое преступление советского режима. Даже обладая той малой дозой информации, которую можно получить в Советском Союзе, трудно было согласиться с выводами неубедительного, слишком грубо фальсифицированного официального советского сообщения (январь 1944) о том, что массовое уничтожение польских военнопленных в Катыни — дело рук «немецко-фашистских захватчиков». (...)
>
> На Большом Нюрнбергском процессе по требованию советских судей [точнее было бы написать: прокуроров] Катынь была включена в обвинительное заключение — и затем ни словом не упомянута в приговоре. В задачи Нюрнбергского трибунала не входило искать, ***кто*** совершил не совершенное немецкими военными преступниками преступление. На них оно не пало — допустим, за недостаточностью улик. За 35 лет улики исследованы в полном объеме и не оставляют сомнения в том, кто преступник».

Я и сегодня считаю, что горы ныне открытых, рассекреченных, разархивированных документов практически ничего не прибавили к ответу на главный вопрос: какое государство, какой режим, по чьему приказу совершил это преступление? Они вскрывают механику преступления (мы, например, всегда наивно думали, что никаких письменных следов распоряжения об убийстве польских офицеров не сохранилось — ан нет, есть прямое решение политбюро ЦК ВКП(б), и сохранилось множество других документов, позволяющих раскрыть картину преступления в деталях), но ответ был известен десятки лет назад.

«Беспрецедентное»?

В последней части статьи, подводя итоги, я писала:

> «Трудно согласиться с Луисом Фиц-Гиббоном [автором книги «Katyn: crime without parallel»], когда он называет Катынь «беспрецедентным преступлением». Слишком много аналогичных в советской практике: потопленные баржи с заключенными, заживо сожженные в бараках и камерах, массовые расстрелы в лагерях, особенно колымских. Достаточно вспомнить страшный рассказ Шаламова «По ленд-лизу», где глазам наблюдателя случайно открывается массовое захоронение убитых заключенных. Да только наблюдателей там иных нет, кроме охраны и зэков.
>
> Во время той же немецкой оккупации были вскрыты массовые могилы советских граждан в Виннице. Захоронения на территории огороженного и сделанного запретной зоной парка культуры и отдыха производились в 1938 году. Разница с Катынью была в том, что расстрелы производились

не на краю рва, а в подвалах тюрьмы НКВД, затем грузовики отвозили трупы к массовым могилам. Среди тысяч тел многие жители города и окрестных сел узнали своих близких. **Все опознанные были в свое время арестованы и приговорены к десяти годам без права переписки.** Зная, сколь распространенным был в те годы такой приговор, зная, что он всегда означал расстрел (слухи об этом ходили еще перед войной, очевидным это стало в эпоху реабилитаций), нетрудно сделать вывод, что, возможно, каждая областная тюрьма имела свои «катынские рвы». Как и в Катыни, в Виннице массовые могилы были засажены молодыми деревцами, парк перед войной был снова открыт, над трупами была воздвигнута музыкальная веранда. В каких парках культуры и отдыха, в каких пригородных лесках лежат сотни тысяч теперь уже не трупов, а скелетов расстрелянных?»

Так оно и оказалось: свои «катынские рвы» нашлись в каждой области: и при областных тюрьмах, и в других, более удаленных от тюрем местах. И не раз над ними были разбиты парки культуры и отдыха. Кстати, и там, где я писала насчет использования трех монастырей как мест заключения польских военнопленных, я напоминала, что традиция использования монастырей в этом качестве — но «для своих» — к моменту катынского убийства насчитывала уже двадцать лет.

«Нельзя считать катынское преступление беспрецедентным и в том отношении, что это было убийство военнопленных. Государство, не подписавшее Женевской конвенции о военнопленных, заставившее миллионы попавших в плен советских солдат и офицеров сдыхать с голоду, а выживших загонявшее в свои лагеря, не располагает к тому, чтобы от него ждали цивилизованного поведения».

Одним словом, не было ничего особо нового под советским небом.

«И все-таки есть что-то в катынском убийстве, что заставляет душу всякого, кто прожил ту эпоху в СССР, особенно содрогнуться. То ли факт, что это были бойцы армии, первой принявшей на себя удар во время II Мировой войны — и притом с двух сторон. Жертвы пакта, заключенного между Гитлером и Сталиным, жертвы четвертого раздела Польши. То ли это извечная русская боль за Польшу, за вину перед Польшей, которая никогда не была столь болезненной, столь оправданной: даже кровавое подавление польских восстаний, виселицы для повстанцев — все это было открыто, откровенно, террор без красивых слов и пропагандистской лжи. То ли вот эта самая ложь, сначала грубая ложь, а потом запрет на самое слово «Катынь», как будто и не было никогда ничего. Разве что в «Таймс» советский журналист напишет возмущенное письмо о том, что дело Катыни давно решено Нюрнбергским трибуналом (и соврет). Для внутреннего употребления даже ложь о немецком преступлении отставлена теперь, лишь бы вытравить из памяти слово, факт, преступление».

Тут я приведу опущенный мною выше (замененный многоточием в скобках) фрагмент из начала статьи:

«Но многие ли в СССР **помнят** о Катыни? О ней давным-давно нет никаких упоминаний в советской прессе, которая вообще постоянно напоминает о памятных местах фашистских зверств, о мемориалах, воздвигнутых на местах массовых уничтожений. **В Катынском лесу мемориала нет...**»

Мемориала не было, но «памятник» стоял, хотя мало кто об этом слышал; на нем, естественно, была дата «1941», а преступниками были названы все те же «немецко-фашистские оккупанты». Я думала, что лживый «памятник» (о нем я тоже писала в своей статье) поставили в конце 70-х, но Алексей Памятных сообщает:

«До последнего лживого памятника там тоже ведь стоял лживый (его довольно плохого качества фотография есть, например, в книжке Заводного) — просто один заменили на другой. О причине замены мне гадать трудно — не исключено, что пришла мысль «благоустроить мемориал», а заодно избавиться от невероятного количества грамматических ошибок в польской надписи на предыдущем памятнике. Но умельцы умудрились и на новом памятнике сделать грамматическую ошибку (я там был, и у меня есть фотографии 1987 года, когда нас с сыном оттуда погнал КГБ-шник, потом я написал «от дурака» письмо в Смоленский обком КПСС — не про ошибку, а про мемориал, к которому не пускают трудящихся, — и даже получил ответ, который пользовался большим успехом среди моих польских приятелей, где и потерялся в кон-

це концов, но это совсем другая история). Так вот, даже на последнем лживом памятнике была ошибка: написали «polskim oficerAm» вместо «polskim oficerOm», т.е. написали на русский манер, поляков постыдились спросить».

Во втором письме А.Памятных уточняет некоторые детали:

«После Бурденко там поставили что-то крайне временное с надписью типа «Воин Красной Армии, отомсти!», после войны (в 50-х?) поставили каменный памятник с надписями по-польски и по-русски, польский текст был анекдотическим в смысле грамотности (он у меня где-то был, но под рукой нету). Более поздний советский мемориал появился, боюсь соврать, в конце или середине 1970-х, а во второй половине 1980-х его попытались формально вычленить из территории КГБ-шных дач, выгородив соответствующими дополнительными заборчиками. Я попал еще без этих заборчиков, когда доступ был закрыт (ответ обкома на мое «письмо трудящегося» был в стиле «Вы ставите правильные вопросы, и теперь мы планируем...» — а далее пара канонических фраз про расстрел поляков немцами в 1941)».

А я тогда считала, что «памятник» воздвигли лишь после того, как советская пропаганда решила «сбить волну» нараставшего международного разоблачения. В число особенно возмутивших СССР поступков входило, например, открытие в 1976 г. в Лондоне символического памятника Катыни, где мы с Виктором Файнбергом (моим другом и подельником по демонстрации на Красной площади против вторжения в Чехословакию) присутствовали и возложили венок. В своей статье 1980 г. я писала:

«В 1976 году Катынь мешала уже не сотрудничеству, а разрядке: перед открытием памятника жертвам Катыни с датой «Катынь 1940» лейбористское правительство оказывало давление на мэра лондонского округа Челси-Кенсингтон с целью отменить торжественное открытие памятника. Когда это не удалось, оно не только не прислало на открытие своего представителя, но и запретило офицерам британской армии являться на церемонию в форме. Это было ответом гордой Британии на многочисленные протесты посольств ПНР и СССР. Негодование и возмущение охватили тогда всю прессу, политику правительства осудили в рядах консервативной, либеральной, а отчасти и самой лейбористской партии. Правительство отвечало: нет, мол, прямых доказательств того, что катынские могилы — советское преступление. Аргумент был принят общественностью как смехотворное лицемерие в угоду сильному партнеру».

К тому времени британский МИД уже «решился опубликовать лежавшие в архивах рапорты сэра Оуэна О'Малли, посла при польском правительстве в Лондоне. В 1943 и 1944 гг., обращаясь к [министру иностранных дел] Идену, он писал, что собранные им доказательства однозначно определяют советскую вину».

Однако, сказав, что в Катынском лесу мемориала нет, я напоминала о другом:

«Зато из десятков действительно уничтоженных фашистами белорусских деревень выбрали деревушку со сходным названием Хатынь, словно желая сбить с толку, вытеснить из сознания само слово «Катынь»*. Нет статьи «Катынь» в Большой Советской Энциклопедии, нет и в варшавский Большой Всеобщей Энциклопедии. (...) Нынешнее молчание разоблачает вчерашнюю ложь».

Катынь 2005

Сегодня сложилось странное положение: правда сказана, а ложь — по-прежнему жива, и по-прежнему (сужу по Интернету) Катынь путают с Хатынью (причем, как я уже отмечала в своей предыдущей статье — см. «НП», 2005, №3, — путаница теперь идет двойная, в обе стороны). Вот два характерных отрывка с форума «Боевой народ»:

«А вот Хатынью я бы поосторожней оперировал — там до сей поры не ясно — кто кого поджигал и резал... То ли немцы беззащитных белорусов, то ли войска НКВД тех же, то ли вообще наши — польских офицеров, ну и население вкупе — за то, что видели лишнее... В общем, дело весьма темное. Кстати, если поглядеть на это с точки зрения — кому оно было выгодно, то ско-

* Замечу, кстати, что на умышленную подмену Катыни Хатынью первым обратил внимание бывший политзаключенный, политэмигрант в Дании Борис Вайль. И не случайно, когда были обнаружены массовые захоронения в Куропатах (из тех самых «катынских рвов» в каждой области, я назвала свою статью в «Русской мысли» «*До* Катыни и *до* Хатыни».

рее нашим, чем немцам, — так сказать, для поднятия волны народного гнева... А вот немцам — я уже об этом ранее — это-то как раз вовсе не выгодно — и так в тылу черти-что творилось — партизаны там всякие — часть из которых есть бандиты самые настоящие... Сейчас и не разберешь, где правда...»

Ему отвечает знающий человек:

«Стоп-стоп-стоп, Костя... Мне кажется, ты что-то путаешь: **Катынь** (катынский лес, где НКВД польских офицеров расстреливали) и **Хатынь**, деревня, которую уничтожили немецкие каратели совместно с полицаями — две большие разницы!!! Даже по времени — несколько лет!»

И тут вмешивается еще один знающий, но с поразительной точкой зрения:

«про **Катынь** и Хатынь это полный финиш. **Катынь** это где полякофф мочили (и правильно сделали), а Хатынь это деревня которую немцы спалили в 1943 г.».

Если б он и тут добавил «и правильно сделали», можно было бы подумать, что дурацкая шутка, но не добавил...

Конечно, такое откровенное крайнее мнение — редкость, защитники (незащитимой) версии о том, что поляков убили немцы, а все разговоры о том, что преступление совершено руками НКВД, — это «геббельсовская пропаганда», не скажут «и правильно сделали», хотя в душе, может быть, так и думают, тем более что — в той же «душе» — не могут не знать, ***кто*** совершил преступление.

Если не по должности, то «в душе» они соратники господина Черкесова, бывшего следователя Ленинградского УКГБ, а ныне главного федерального борца с наркотиками, который гордится тем, что он чекист, и обрушивается на тех, кто разоблачает прошлое славных органов (занимается, по его терминологии, «античекизмом»). Но меня здесь интересуют не столько Черкесов, Мухин и их чекистские или парачекистские подголоски — меня интересуют те, кто считает, что Катынь ушла в историю и даже неважно, кто там и что сделал. Это, мол, польские дела, пусть поляки об этом заботятся, а главное: пусть к нам с этим не лезут.

Один из участников «Военно-исторического форума» в русском Интернете провел опрос, задав посетителям форума четыре вопроса:

— Считаете ли Вы тему Катыни актуальной для российско-польских отношений или в любом ином аспекте?

— Считаете ли Вы, что тему надо както подытожить — закрыть на политическом или юридическом уровне, — или решать уже нечего, пусть заинтересованные историки копаются в деталях?

— Связываете ли Вы тему Катыни с другими военно-политическими вопросами — например, с темой советско-польской войны 1920 года?

— Есть ли у Вас сомнения в том, кто расстрелял польских офицеров в Катыни, Калинине и Харькове?

И вот на первые два вопроса чуть ли не все ответили одинаково: на первый — «нет», на второй — «да». Не объясняя или по-разному объясняя, но четко: нет, тема не актуальна; да, хватит об этом говорить. В ответах на третий и четвертый вопрос мнения расходятся, и тут нашелся даже апологет идеи «мочить полякофф», отвечая, что сомнений нет — и:

«Так же как нет сомнений, что это было сделано правильно».

Приведу одно, казалось бы, вполне корректное, но очень опасное объяснение необходимости закрыть катынскую тему:

«Эту тему надо просто оставить в покое. Эта история завершилась. Подобно тому, как история татарского ига на Руси не мешает прекрасным отношениям России с Монголией».

Как будто никто уже не помнит, что Катынь (еще раз подчеркиваю) — одно из множества преступлений коммунистического режима. На мой взгляд, желать забыть о Катыни — это желать забыть и о «катынских рвах» по всей стране, забыть о наднациональном характере коммунистической чумы, поразившей в XX веке пространство бывшей Российской империи и не щадившей ни «своих», ни «чужих».

Об этом недавно писал Александр Даниэль из московского «Мемориала». По его наблюдениям,

«попытки нынешней администрации восстановить в слегка модернизированном виде старую имперскую историческую мифологию, лишь изъяв из нее наиболее одиозные элементы коммунистической доктрины, встречают довольно широкую поддержку.

Каким же образом это состояние умов пришло на смену общественным настроениям конца 1980-х? И куда при этом делась пробудившаяся было коллективная память о терроре? Частью национального сознания она так и не стала — это ясно.

Представление о коммунистическом терроре как об общенациональной катастрофе, то представление, к выработке и закреплению которого в национальном сознании мы были так близки в конце 1980-х, — не сложилось.

(Говоря о закреплении представлений в национальном сознании, я имею в виду формирование в нем неких концептов самого общего порядка, таких как «в XIII-XV вв. Россия пережила татаро-монгольское иго». Или: «мы победили в Великой Отечественной войне». Т.е. нечто такое, с чем никто, кроме отъявленных эксцентриков вроде Гумилева и Фоменко, — я, разумеется, не равняю эти два имени, — не спорит. Утверждение «в XX веке Россия пережила беспримерную эпоху, главный смысл которой — подавление всяческой свободы и массовые убийства граждан государством» такой точкой общего согласия не стало)».

Если нет общенациональной памяти о комплексе беспримерных, беспрецедентных, свыше запланированных убийств, о беспримерном, беспрецедентном, тотальном подавлении свободы — не будет, конечно, и памяти о каждом отдельном массовом убийстве, и Катынь будет восприниматься лишь как назойливые претензии каких-то поляков, которые не хотят жить мирно, хотя никто их больше не трогает.

И все-таки надежда есть. Опять заглядываю в Интернет и на «Форуме ТВС» нахожу:

> «А что мы должны чувствовать, вспоминая Катынь? Не знаю, что вы понимаете под коллективной ответственностью. Тот абсурд, к которому свели обсуждение, над чем посмеялись? Да, как-то не звучит — «коллективная ответственность», попахивает совком, но что-то же я чувствую. Чувствую индивидуально, а не потому, что кто-то там на официальном уровне эту ответственность утвердил».

Вот и я так чувствую.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из письма Алексея Памятных Наталье Горбаневской при обсуждении статьи «Катынь — двадцать пять лет назад и сегодня»

Насчет памяти о терроре и в этом контексте — о Катыни.

Возразить трудно. Мы — иваны, не помнящие родства, нормального расчета с прошлым в свое время (лет 15 назад) сделано не было, а ожидать его в обозримом будущем тем более нечего. Нынешняя молодежь живет сегодняшним днем, не до того ей. А нужды власти по какой-никакой консолидации общества (или чтоб не подскакивали) играют в ту же сторону — память о терроре и расчет с прошлым сюда не очень укладываются. Слова «у нас была великая эпоха» укладываются намного лучше. Я это чувствую по интернет-общению с, наверное, не самыми глупыми людьми. Кстати, и в Польше молодежь вовсе не так уж в курсе про Катынь — два-три стандартных предложения, и всё.

И раздражение по поводу катынской тематики тоже есть — причин несколько. Кстати, и самые активные по юридически-политическим аспектам Катыни люди (включая Институт национальной памяти) не так уж в курсе — помоему, больше шуму, чем дела. И то, что фактически совместное российско-польское расследование ушло в песок, а теперь выродилось в грызню, — вина не только российской стороны.

И что делать? За других не скажу, а свою очень скромную роль вижу в занятии по способностям — например, с большим удивлением обнаружил, что никто толком не сравнивал немецкий список 1943 года и этапные списки НКВД из Козельска в 1940 году. Точнее, как раз сравнивали и наловили сенсаций про посторонних (не-козельских поляков в Катыни), а таковых там при более внимательном анализе — нет. И уже это развенчивает базовые построения Мухина, к примеру.

Более или менее строгая статистика соответствия этапов и эксгумации тоже не сделана, только выборочно. Грамотных, образованных людей, сомневающихся в том, кто виноват за Катынь (а таких вовсе не единицы, и при отсутствии надлежащего просвещения их количество растет — еще немного, и ответственность немцев за Катынь вовсе не будет восприниматься как курьез, вчерашнее заявление ГВП России [имеется в виду заявление главного военного прокурора РФ А.Н.Савенкова от 11 марта — см. о нем публикуемое в этом номере заявление «Мемориала». — *НГ*] при небольшом желании можно считать первой ласточкой, цифры там были названы удивительные), — грамотных людей можно убедить только грамотным же подходом, а не газетным шумом.

В несколько более поздней дискуссии в связи с заявлением нашей прокуратуры по Катыни я лишний раз убедился, что трактовка Катыни как акта геноцида обречена в России на провал. Хоть официально, хоть среди, скажем так, общественности. Если уж воевать, так за военное преступление (именно так оно представлялось в Нюрнберге советской стороной — если не ошибаюсь, как одно из двух основных преступлений против военнопленных, документов у меня под рукой нет).

ЭТОТ ДЕНЬ

День 65-й годовщины преступления, обобщенно именуемого катынским, стал одним из важнейших дней во всей истории отношений между поляками и русскими.

Во времена ПНР в этот день на кладбищах появлялись одинокие женщины, клавшие цветы на пустую, символическую могилу или под деревянным крестом с наскоро вырезанной датой — 1940. Кресты выкорчевывала милиция, на следующий день их уже не было, но из года в год на кладбища приходило все больше народу. Позднее, когда Михаил Горбачев публично признал, что убийство было делом рук НКВД, а Рудольф Пихоя от имени Бориса Ельцина передал Леху Валенсе постановление политбюро ВКП(б) от 5 марта 1940 г., предписывавшее уничтожить интернированных польских офицеров, годовщину уже можно было отмечать явно. И, возможно, это стало бы обычной рутиной, если бы не растущее официальное сопротивление российской стороны, не желающей выявлять всю правду и называть ее по имени. Это сопротивление сопровождалось целым хором клеветнических высказываний, уже известных читателям «Новой Польши». Целью их авторов было отрицать советскую вину или снять с нее печать геноцида, хотя планомерное истребление интеллектуальной элиты общества заслуживает такого названия — ведь в Катыни, Медном, Пятихатках (и Бог ведает где еще) лежат преимущественно запасники, интеллигенты, которые в сентябре 1939 г. надели старые мундиры, чтобы защищать родину от нашествия гитлеровских войск, а попали в руки Сталина. Малодушная ложь не только разочаровала поляков, но и нанесла удар по прекрасной русской традиции правдоискательства, которую каждый читатель Толстого или Солженицына считает характерной чертой русских.

И вот 16 апреля 2005 года мы оказались на улице Краковское Предместье, во дворце, где некогда жил царский наместник завоеванной страны, в том самом зале, где теперь проходят шумные приемы, дипломатические аудиенции и назначения министров. Наш журнал не пишет о них, ибо не желает быть ничьим официальным бюллетенем, а лишь местом диалога. На этот раз вдоль одной стены расселось польское правительство в полном составе, а также дипломаты, в том числе послы Российской Федерации, Литвы и Украины; напротив, на нескольких рядах стульев, расположились полсотни немолодых, чрезвычайно скромно одетых людей. Там были поляки из Федерации катынских семей, украинцы и русские из «Мемориала», историки и рабочие, бывшие зэки и бывшие студенты. Сбоку затаились операторы с телевидения, журналисты и самые прыткие корреспонденты заграничных газет.

Когда через минуту в зал вошел президент Речи Посполитой, все мы встали, как велит обычай. Однако президент не пригласил нас усесться поудобнее и выслушать набор округлых фраз. Да никто бы этого и не сделал. Мы почувствовали, что перед нами — нет, среди нас! — находятся защитники памяти, борцы за правду. Так мы и стояли по стойке смирно, слушая, как произносятся имена людей, награжденных высшими орденами Речи Посполитой, — имена, знакомые нам либо по передававшимся шепотом легендам, либо по сухим сообщениям о приговорах. Огромное волнение вызвали имена российских граждан: они опровергали мнение, что на берегах Волги и Невы живут лишь клеветники и враги, зарящиеся на нашу вымоленную у судьбы независимость.

Окружая почетом и признательностью наших русских друзей, мы подтвердили, что поляки умеют отличать Россию официальную от России реальной. Мы обвиняем не русский народ, а палачей, запятнавших историю России кровью, а наши взаимоотношения — еще и ложью. Мы умеем также оценить подвиг тех, кто стоял на стороне справедливости, зная, чем они рискуют. Это они доказали, что катынское преступление действительно было совершено в 1940 году и, следовательно, было делом рук НКВД, что захоронения есть даже там, докуда немцы вообще не дошли (хотя бы в Медном).

Они приехали сюда не за почестями и привилегиями. Приступая к сбору документальных и вещественных доказательств, они не рассчитывали ни на какую выгоду. И польские ордена были ничем иным, как ничтожным доводом нашей признательности за то, что не поддается измерению: за жертвенность ради правды. Они хотели жить не по лжи, как учил их великий соотечественник.

Редактор

НАГРАЖДЕНЫ:

• **командорским крестом ордена Заслуги Республики Польша** — Олег Демин, Наталья Лебедева, Михаил Пилипчук, Александр Яковлев;

• **офицерским крестом ордена Возрождения Польши** — Данута Малон, Болеслав Пророк;

• **офицерским крестом ордена Заслуги Республики Польша** — Наталья Дементьева, Татьяна Кудрявцева, Рудольф Пихоя, Владимир Подъячев, Леонид Стасевский, посмертно Степан Радевич (орден вручен Раисе Радевич);

• **кавалерским крестом ордена Возрождения Польши** — Геральдина Бучинская, Олег Закиров, свящ. Яцек Кучмик, Анна Лехович, Зофья Рутковская, Богна Шклярчик, Ежи Шлетинский, Богдан Тачак, Станислав Янковский;

• **кавалерским крестом ордена Заслуги Республики Польша** — Андрей Блинушов, Сергей Глушков, Александр Гурьянов, Геннадий Жаворонков, Алексей Памятных, Валентина Парсаданова, Никита Петров, Михаил Рогачев, Арсений Рогинский, Валентина Суворова, Евгения Хайдарова, посмертно — Анна Гришина (орден вручен Лоре Харлап), Юрий Зоря (орден вручен Милице Зоре) и Виктор Лозинский (орден вручен Андрею Блинушову);

• **золотым крестом Заслуги** — Михаил Гнедовский, Тереса Душинская, Кристина Затонь, Габриэла Зых, Александр Конов, Сергей Кривенко, Эмилия Мачковяк, Эва Рослан, Юрий Шарков.

Президент сообщил также о награждении не прибывших на церемонию вручения: Анатолий Яблоков удостоился офицерского креста ордена Заслуги Республики Польша, Янина Александрович — кавалерского креста ордена Возрождения Польши, Светлана Филонова — кавалерского креста ордена Заслуги Республики Польша, а Эдвард Грудзинский — золотого креста Заслуги.

РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА АЛЕКСАНДРА КВАСНЕВСКОГО

Господа маршалы [Сейма и Сената], господин премьер-министр, господа министры, ваши превосходительства послы, ваши преосвященства, а прежде всего уважаемые представители «Катынских семей», уважаемые награжденные, уважаемые гости из России и Украины, дамы и господа!

Катынское преступление стало символом польского мученичества, одной из самых горьких страниц нашей истории. Мы до сих пор потрясены масштабами этой трагедии, цинизмом и жестокостью этого убийства.

65 лет назад по приказу Сталина и других представителей советского руководства было уничтожено 22 тысячи беззащитных польских военнопленных — главным образом офицеров Войска Польского, работников полиции, погранохраны, тюремного ведомства и администрации. Все они оказались за колючей проволокой лагерей в Старобельске, Козельске и Осташкове, а также в советских тюрьмах, после того как 17 сентября 1939 г. Красная Армия неожиданно вторглась на территорию польского государства, отражавшего тогда агрессию гитлеровской Германии. Через полгода их судьбы окутала зловещая тишина. Страшную правду о случившемся скрыли братские могилы в Катыни, Медном и Харькове. Палачи хотели, чтобы эти безымянные, поросшие лесом могилы были навсегда вычеркнуты из человеческой памяти. На целые полвека их окружили завесой молчания, засыпали ложью. Все, кто упрямо и непреклонно помнил, кто искал правду о катынском преступлении, подвергались по эту сторону «железного занавеса» суровым репрессиям и преследованиям. Горько было и то, что демократический мир, получавший информацию и догадывавшийся о правде, чаще всего тоже участвовал в заговоре молчания, который был организован тоталитаризмом.

Сегодня мы собрались здесь уже в новые времена и при других обстоятельствах. Правда победила! При воспоминании о случившейся 65 лет назад трагедии наши сердца все еще пронизывает боль и скорбь, однако катынский крест утвердился в нашем сознании как знак не только страдания, но и надежды. Мы воздаем дань памяти убитых, будучи убеждены, что независимая Польша выполняет свой великий долг перед ними, что она сумела услышать их немой крик и ответить на него.

Завеса лжи сорвана. Сегодня имена главных виновников катынского преступления, принимавших смертоносные решения, уже известны. Их вина бесспорна. Их подписи под документами, равнозначными смертному приговору, представлены общественности.

Пять лет назад, в 60-ю годовщину катынского преступления, мы смогли торжественно открыть и освятить кладбища в Харькове, Катыни и Медном. Прах расстрелянных наконец обрел достойное место погребения. Исполнилось задушевное желание многих из присутствующих здесь: встать и помолиться над могилами близких, над могилами жертв, которым вернули имена и должную память.

Думаю, что и здесь, в Варшаве, мы должны подумать, каким образом увековечить мученичество и в то же время победу правды, символом которой стала Катынь. Надо изыскать способ, чтобы документация и все сохранившиеся вещи, связанные с памятью об этом событии, были доступны, особенно молодежи. Это также наш долг перед жертвами, перед нынешними и будущими поколениями.

Уважаемые дамы и господа!

Только что я имел честь вручить высокие награды людям, которые внесли выдающийся вклад в раскрытие и документирование правды о катынском преступлении.

От имени Речи Посполитой я склоняю перед вами голову в знак великого восхищения и уважения. Мне бы хотелось низко поклониться всем награжденным, представляющим «Катынские семьи». В вашем лице я воздаю должное всем вашим семьям — тем, кто на протяжении десятилетий, невзирая на лживую пропаганду и травлю, требовал правды, верно хранил память о близких и о трагической странице польских судеб.

Позвольте мне обратиться к человеку, которого здесь сегодня нет, но которому я хочу выразить наше особое уважение, — к отцу Здиславу Пешковскому, капеллану «Катынских семей» и «Убитых на Востоке», бойцу сентябрьской кампании и свидетелю трагических событий того периода. От имени Речи Посполитой я хочу выразить вам огромную признательность и благодарность за то, что на протяжении всех этих лет вы были наперсником боли и страданий стольких польских семей, что в трудные минуты вы несли им утешение, надежду и доброе слово.

Благодарю всех поляков в стране и в эмиграции, которые не позволили задушить и забыть правду о Катыни. Выражаю благодарность всем моим соотечественникам, содействовавшим достойному увековечению памяти жертв и созданию кладбищ. Слова благодарности обращаю к Совету по охране памяти борьбы и мученичества. Хочу поблагодарить также тех, кто сегодня — в частности, на форуме объединяющейся Европы, Европейского парламента — прилагает усилия, чтобы катынская трагедия воспринималась как универсальное предостережение всему нашему континенту, чтобы таким образом преодолеть негативное прошлое. Признателен я и Институту национальной памяти за его действия, направленные на полное выяснение обстоятельств катынского преступления и выявление всех его виновников.

С особым почтением я обращаюсь к награжденным из России и Украины. Вы — люди чуткого сердца и совести. Мы знаем, что преступная сталинская система поглотила миллионы человеческих жизней из многих народов. Русская, украинская, белорусская, казахская земля и другие регионы бывшего СССР пропитаны кровью жертв этого тоталитарного режима. Земля помнит также жестокость многочисленных гонений. Эта система была жестока не только к чужим, но и к своим собственным гражданам.

Катынское убийство — одно из многочисленных преступлений, совершённых сталинскими палачами. Поэтому нас так трогают свидетельства великодушия, справедливости и солидарности всех, кто сумел понять нашу боль, кто увидел в катынском преступлении и лжи о нем кровоточащую рану нашей общей истории. Мы склоняем голову перед благородством и величием Андрея Сахарова и Александра Солженицына, перед членами «Мемориала» и всеми, кто ощущает братство страдания и долг общей памяти.

Люди, о которых я говорю, — это вы, уважаемые дамы и господа! Врученные вам сегодня награды — лишь скромный знак того огромного чувства признательности, которое испытывает к вам Польша. Спасибо всем, кто помогал и помогает нам раскрывать правду, следить за местами погребения, укреплять и делать общедоступной память. Вы проявили по отношению к нам глубокую человечность и солидарность. От всего сердца благодарим за это всех наших восточных друзей!

Дамы и господа!

Память о катынском преступлении занимает особое место в отношениях между Польшей и Россией. Мы помним, что Михаил Горбачев и особенно президент России Борис Ельцин нашли в себе мужество и силу отвалить этот тяготевший над нами камень лжи и молчания. Это было историческое достижение, которое сблизило наши народы и принесло надежду на прочное примирение. Нельзя останавливаться, нельзя сходить с этого пути!

Множество положительных событий позволило нам надеяться, что катынская рана может зарубцеваться. Мы хотим, чтобы трагическому прошлому был подведен итог и чтобы оно уже не бросало тень на будущее. Но путем к примирению должна быть прежде всего правда. Поэтому в деле о катынском преступлении нужно выяснить до конца все, что еще требует выяснения.

Должны быть расследованы и выявлены все обстоятельства этого преступления. Дело первостепенной важности — выяснить судьбу и установить места погребения тех семи тысяч убитых, могилы которых до сих пор не найдены. Мы ожидаем от властей Российской Федерации окончательного признания того, что катынское преступление было актом геноцида — как это определили на Нюрнбергском процессе, когда Советский Союз считал виновницей гитлеровскую Германию. Необходимо назвать имена не только политических заказчиков убийства, но и всех непосредственных исполнителей. Мы хотим, чтобы Польше были переданы все архивные документы, касающиеся этого преступления.

Уважаемые дамы и господа!

Хотя поляки отмечены печатью страданий и мученичества, они не одержимы исторической манией. Мы хотим смотреть в будущее. Мы хотим вместе с Россией принимать вызовы нового времени в открытой, объединяющейся Европе.

Однако у нас есть моральное право и долг называть зло злом. Мы должны сделать все, чтобы правда о трагическом прошлом польско-российских отношений, особенно о катынском преступлении, была выявлена и совместно проанализирована. Трудно найти другой способ, который мог бы лучше засвидетельствовать общечеловеческие ценности, которые мы вместе исповедуем. Так смотрят на это и многие русские. Их позицию, разделяющую польские требования окончательно выяснить катынское преступление, мы восприняли с волнением и надеждой.

Приближается годовщина великого исторического события, которое никого не может оставить равнодушным. 60 лет назад на нашем континенте завершились кровавые бои II Мировой войны. Была одержана великая победа над фашизмом. Однако Европа и мир должны помнить, что плоды победы были разделены неправедно. Не всем народам освобождение от оккупации принесло свободу и право на самоопределение. Не везде за героизм и патриотизм платили признанием и наградами. Порой несправедливость дожидалась исправления долгие годы.

Сегодня, в объединяющейся Европе, пришло время закрыть горькие страницы истории — прежде всего вписав на них правду и почтив память жертв, а также сделав соответствующие выводы. Поэтому с этого места и в этот особенный день я призываю поляков и русских: давайте вместе искать пути, которые приведут нас к правде, взаимопониманию и примирению во имя будущего! Это зависит от нас. Таков наш долг перед жертвами Катыни!

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ:

Ваши превосходительства, уважаемые дамы и господа! Я испытываю огромное волнение от нашей встречи в годовщину трагических событий. Прежде всего позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы выразить глубокие соболезнования польскому народу в связи с кончиной великого человека, которого породила Польша [Папы Иоанна Павла II]; поляка, который стал гражданином мира и останется в памяти всех людей независимо от их национальности, вероисповедания и т.п.; человека, который поставил перед собой цель объединять мир, а не разделять его, и делал для этого все.

Господин президент, позвольте мне выразить вам глубокую благодарность за награды, которые вы сочли уместным вручить моим согражданам, моим соотечественникам, гражданам Российской Федерации. Надеюсь, что все эти награды были вручены не напрасно, что мы заслужили их. История взаимоотношений России и Польши — давняя и странная история. В ней всегда были неурядицы, войны, конфликты, кровь и предательство. Последним из этих предательств был раздел Польши между империалистическими державами — Советским Союзом и Германией, — когда в секретном протоколе было решено ликвидировать Польшу. Предательство повлекло за собой дальнейшие события. Фактически и Катынь, которую мы сегодня вспоминаем, — плод этого предательства, как и уничтожение многих-многих миллионов людей во время прошлой войны. Нет уже в живых убийц, которые могли бы понести наказание за преступления, совершенные в Катыни и в других местах. Означает ли это, что мы имеем моральное право освободиться от ответственности хотя бы за то, что мы так неуступчиво, долго, лишь отчасти и медленно признаём факты, которые несомненно таковыми являются? Ведь это исторические факты. Почему мы так хорошо помним и даже приукрашиваем наш героизм, но память отказывает нам, когда мы не хотим признаваться в преступлениях и предательстве? Я убежден, что правда — единственный путь к взаимопониманию между людьми независимо от того, насколько этот путь будет трудным. Даже если он будет неудобным или страшным — все равно это правда. Ведь самую страшную правду легче принять и простить, чем ложь. Несмотря ни на что я уверен: независимо от чередующихся периодов охлаждения и потепления, единственный стержень, хребет, который приведет наши страны к хорошим взаимоотношениям, — это говорить друг другу правду и никогда больше не предавать друг друга, как это случалось в прошлом. Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ФЕДЕРАЦИИ КАТЫНСКИХ СЕМЕЙ СТАНИСЛАВ ЯНКОВСКИЙ:

От имени Федерации катынских семей, от имени всех, кому дорого слово «Катынь», — спасибо. Спасибо за оказание нам высокой чести, хотя мы — всего лишь небольшая группа людей, которые уже несколько десятков лет говорят об этом преступлении, добиваются правды и выступают против подлога. Так было 62 года тому назад, когда поляки впервые узнали о катынском преступлении и сразу же начали протестовать. Здесь, в этом зале, я напомню великие имена [польских писателей, первых свидетелей вскрытия катынских могил] Юзефа Мацкевича и Фердинанда Гётля — людей, протестовавших всю свою жизнь: в публикациях, речах, показаниях, которые они давали, например, комиссиям в США.

Я напомню также факт, о котором до сих пор никто не вспоминал. 15 лет назад, в апреле, я открывал в Москве первую выставку фотографий, посвященных катынскому преступлению. Это было через несколько дней после того, как информационные агентства сообщили, что ответственность за преступление несет НКВД. 15 лет назад я волновался больше, чем сегодня, — потому что Москва, потому что в километре от Кремля я говорил о Катыни, а на выставке висели фотографии, подготовленные в Кракове «Катынскими семьями». Тогда вся польская делегация очень гордилась тем, что мы можем представить эти фотографии. Чтобы не навлечь на нас неприятности, когда мы ехали в Советский Союз, фотографии эти провез через границу Александр Гурьянов. Все мы очень гордимся тем, что можем принять награды в присутствии наших друзей из России и Украины, благодаря которым мир будет помнить об этом преступлении, а не только о наших словах.

Юлия Хартвиг

Перевод
Анатолия Ройтмана

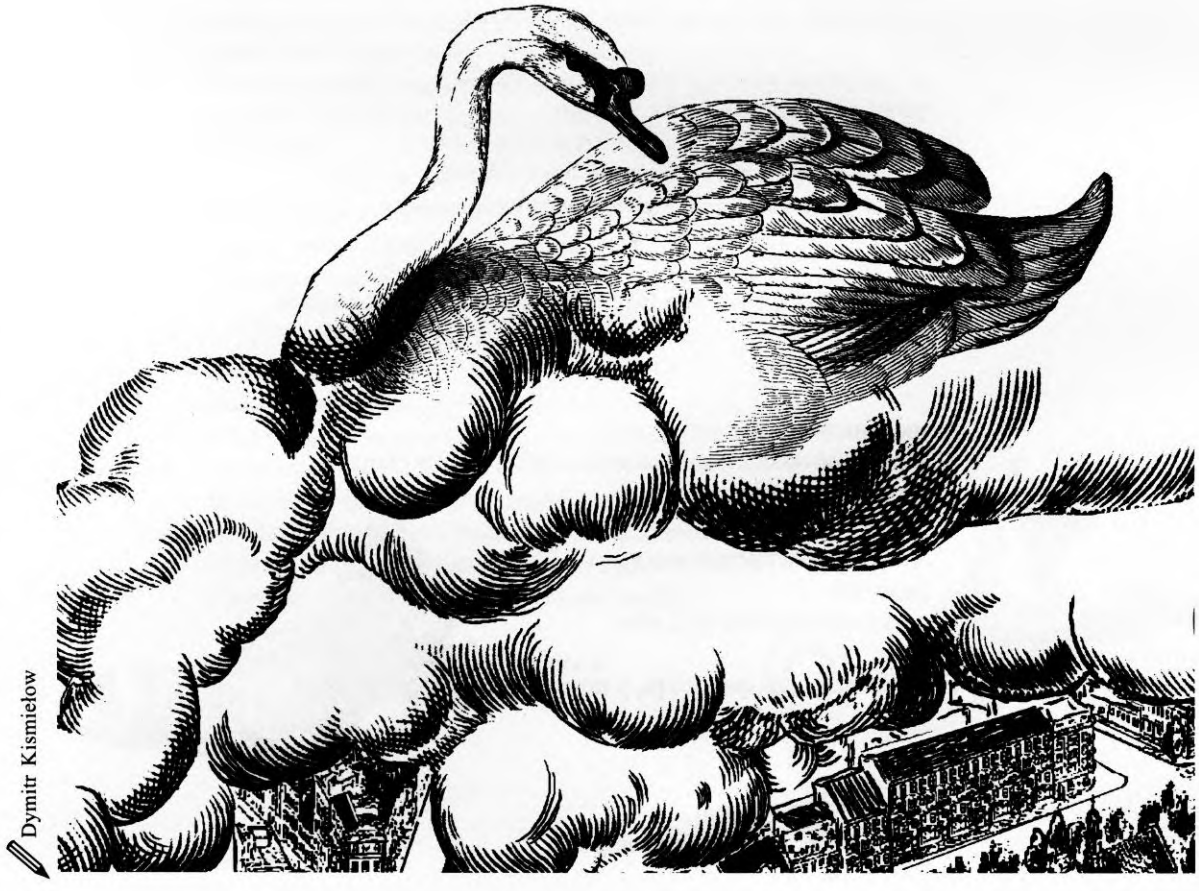
ЛЕБЕДЬ

Проходили недели
а лебедь все еще не хотел спускаться на воду
Держась порыжевшего газона

Покинутый пруд лишенный правителя и великолепья
голым казался хотя на него раз за разом садились
осмелевшие в междуцарствие дикие утки

Но день наступил когда милость снизошла на него
и он вновь на воде появился
как победная белая галера
скользящая по сверкающим отраженьям деревьев и облаков

Он будет теперь плыть и плыть
и никакая плотина не будет ему преградой



Dymitr Kismielow

Казимеж Хоффман

Перевод Анатолия Ройтмана

СТИХОТВОРЕНИЯ

СОБАКЕ РОЗАЛИН

всматриваясь в фотографию,
где она со своим хозяином Омаром Е. Ривьерой

1

Судя по позам, уже все позади и вы оба
в порядке:
он в шортах своих, ты в ленивом блаженстве
от ушей до хвоста (только ноздри
подрагивают еще) растянувшись внизу
во всей своей красе: белая масть золотистым
тронута Боже как я люблю этот оттенок

2

много лет назад я читал книгу,
из которой помню пару фраз всего лишь,

но насколько важных! Не забыть. О чем? о
тебе, да, именно о т е б е, о вещи
м ы с л и м о й
(условие: крепко) и – понятой; и вот об этом
в существованьи чего сомневаться нет смысла

3

не сомневаюсь: в и ж у. Вот (уже) рядом со мной, у самой
ладони: чувствую холод, здоровый, собачьего носа! я,
пожилой человек соблазнившийся вдруг

на приключенье с тобой, *с аб-*
солютной данностью, как сказал автор книги. Что он
усомнился потом

в силе тезиса своего? что ж,
дело его,
а нам подходит вполне, ибо

поражение для философа, у поэта
бывает победой

так говорят

и верно. О т с ю д а, наша встреча.

Paulina Zielona

4

слушай

необходимость животных вне времени даже. Смертельно
больной капеллан городской больницы в небольшом тогда Б
друг детства, старше меня (…) под
кроватью судно с мочой как смола, рядом с ним крысоловка,
а может и помесь с мордочкой
поднятой к
руке свисающей: только кожа и кость. И слова шепотом: не
могу себе Неба представить
без него, без этого песика рядом со мной; через два дня он умер

с надеждой, которая также поддерживает меня.

5

лабрадор сука: *абсолютная данность* фаната из Польши,
как же давно он читал Гуссерля

и запомнил.

6

Омар, какое красивое имя хозяина, т в о е г о, ну, конечно же: ис-
ключительно и навсегда, тут не может быть «но». Впрочем, он, они
чувствуют превосходно, что компас в руках зачастую
этого мало (ведь так было в тот раз) и вас держат
при себе, совсем б л и з к о
постоянно
скажи, был ли он в шортах тогда,
как на снимке, улыбавшийся (или
замкнутый в смутных чертах лица, как у незрячих бывает)? Что
поводок, понятно! и он

7

дернув его, потянул, а потом уже все
было чудом сплошным, ибо чудом б ы л спуск в дыму
среди воплей спокойно на двадцать этажей до лифта,
съезд вниз
и в ы х о д (уже трусцой) перед самым
падением ста десяти Этажей в движеньи замед-
ленном, как у Титаника при погруженьи торчком
с винтом на конце, в неподвижную глубину

так это выглядело в квадрате экрана
моего шарпа в квартире на Тихой

8

все еще мне сопутствует скрупулезная память
м г н о в е н и й *того вторника*

но однако

я тем же пальцем щекочу вас обеих
за свисающим ухом

свойство

прилечь и прильнуть; в этом есть что-то
близкое что-то вроде о п е к и

по отношенью к чему
- челюсти?
- среднему уху?

по отношенью к кому

- хозяйке?
- хозяину своему?
знак,
что можно надеяться
что я тебя не покину?

ухо
ваше

в неисчислимых богатствах Природы
вы различимы

9

вот именно. Но откуда множественное число
в обращеньи к тебе о д н о й,
откуда еще взялась какая-то тут собака?

знаешь,

10

жестковолосая такса, моя; уже не молодая; судьба
шутку с нами сыграла, судьба поменяла роли:
это я – п р и н е й и она
что-то з н а е т, когда внезапным движеньем
на спину ее кладу и осматриваю, от хвоста начиная,
рядом с первым соском – т о м е с т о,
которого я боюсь:
растет все еще? твердеет?
пугаюсь и щупаю; но уверен, однако,
что успею, что п о с л е м е н я уйдет она, и совсем не так быстро!

говорю,

чтобы ты знала
чтобы видела нас
меня
и ее

в истинном свете.

2001

Во время пожара во Всемирном Торговом Центре собака по имени Розалин провела с 70 этажа своего слепого хозяина к выходу и повела его дальше; они остановились, когда здание рухнуло.

К...

ночью ветер прошел и форму
наклонил. Поправь, рука из-под земли.

ПО ДОРОГЕ

Угасание Абсолюта опустошает сферу
его проявления. Странное
должно производить впечатление. Не производит
напротив: свист и спустя мгновение: Боно!
послушно вернулся.
Наплыв
тех слов, вспомнившихся невольно,
иссякает и исчезает

для идущего, рядом с собакой вновь, по дороге.

УСКОРЕНИЕ, ТЕКСТ

внезапное ускорение нужно так мало
чтобы возник годами ожидаемый текст, быстро
удачно и это

вдобавок: мелочь украдкой взятая из богатств
природы перерастает в нечто

важное в вещь подлинную во всей

серьезности; текст написанный на основании фактов
это быть может немногое плеск
капель утреннего дождя на пруду

лист принесенный из леса
недалеко от Тжебчин, крик или перышко
сойки. Откуда

столько даров сразу это
внезапное ускорение и
откуда вдруг эти слова

что-то меня подгоняет
поторопись, у тебя
уже не много «зачем»

Лешек Шаруга

ПОЭЗИЯ РАЗДУМЬЯ

Казимеж Хоффман, сегодня несомненно один из самых выдающихся польских поэтов, что подтверждает недавно присужденная ему премия Польского ПЕН-Клуба, родился в 1929 году. Свой первый сборник, «Три этажа дома», он выпустил в 1960 г., и с тех пор его новые книги выходят регулярно, раз в несколько лет.

Если вдуматься, можно рискнуть сказать, что всякая настоящая поэзия, как это происходит в лирике Хоффмана, сосредотачивает в себе голоса прошлого. Это справедливо и для сборника «Старый человек перед Поэмой» (1999). Погруженная в «темную» традицию Гельдерлина и Рильке, эта поэзия — образец поэтического раздумья. Точное владение паузой и переносом, густота сжатых ходов мысли и отдаленных ассоциаций — все это приводит к тому, что во время чтения мы испытываем чувство общения с почти осязаемой, но в то же время неуловимой тайной, с таинственным знанием, которое в нас есть, но которое вместе с тем, управляя нашим восприятием мира, не поддается рациональному объяснению, а только выражается в поэтической речи. Из этого темного знания парадоксальным образом рождается ясность зрения:

я уже был уверен
перышко к перышку
соломка к соломке
мы отстроим мир

В основе произведения «Старый человек перед Поэмой», давшего название сборнику, лежит мысль Рильке о том, что, находясь рядом со смертью, мы не замечаем ее («Denn nah am Tod sieht man / den Tod nicht mehr»: стоит осознать непереводимость этого двустишия — хотя бы уже по той только причине, что непередаваемо произношение немого «h», но еще и потому, что смерть, der Tod, — в немецком языке мужского рода). Искусно построенная поэма представляет собой как бы развитие более ранней, но не произнесенной мысли — дающей знать о себе сложным переплетением и в то же время невозможностью передать как само переживание, так и его выражение — и в итоге направляет внимание читателя к ее тоже не произнесенному заключению: невозможное станет возможным там, на границе миров, где определения «близкий» и «далекий» становятся синонимами:

ибо, будучи далеко,
бесспорно и с п о л н и т (и
воспоет) то желанье Симоны Вейль явное во фразе
из поздних ее сочинений:
знать, «Ви-
деть пейзаж таким, как он есть, когда меня нет...»

Следующий сборник Хоффмана, «Дрозд и другие стихотворения» (2003), во многих случаях поднимает мотивы и проблемы, уже прежде встречавшиеся в его поэзии (повторяются стихи из предыдущих сборников, иногда размещенные в новом контексте, иногда представленные в новой редакции), что, пожалуй, характерно для тех авторов, которые в новых изданиях, заботясь о цельности собственного творчества, производят его реконструкцию, чтобы соизмерить его с собственным представлением о Книге. Причем для Хоффмана Книга выходит за пределы языка:

читать из Книги понятой словно письмо
Брайля
да, в пальцах почувствовать вещь
в момент, который в а ж е н
ввиду того, что он
нас укрепляет в догадке и эту догадку
полностью подтверждает: материя конкретна.

Важны «эти истинные предметы природы»: этот лист, эта травинка. Все эти детали, крупицы бытия, на вид не связанные между собой, приобретают смысл в совместном «заключительном omne»: здесь каждый знак имеет свое место, структура бытия раскрывает свою тайну в свете «агонии, // предоставляющей тебя, как других, / себе самому». Это не memento mori, но та вспышка ***перехода***, который — как в стихотворении «На ухо», написанном в связи с чтением Тамаша Цорби, — не следует называть. Окончательное знание невыразимо — отсюда заключающие стихотворение слова: «Не говори!»

Молчание довершает тот акт познания, каким является жизнь, — довершает и дополняет: стихи Хоффмана врастают в молчание. Отсюда и письмо Брайля, читаемое кончиками пальцев, молчаливое, наполненное тишиной. Каждая вещь «есть // чтобы ты / чувствовал // она у тебя // чтоб и з в е д а л » («Значит»). От догадки до изведанного: познавательная система этой поэзии, построенная на обращении к конкретному, которое требует, чтобы его заметили, то есть внимания и сосредоточенности, — система эта выводит за пределы материи, к слову, которое растворяется в тишине, как в заключительной строке стихотворения «На исчезновение птенцов кряквы»: «ну так и тишина». Тишина и молчание становятся в поэзии Хоффмана спайкой языка, позволяющей хаосу речи преобразоваться в необходимое высказывание, то есть в стихотворение — подтверждение невозможности выразить то, что познано: «так всегда все кончается: нет слов // и / хорошо» («Над Прусиной»). Речи противопоставлен зрительный образ, наблюдение: «сверканье / плотвы // вон тут // и тут!»

Последний сборник — «По дороге» (2004) — побуждает к размышлениям о родстве этой лирики с поэзией Пауля Целана: раздробленные «крупицы слов» из стихотворения «Иней», открывающего сборник, — это чисто целановский троп. Кстати, это стихотворение представляется особенно важным: «крупицы слов. // Нечто, / что могло быть / пейзажем, излучиной... // раздробилось». Скованная морозом речь: обледенение языка кажется в этой лирике одним из важнейших диагнозов состояния современного человека. Следовательно, это не только волнующий образ, в котором хруст замерзшей речи заполняет пространство между людьми, но еще и диагноз цивилизации: страха, насилия, боли одиночества — и в то же время единственности, неповторимости всякого существования, сосредоточенного и заключающего в себе Целое.

Хоффман последовательно отождествляет факты со знаками письма, отменяет противостояние природы и культуры, стремится уловить — или хотя бы указать? — тайну: «эта // Ding an sich все же в ином чем / у Канта толковании (значении) Нечто, без чего стремленье / движение слова не имело не имеет и не будет иметь смысла» («Глосса»); «Что-то, что могло быть» («Иней»). Эти записи представляют собой хвалу бытию, жизни — тому, что в стихотворении «Над двумя словами Парменида» названо «это есть». И в то же время они становятся самовыражением, устремленным к молчанию, как в заключении мицкевичевского «По пути в Комо»: «умолкнуть / чистый / над водой».

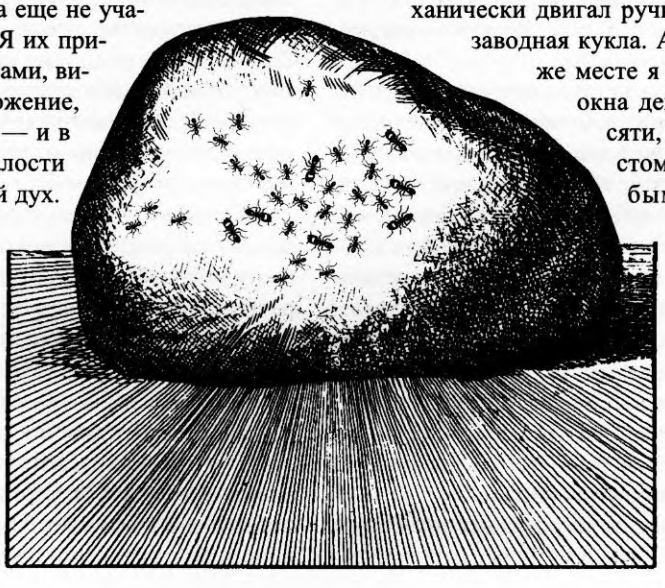
Эта поэзия — «что-то большее» и «что-то меньшее»: она расширяет пространство лирики (в записях это упоминаемые философские тексты) и в то же время сводит его к точке (молчания), в которой сгущение «крупиц слов», этих элементарных частиц взаимопонимания, приводит к тому, что их творческая мощь необычайно усиливается. Можно сказать — и творчество Хоффмана дает тому еще одно доказательство, — что у современной поэзии «есть трудности с языком», и они принципиально новы, отличны от тех, с какими приходилось справляться поэтам прежних эпох.

Корнель Филипович

Перевод Ксении Старосельской

ВЕТКА

Моих сил всегда хватало на то, что я хотел или должен был сделать. Если я откатывал камень, чтобы поглядеть, что под ним, если залезал на высокое дерево, чтобы дальше видеть, если рубил дрова, сталкивал в воду застрявшую на мели тяжелую лодку, таскал мешки с цементом, толкал тачку с камнями — я всегда с этим справлялся. Казалось, мир был сотворен по меркам моих возможностей — или я по меркам своих задач. Разумеется, я был слишком слаб, чтобы переносить горы и выкорчевывать дубы, но этого мне и не требовалось. Когда здорово наработаешься, натаскаешься, намашешься топором, чувствуешь себя таким усталым, будто тебя побили, и валишься на кровать, бессильный и вялый, как мешок с песком. Но на следующий день, выспавшись, ты снова способен толкать, таскать и рубить. Силы у меня не только восстанавливались, но их словно бы прибывало. Камень, который три дня назад я не мог даже сдвинуть с места, сегодня удалось отвалить. Правда, пришлось изрядно напрячься, и были даже минуты, когда, обливаясь потом, я чувствовал, что мышцы мои немеют и вот-вот начнут одна за другой отказывать, покинут меня, одинокого и беззащитного, и я буду вынужден сдаться. Но оказалось, что у меня есть запас свежих сил, не исякших, поскольку пока еще не участвовавших в схватке. Я их призвал, а возможно, они сами, видя мое отчаянное положение, поспешили на помощь — и в мои одрябшие от усталости мышцы вселился новый дух. Громадный камень дрогнул, начал крениться, клониться набок и наконец рухнул, аж застонала земля. Покоренный мною гигант лежал теперь на спине, по его белому брюху ползали муравьи, с островка черной мокрой земли разбегались зеленые жуки, а розовые дождевые черви торопливо втягивали свои голые тела в глубь норок. Я тяжело дышал, нечеловечески уставший, измученный схваткой, но я вышел из нее победителем. Даже огромное солнце вынуждено было признать мой триумф. Выйдя из-за туч, оно осветило поле битвы. Когда я огляделся вокруг, все показалось мне по-праздничному прибранным, чистым, свежим, зеленым. Это была прекрасная минута. На моем веку выпадали и другие такие минуты; иногда я бывал при этом один, но случалось, за моей борьбой и победой наблюдали другие люди.



«Бывал, случалось»? Значит, все уже сгинуло без следа? Вздор. То, что я пережил, со мной. А если я теперь не отваливаю камни, не рублю дрова и не берусь за иные подобные — и, казалось бы, непосильные — дела, то исключительно потому, что меня это больше не забавляет. Я о другом думаю, другими вещами занят. Иногда я прерываю работу, чтобы выйти из дома или даже уехать за границу, а иногда только для того, чтобы посмотреть из окна на стоящие напротив дома. В одном из них я еще недавно видел младенца в коляске, который казался мне странным и неестественным. Он как-то напряженно, механически двигал ручками и плакал, как заводная кукла. А однажды на этом же месте я увидел стоящую у окна девочку. Уже лет десяти, наверное. В цветастом платьице, с голубыми бантами в косичках. Девочка держала в руках книжку и медленно, страница за страницей, ее перелистывала.

Однажды я заболел, а поправившись спустя много месяцев, был слабый как муха. Такой сла-

бый, что сам удивлялся, как еще меня ноги носят. Но настал день, когда ко мне вернулись силы. Я почувствовал, что могу ходить без труда. Мышцы ног, как и прежде, несли мое тело без усилий, так легко, будто оно ничего не весило. Поворачивали его, наклоняли, выпрямляли. Поднимали по лестнице и бережно спускали вниз. И мышцы рук выполняли все, что положено, вполне удовлетворительно. Мои пальцы уверенно брали предметы, переносили их с места на место на такое расстояние, на какое нужно было перенести. Производили и более сложные манипуляции: что-то хватали, переворачивали, разбирали на части и снова складывали. В равной мере крепко и осторожно держали перышко и молоток. Моим рукам были подвластны даже движения, не столь уж и необходимые для жизни: жесты в воздухе, обозначающие отрицание или подтверждение, описывающие какие-то контуры. Короче, ко мне полностью вернулись здоровье и силы, хотя еще недавно, во время болезни, я был уверен, что не только лишился сил, но хуже того: на их возвращение нет никакой надежды. Теперь я вновь был силен и ловок и мог потягаться с миром. Я начал совершать всё более далекие путешествия и взваливать на спину всё более тяжелые грузы; мышцам моих ног приходилось нести не только меня, но еще и то, что было у меня на спине. Я впрягал свои руки в весла, которые загребали воду и толкали лодку по быстрине и мелководью, через заросли камыша и узкие протоки, — куда только мне хотелось. Если нужно было, я снова таскал ведра с водой, корзины с мусором и сумки с картошкой. Снова все, на что я замахивался, казалось, было мне по силам. Я отлично управлялся с миром. Возникло ощущение, что я властвую над ним.

Но как-то раз со мной произошла такая неприятность, что о ней, собственно, не следовало бы и говорить. И если я это делаю, то лишь потому, что случившееся не только меня огорчило, но еще и удивило. Пожалуй даже, скорее удивило, чем огорчило, и потому я об этом рассказываю. Кроме того, дело было довольно давно. Итак, однажды я с друзьями отправился на машине по грибы. Приехав на место, мы быстро разошлись в разные стороны, договорившись встретиться через два часа там, где оставили машину. Известно, что можно быть богатым и знаменитым, можно иметь лимузины и виллы и тем не менее всегда мечтать быть человеком, который собирает больше всех грибов. И уж особенно, если у тебя нет ни вилл, ни автомобилей. Так вот, мы расстались, я пошел лесом довольно круто вверх, туда, где в прошлом году набрал много грибов. Однако сейчас я не нашел ни единого. Вообще никаких грибов не было — ни плохих, ни хороших. К счастью, я вспомнил чей-то совет (возможно, отец меня учил, не помню): в дождливое лето бессмысленно искать грибы на крутых склонах — стекающая сверху вода вымывает из земли грибницы, и грибам неоткуда вырастать. И я пошел в другую сторону, в незнакомое место, куда никогда не ходил. Вокруг был лес, растущий довольно высоко, но на ровной поверхности, смешанный, то редкий, то густой, одичалый и тихий, — такие леса иногда встречаются над обрывом. Там, где деревья стояли тесно, царил полумрак, на полянках было ослепительно светло. Я то щурился из-за избытка света, то напрягал зрение, чтобы разглядеть, нет ли чего на земле в двух шагах от меня. Несмотря на плохую видимость, я все же начал находить грибы. Поначалу не бог весть какие, на полянках около берез подберезовики, а возле осин — подосиновики. Но вскоре я увидел среди дубов и сосен первый белый. Он был столь прекрасен, сколь прекрасным бывает то, о чем мы мечтаем, чего ждем, что нам чуть ли не мерещится, но уверенности в том, что нам это будет дано, нет. И сразу же, сделав три или четыре шага, я обнаружил второй белый. Потом лес словно опустел, и я долго не мог ничего найти. Долго, но не настолько, чтобы потерять надежду и прекратить поиски. Наконец, под старыми елками, в густых зарослях, которые я раздвинул ботинком, мне попалась целая колония молоденьких боровичков. Шляпки у них были еще бледные, как непропеченные булочки. В двух шагах, на открытом пространстве, в редкой и низкой траве под дубом, я увидел отца или, скорее, деда этой компании: толстопузого старца в огромной темно-коричневой, чуть сдвинутой набекрень шляпе. Видимый издалека, но никем не замеченный, он дожил здесь до чудесной глубокой старости.

Человек, наблюдающий за мной из укрытия, мог бы сказать, что я веду себя, как вышедший на охоту молодой зверь, который куда-то бежит, поворачивает назад, петляет, на минутку задерживается то там, то сям и снова припускает бегом, приостанавливается, ускоряет шаг, озирается, что-то вынюхивает. Поиск грибов — игра и охота одновременно. Активное, беспокойное ожидание, которое протекает в движении и которому всегда сопутствуют опасения и надежда. Страх — как бы чего не проглядеть — и неизменный безосновательный расчет на то, что обязательно что-нибудь на глаза попадет-

ся. И еще: не существует двух похожих мест. Все непрестанно меняется: даже если мы сделали лишь полшага, все, что нас окружало, передвинулось и перемешалось, как карты в перетасованной колоде. Вот гриб, который я прозевал минуту назад, когда он еще был виден и я мог его заметить, — а сейчас его заслоняет пень, ветка, поросшая травой кочка, и я уже никогда его не увижу. А те грибы, которые еще далеко от меня, — увижу я их, не проморгаю ли? В таком состоянии, обреченный на бесконечные ошибки, неожиданности и злые шутки, которые играли со мной мои собственные органы чувств и окружающий мир, я бродил по лесу довольно долго. Усталости я не ощущал. Корзина моя уже была полна грибов. Их было столько, что некоторые вываливались на землю. Я поднимал их и запихивал обратно в корзину.

То, что я рассказал о сборе грибов, не имеет никакого или почти никакого отношения к тому, что случилось позже и что, собственно, является главной темой. Охоту за грибами я описал, пожалуй, лишь потому, что она этому предшествовала. А может быть, по другим причинам? Например: чтобы оттянуть то неприятное событие, о котором мне еще предстоит рассказать. Не знаю. Впрочем, неважно. Так вот, когда я в какой-то момент посмотрел на часы (я уже смотрел несколько раз раньше, но тогда у меня еще было достаточно много времени), оказалось, что до условленной встречи осталось всего двадцать минут.

Не думайте, что речь пойдет о том, как я заблудился. Иногда, конечно, со мной такое случается — в горах среди скал или в чужом городе, но в лесу — никогда. Ибо я знаю, что в лесу легко потерять ориентацию, и потому, едва очутившись среди деревьев, немедленно включаю свое собственное устройство, позволяющее определять направление. Это автомат, находящийся внутри моего тела, где-то на высоте желудка, и действующий наподобие судового компаса. Я могу петлять, кружить, выписывать кренделя, идти вперед и возвращаться — стрелка всегда будет указывать мне верное направление. Я ощущаю легкие прикосновения к коже — то на левом предплечье, то на правом, то на груди, то на спине — и знаю, куда идти. Устройство действует четко и безошибочно. Достаточно запустить его, и можно перестать о нем думать. И не только можно, а даже нужно, поскольку прибор безотказный и не терпит, чтобы сомневались в его надежности. Вот и сейчас, например: отчетливо почувствовав прикосновение указующего перста где-то в области левой лопатки, я сделал пол-оборота и зашагал вперед. Нисколько не раздумывая, я знал, что двигаюсь к цели кратчайшим путем. И потому шел напрямик, следуя указаниям своего автомата. Его сигналы я ощущал на груди, примерно на уровне диафрагмы. Краем глаза то слева, то справа я видел деревья и кусты, мимо которых раньше уже проходил, но теперь они были по другую от меня сторону. Шел я уверенно — ведь мой внутренний прибор действовал безупречно. Он был надежнее компаса, мне не требовалось ничего пересчитывать, устройство давало готовый азимут.

Я был уже, вероятно, недалеко от ручья и шоссе, поскольку в какой-то момент услышал шум мотора, а лицо мне обвеял прохладный ветерок, прилетевший из сырого оврага. Но впереди был еще трудный отрезок пути. Лес становился гуще и, как это часто бывает вблизи шоссейных дорог, все более диким. Кусты орешника и боярышника, молодые сосны, дубки и даже акации, остановленные при попытке перейти бетонку, пятились, ветвились, клонились к земле, срастались, образуя преграду почище живой изгороди. Я огибал заросли акации и боярышника, выискивал проходы между переплетающимися ветвями дубов, сосенок и орешника. Я уже видел маячащую среди деревьев прямую и гладкую ленту шоссе, когда вдруг на моем пути выросла эта ветка. Она загораживала мне дорогу, она росла наискось, я не мог ни перешагнуть ее, ни пройти под ней — разве что проползти. И обойти ее я не мог, так как слева и справа высилась стена колючего боярышника, понизу густо оплетенная ежевикой, шипы у которой, как известно, кривые, точно рыболовные крючки, и острые, как иголки. Схватив ветку рукой, я стал ее отгибать. Она была гибкой и поначалу особо не сопротивлялась. Но, как оказалось, я недооценил ее возможности; чем сильнее я тянул, тем больший встречал отпор. Я поскользнулся на мокрых листьях, корзина выскочила у меня из руки, грибы рассыпались. Я упал на одно колено. По дороге проехала машина, потом послышался глухой стук лошадиных копыт по асфальту. Я подобрал грибы — несколько штук, сломавшихся и искрошившихся, пришлось выбросить. Корзинку я просунул под веткой на другую сторону. Конечно, я мог обойти препятствие, но, во-первых, обходить было довольно далеко, а я уже опаздывал, и кроме того меня, что называется, заело. Собравшись с силами, я ухватился за ветку обеими руками и начал медленно отгибать ее по наклонной вверх. Две руки — это вам не одна! А тут еще и мышцы всего тела при-

бавляли силы рукам и оказывали солидную поддержку ногам. К тому же я знал, что у моих мышц имеется запас сил на случай, если схватка затянется. Я уже был близок к победе, от нее меня отделяло лишь несколько сантиметров, когда я почувствовал, что руки мои слабеют, а сопротивление ветки растет. Но ведь у меня еще были резервы сил! И я послал их в бой. Руки начали дрожать, но и ветка тоже дрожала. Она тоже была живая, она боролась, а близость поражения заставила ее мобилизовать последние остатки сил. Я поднатужился, уперся ногами в землю и... почувствовал, что ничего больше не могу сделать. Наши силы сравнялись. Но я еще мог обороняться (я чувствовал, что мне это удастся), а потом неожиданно перейти в наступление. Однако в следующий момент мои руки ощутили яростный натиск, за которым последовала атака существа, превосходящего меня силой. Нет, мне не нанесли удар исподтишка — ведь это был честный бой, — но я не сумел отразить атаку. Мои силы внезапно иссякли, оставили меня, ни одна мышца более не способна была сопротивляться. Ветка, разогнувшись, швырнула меня на землю. Да и не ветка, собственно, а какая-то могучая и жестокая тварь, напрягши свою конечность, грубо меня отпихнула. Я сказал «тварь»? О нет, похоже, против меня объединились все препятствия, все силы, какие я когда-либо в жизни одолевал, — и, сплотившись, коварно заманили меня в ловушку, чтобы наконец-то до меня добраться и отомстить за свои поражения. Я почувствовал во рту горький и острый вкус, будто растер зубами свежий листок мать-и-мачехи. А ведь победа была так близко — мне совсем чуточку не хватило сил. Близко-то близко, но что с того? Учитывается только конечный результат!

Я был побежден, унижен и даже осмеян — к счастью, единственным свидетелем своего позора стал я сам. Издалека слышалось шлепанье копыт по асфальту и скрип телеги. Где-то за спиной, на высоком дереве, монотонно кричал зяблик. Я встал, стряхнул землю с одежды и поднял свалившуюся с головы кепку. Потом обогнул заросли и вернулся за корзиной с грибами. Нагнувшись, чтобы ее поднять, я увидел в просвет между листьями и ветками, как через приоткрытое окно, то место на другой стороне. Трава там была примята, земля истоптана и изрыта. Казалось, тут недавно кого-то убили, а потом труп протащили по земле, чтобы закопать где-нибудь в сторонке. Зрелище и вправду впечатляло, но я испытывал странное, дурацкое чувство, что все случившееся совершенно меня не касается. Открывшаяся мне картина походила скорее на полицейское фото, резкое и отчетливое — глядя на такой снимок, понимаешь, что именно на этом месте был кто-то убит. Только и всего.

Выйдя на шоссе, я увидел в сотне шагов от себя нашу машину. Друзья уже меня ждали, но, похоже, были заняты приготовлением завтрака: я разглядел, что они достают из багажника разноцветные термосы и белые кружки, громко переговариваясь; кто-то рассмеялся. Я еще на минутку задержался возле ручья. Вымыл чистой холодной водой лицо и руки. Вытерся носовым платком и не спеша направился к машине. Кто-то меня заметил, все повернули головы, но смотрели почему-то не на грибы, которые я нес, а на мое лицо. Уставились так, точно впервые в жизни меня увидели или уже не надеялись, что я вернусь, — смешно: как будто прошло не два часа, а двадцать лет. Я вытянул вперед руку с корзинкой, чтобы они могли получше разглядеть грибы и выразить свое восхищение. А еще этот жест должен был обозначать извинение и оправдание за пять или десять минут опоздания.

Dymitr Kismielow

Александр Вирпша

МАСТЕР РАССКАЗА

Корнель Филипович (1913-1990) наряду со своим ровесником Яном Юзефом Щепанским и принадлежащим к следующему поколению Мареком Новаковским — один из мастеров короткого рассказа, не имеющего в польской литературе прочных традиций. Дебютировал он после войны сборником «Совершенный пейзаж» (1947). Как и большинство писателей того поколения, свои первые литературные произведения Филипович посвятил военному опыту, особенно связанной с ним моральной проблематике и угрозе дегуманизации. Этот мотив возвращался и в более поздних сочинениях писателя — взять хотя бы новеллу «Сад господина Нитшке» (1965).

Корнель Филипович

В творчестве Филиповича поражает способность представлять экзистенцию (в том числе в ее повседневном аспекте) как сферу непрестанно совершающегося выбора. Он, несомненно, моралист и, подобно Щепанскому, ученик Джозефа Конрада, чья проза, по многочисленным свидетельствам, была точкой отсчета для всего военного поколения. Однако автор превосходного «Дневника антигероя» (1961) избегает простых и всеобъясняющих суждений — его моралистика рождается в атмосфере недосказанности, пауз, намеков, перескоков от одной мысли к другой. Додумывать всегда должен читатель, хотя с виду повествование необычайно прозрачно и основательно.

Филипович по-своему старомоден. Ему чужд литературный эксперимент: он полагается на формулу «реализма», на достоверность переживаний и опыта. Язык его рассказов, приобретающих ранг притч, необычайно лаконичен, сведен к необходимому минимуму. В нем нет украшений и орнаментальности. Писательство Филиповича подчинено прежде всего взаимопониманию с читателем, поискам правды о мире и человеке, который своей жизнью должен совладать с этим миром и с самим собой. Но, парадоксально, эта суровость и лаконичность повествования порождает ироническую отстраненность, вызывая ощущение неоднозначности описываемой действительности и тем самым открывая простор метафизическим переживаниям.

До боли знакомая повседневность преображается, а неспешное и основательное повествование склоняет к сосредоточенности и раздумью. Проза Филиповича — нечто вроде палимпсеста, на котором записаны накладывающиеся друг на друга человеческие судьбы. Вырастая из конкретного, она в то же время обращена к трансцендентному. Именно благодаря этому можно сказать, что за горизонтом писательства Филиповича (который на склоне лет, в 1984 г., вернулся к поэзии, опубликовав отличный сборник «Скажи это слово») лежит Книга.

В заключение стоит упомянуть, что в творческом наследии этого писателя можно найти написанные совместно с Тадеушем Ружевичем киносценарии — в частности, таких картин, как «Место на земле» или «Голос с того света».

Эрвин Аксер

Перевод Натальи Горбаневской

ГЕНЕРАЛ

За ужином Товстоногов неизменно принимался рассказывать анекдоты. У него их было в запасе бесчисленное множество, а особенное значение они приобретали, когда он имитировал актеров, которых уже не было в живых, знакомя меня с неизвестной мне русской театральной традицией. В Польше некоторые театральные деятели тоже отлично рассказывают анекдоты, но у нас, к сожалению, подражание великим актерам, жившим несколько поколений назад (одно за другим поколения передают эту эстафету), не так распространено, как в России или Германии. Благодаря этой традиции я узнал, как произносили различные места «Фауста» или «Марии Стюарт» давно скончавшиеся виртуозы.

Но на этот раз анекдот был не про актера, а про генерала. Военные, как и сотрудники органов, принадлежали к высшим классам советского общества и якобы пользовались особой любовью народа. Но всего ли народа? Всеобщей ли? Тут уверенности нет.

Товстоногов рассказал, как пассажиров битком набитого железнодорожного вагона вывели из спокойного ритма езды внезапные резкие сотрясения. Чемоданы посыпались на головы. Вагон сошел с рельсов и вместе со всем поездом, неотъемлемую часть которого составлял, сорвался с насыпи и поехал по лугу среди невообразимого крика пассажиров, грохота железа, свиста и свистков, воя паровоза. Прокатился по степи, заросшей буйной травой, и, очертив эллипс, чудом снова оказался на рельсах. Паровоз охотно свистнул, и поезд пошел в спокойном ритме, как будто ничего чрезвычайного не произошло. Пассажиры постепенно пришли в себя, разбросанные чемоданы вернулись на место, а пережитый страх нашел выход в яростных репликах. Наконец кто-то сказал: «Такое не должно и не может случаться», — и все с этим согласились. Выбрали делегацию и послали ее к машинисту за объяснениями.

Когда делегация, преодолев многочисленные препятствия, добралась до паровоза, то застала там полный порядок. Машинист с помощником и кочегаром вели оживленные разговоры. «Товарищи, — обратился к ним с укоризной глава делегации, — из-за вашей невнимательности мы все оказались в степи и чуть-чуть не погибли. Как вы могли это допустить?» — «Не было выхода, — ответил машинист. — Поглядите сами, видите — прожектор освещает рельсы на полкилометра вперед. Гляжу, а в свете прожектора стоит — кто? Генерал, самый настоящий генерал! Погоны красные с золотом, фуражка с заломом, козырек светится, как зеркало, подумайте только: генерал!!!» Делегация смутилась: «И правда — генерал... Тяжело, конечно, но вы подумайте: тут несколько сот человек, женщины, дети — надо было, хоть и тяжело, прямо на генерала. Надо было». — «Вот именно, — прервал делегата разгорячившийся машинист. — А что было делать, когда он в степь побежал? Сами понимаете...»

После анекдота наступило долгое молчание, после чего мы сменили тему.

3 ноября 2004

Андрей Буровский

МИРЫ АНДЖЕЯ САПКОВСКОГО

И не заметишь, как кончается Польша.
М. Малецкая

Успех

Анджея Сапковского в России начали переводить и издавать уже относительно давно, в 1996 году. Его и до этого почитывали те, кто знает польский язык. Некоторые из них даже позаимствовали кое-что у пана Сапковского. «Воровать казну, собак и книги у них никогда не считалось воровством», — меланхолично отмечал Герцен относительно либерального русского дворянства. В наше время идеи воруют даже легче, нежели казну, и уж во всяком случае куда легче, чем готовые, уже напечатанные книги.

Анджей Сапковский

Не помню, остается ли Александр Бушков самым продаваемым из писателей современной России, но его первые романы в стиле фэнтези шли на «ура» — это точно. Среди сочных, ярких образов, покорявших читателей в творчестве Бушкова, была и «голова сержанта» — эдакая живая голова на паучьих ножках, встреча с которой несет неведомую, но грозную опасность. «А кроме головы, ничего и не было. Человеческая голова проворно скользила над самой землей на толстых паучьих лапах». Так и скользит она, распевая песни. «А следом, держа шеренги, держа четкий строй, слаженно, в ногу, шагали белые костяки, скелеты».

Эта голова на паучьих ножках, странным образом, есть и в романе А.Сапковского «Ведьмак». В том же романе из кувшина с джинном плывет туман весьма необычного цвета — красного. Ну в точности, как у А.Бушкова в его «Рыцаре из ниоткуда» красный дым выплывает из кувшина с пленным джинном Урак-Омтаром, выплывает «то ли дым, то ли туман удивительно чистого алого цвета».

Плагиат? По-моему, это сложнее... Скорее — использование общей идеи. Не считать же плагиатором всякого, кто после Толкиена начал писать фэнтези. Но подал-то идею первым Сапковский!

Сегодня переведен весь цикл А.Сапковского о ведьмаке Геральте из Ривии: романы «Последнее желание», «Меч предназначения», «Кровь эльфов», «Час презрения», «Крещение огнем», «Башня ласточки». К русскому читателю они пришли сразу, я называю их в хронологическом порядке — по мере того, как романы публиковались в Польше.

И на родине, и в России цикл стал весьма популярным у читателя — по крайней мере настолько популярным, что Сапковского постоянно издают, доиздают и переиздают. Сегодня это один из самых читаемых у нас писателей. За счет чего? Ведь и пресса, и видные деятели культуры уверяют нас на каждом шагу: сегодня рынок требует только самого примитивного чтива, по преимуществу детективов. Даже остросюжетная фантастика имеет право на большие тиражи, только если в ней есть детективный сюжет, воровство, погони и драки.

Книги же Сапковского откровенно из другого репертуара. Это классическое фэнтези, выдуманный автором «параллельный мир», где люди отвоевывают мир у существ, порожденных первобытным Хаосом, — одно их перечисление и описание уже способно вызвать оторопь: лесовики, вампиры, упыри, баньши, мули, бруксы, русалки, альпы, кикиморы, глумцы, дракоптицы, летюги, вилохвосты, рухи, кракены, дракопахи, хиррики, мантихоры, амфисбены, риггеры, пласкуны, прудовики, псевдокрысы, гули, жряки, мгляки, грайверы, выворотки, гигаскопионы, стрыги, яни, химеры, жагницы... Читатель охнет — но пусть он дочитает до «Башни ласточки» и узнает, что в болотах живут еще более жуткие создания, а в пещерах есть еще барбегазы, эхинопсы, веспертыли, листоносы и стучаки.

Сапковский словно пытается запихнуть в свой роман всю нечистую силу Европы, все существа, порожденные фантазией разных народов и в разные эпохи. У него появляется даже дьявол собственной персоной, да оказывается на поверку еще одним удивительным, но вполне материальным существом — сильваном. Редким, но реальным существом.

Классическое фэнтези — мир, находящийся на уровне развития европейского XIII или XIV века, только, в отличие от скучной земной истории, еще и с магией, чудовищами, волшебниками и колдунами. Некие княжества, то дружащие друг с другом, то беспощадно воюющие. Князья, короли, храмы разных божеств, но все до единого очень похожие на средневековые монастыри.

Даже намеки на то, что в этом мире наступает «Время льдов», сами по себе не отличают Сапковского от остальных творцов фэнтези: практически все творцы выдуманных миров обожают устраивать всевозможные катастрофы — погружают в море целые материки, перемещают планеты, устраивают дожди и потопы, ледниковые периоды и цунами. Не ново.

Живут в этом мире и расы нелюдей — краснолюды, эльфы, дриады, называемые еще духобабами. Ясен пень, все эти существа жили здесь до человека, и все же он в тысячу раз приличнее, чистоплотнее и мудрее: так уж в фэнтези полагается.

Только странное дело! Все эти «нечеловеческие расы», «нелюди» вполне могут иметь общих детей в браках с людьми и ведут себя тоже вполне по-человечески. Если внимательно читать Сапковского, можно заметить даже, что краснолюды, так те просто поразительно похожи на немцев: и речевое поведение у них очень похоже на речь немецкого простолюдина, и то же сочетание жесткости, порой свирепости с добродушием, чуть ли не трогательной заботой о слабых мира сего. Даже тот не особенно эстетичный обычай, всегда вызывавший сложные ощущения у всех соседей немцев, — немедленно и не стесняясь никакого общества выпускать скопившиеся в кишечнике газы (в том числе и с сильным шумом). Немцы объясняют этот обычай весьма «научно»: по их мнению, не выпускать газы сразу, как они появятся, значит серьезно вредить своему здоровью. Краснолюды не утруждают себя объяснениями такого рода, они попросту пукают — громко и прилюдно («пердят» — у Сапковского). Но любой человек просто обречен проводить аналогии.

В России взлет жанра фэнтези приходится на конец 1980-х — начало 1990-х. Мечи и драконы тогда шли, что называется, влет. Сегодня издатели этот жанр не жалуют: непопулярный он. Читатель хочет чего-то другого, книги плохо расходятся. Я знаю нескольких писателей, которые не могут пробиться на рынок из-за того, что работают в жанре фэнтези. Получается: своих не печатаем, а вот Сапковский — это пожалуйста! Может быть, народ в целом и не хочет книг в жанре фэнтези, но Сапковский-то популярен и раскупаем. Почему?

Слагаемые успеха

В первую очередь, конечно, потому что Сапковский необычайно талантлив. То, что он пишет, будь то описание лесного пейзажа или нападения лесных эльфов на людей, пьяной драки в низкопробном кабаке или приема в королевском дворце, по неизвестной причине всегда интересно читать. Объяснить это удивительное явление мне трудно. Действительно, ну почему читать Булгакова интересно, а Серафимовича — невыносимо скучно? Они ведь описывали одну эпоху, чуть ли не одни и те же события, хотя и с разных сторон баррикады. Почему интересен Пушкин и вызывает зевоту Булгарин? Почему даже откровенно колонизаторские произведения Сенкевича, хотя бы «В саванне и в пуще», — это захватывающе интересный авантюрный роман, а самые «правильные» романы социалистического реализма про прогрессивных негров, свергающих ярмо капитализма, никто никогда не читал?

Самое простое, что можно ответить на все эти вопросы, — это что всегда интересно читать талантливо написанные произведения. Это объяснение ненаучное, потому что я так и не могу дать строгого определения того, что же такое «талант». Но боюсь, что дать более научное определение все равно никто не сможет, а все дело и есть в том, что Сапковский очень талантлив. Так что пусть все остается ненаучным.

В некоторых отношениях книги Анджея Сапковского вполне «рыночные» и выдержаны в духе вполне коммерческой литературы. В числе всего прочего, у него драк, жестокости и крови более чем достаточно. Тот же Генрик Сенкевич или Булгаков создавали литературу, со страниц которой стекало гораздо меньше человеческой крови. Притом что писали они о весьма мрачных периодах истории, Сапковскому они в этом отношении и в подметки не годятся.

Даже и начинается «Ведьмак» с того, как Геральт одолевает принцессу-оборотня, родившуюся от кровосмесительного романа родных брата и сестры и семь лет пожиравшую людей в окрестностях своей могилы. «Пожирает, обгладывает, оставляет — по-разному. В зависимости, видать, от настроения. У одного только голову отгрызла, нескольких выпотрошила, а других обгрызла начисто, можно сказать наголо...» Остальное в этом эпизоде — в том же духе.

Или вот еще описание, несколько другого свойства: «Кровь толчками запульсировала между пальцами, ручейком стекая на изукрашенный пояс, на лосиные сапоги, на грязную брусчатку». Правда, этим словам предшествуют три полных страницы описания «финтов и выпадов», отчаянной рубки на мечах. Современные подростки стали умнее, но поколения два назад читали бы эти описания с бóльшим чувством, чем о похождениях д'Артаньяна.

Таких описаний: и финтов с выпадами, и льющейся крови, и смертей — у Сапковского очень, очень много; пожалуй, даже слишком много... на любителя.

Но, странным образом, интеллигентный читатель не торопится закрыть его книгу. Описания крови и смерти его, оказывается, не отвращают. Как правило, в большинстве произведений коммерческой литературы сцены крови и смерти вызывают естественный протест. А вот у Сапковского — нет. Может быть, потому что смерть несет у него некое примитивное, но все же торжество справедливости?

Наверное, дело и в этом. Но, с другой стороны, убийство описывается всякий раз настолько натуралистически, что возникает чувство просто невероятное — едва ли не сочувствие к негодяю или монстру. Даже убийство отвратительного чудовища, смертельно опасного монстра подается так, что будит в читателе сложные чувства.

Вот хотя бы сцена торжества справедливости, когда Геральт из Ривии разоблачает смертельно опасную бруксу, мерзкого вампира, притворившегося невинной русалкой. Брукса живет с заколдованным юношей Нивелленом и, прикрываясь им, творит свое страшное дело: в лесу вокруг замка Нивеллена то и дело находят трупы высосанных бруксой людей.

Но вот Геральт понимает, с кем имеет дело, милая девушка превращается в крылатого монстра, в убийстве чудовища принимает участие и сам Нивеллен: всаживает ей «между грудей обломанный острый конец трехметровой жерди». И как ни бьется, ни стремится спастись вампир, но Геральт, конечно, «рубанул уверенно, как сотни

раз до того, серединой лезвия, и тут же, не сбавляя ритма, сделал четвертый шаг и полуоборот. Клинок, в конце полуоборота уже освободившийся, двинулся следом за ним, увлекая за собой шлейф красных капель. Волосы цвета воронова крыла заволновались, развеваясь, плыли в воздухе, плыли, плыли, плыли...» В общем, голова прочь у монстра, и так ему и надо, скверному чудищу, — да только, оказывается, этот вампир-брукса очень сильно любил Нивеллена.

Бедняга-Нивеллен уже двенадцать лет как ходил с жуткой медвежьей башкой на плечах вместо человеческой головы (заколдовала жрица, которую он изнасиловал). Зная, что женская любовь и пролитая кровь могут вернуть ему человеческий облик, с кем только не путался Нивеллен! Дамы сердца менялись как перчатки, а Медвежья морда так никуда и не исчезла. Исчезла она, сменилась человеческим лицом, когда им же убиваемая брукса умерла со словами «люблю» и «ты — только мой», когда ее кровь хлынула на землю с оглобли Нивеллена и с лезвия ведьмачьего меча. Потому что, видите ли, по словам Геральта, «любовь должна быть истинной».

Какая все-таки великолепная ирония! Медвежья морда обретает человеческий облик действительно благодаря любви — но вовсе не женской любви. Искренне полюбила Медвежью морду не девушка, которой он насыпал полные карманы серебра и драгоценностей. А монстр, чудовище, брукса — страшная убийца великого множества людей.

Нет, а в самом деле — где в классической версии этой легенды указание: заколдованного человека полюбить должна именно женщина?! Нигде. Всегда говорится — полюбить. И нет никаких формальных запретов на расколдовывание через любовь монстра.

Остается удивляться, что Сапковский первым додумался до этого эффектного, сильного хода.

Мир Сапковского сложен. Его герой — профессиональный убийца, пусть убийца не людей, а чудовищ. Но само описание убийства таково, что заставляет читателя не столько торжествовать, радоваться за героев и подпрыгивать от предвкушения, сколько думать, чувствовать, переживать. Очень уж все непросто. Как с Нивелленом, убивающим страшное чудовище — но вместе с тем и девушку, с которой он спал в одной постели. Зрелище острия оглобли, выходящего из спины, пробивающего тонкую белую ткань платья (платья невесты?), оказывается частью торжества справедливости, избавления мира от монстра.

Второй важнейшей частью кассовой литературы считаются постельные сцены. И этого у Сапковского — море! Живописано многое и смачно, со знанием дела и со вкусом. Но и здесь Сапковский остается человеком, который видит мир как сложно устроенное место. Как место, в котором, какую сторону жизни ни копни, происходят очень и очень разные вещи.

В описаниях женщин, любви и секса Сапковский проявляет качество, казалось бы, не особенно свойственное кассовым писателям: одно и то же он описывает чрезвычайно разнообразно и практически не повторяется. У большинства «кассовых» писателей женщины удручающе одинаковы: это или стервы, готовые предать в любую секунду, или болезненно-развратные мерзавки, или же боевые монстры, приходящие на помощь раненому герою. Так вот, у Сапковского женщины ***разные***. От боевых монстров-зерриканок до трогательной поэтессы Глазка. От крикливых горожанок и задавленных хозяйством жен кметов до могущественной колдуньи Йеннифер. Причем все образы совершенно убедительны, в это многообразие веришь. И это уже большой успех.

Вот описание мерзких похождений «Княжны-Сорокопутки», лесбийских игрищ в разбойничьем притоне — и тут же, на соседних страницах, трогательное описание любви Глазка к Геральту.

Автор великолепно знает женщин. Чего стоит хотя бы описание волшебниц, которые умеют изменять свою внешность. Все они в результате красивы... Но среди волшебниц много «псевдокрасивых женщин с холодными и злыми глазами дурнушек». Как хорошо и как верно!

Комплимент может прозвучать странно: получается, я похвалил Сапковского за то, что он знает жизнь, за то, что он взрослый мужчина, знающий разных женщин. Тоже мне комплимент!

Так вот — комплимент мой Сапковскому не за то, что он знает, а за то, что доносит свое знание до читателя. У большинства наших коллег женские персонажи разнообразием не отличаются.

И при этом Сапковский вовсе не идеализирует женские персонажи и не считает любую женщину воплощением небесного ангела. При всей романтичности многих описаний, при несомненном умении показать красивую и мудрую, а не безобразную сторону секса, живописует он, что называется, смачно. Взять хотя бы великолепную сцену ночи, проведенной Геральтом с Йеннифер в Аретузе — своего рода женском монастыре, где готовят колдуний.

Любой писатель скажет вам, что нет труднее работы — хорошо описать половой акт. Слишком много в нем физиологического, даже грубого, а уж примитивного — это точно. Попробуйте описывать — и, скорее всего, получится грубо, нелепо. Романтика утонет в физиологии.

Сапковский красиво выходит из положения, переводя повествование с действий героев на внешние объекты, даже на восприятие героями этих объектов. Луна, к удивлению Геральта, и после центрального события находится на своем привычном месте... «хотя то, что случилось мгновение назад, в принципе должно было бы сбросить ее на землю».

И второй раз: «Когда Геральт пришел в себя, луна по прежнему висела на своем месте. (...) Из ближайшего окна в левом крыле Аретузы кто-то, кто не мог уснуть, кричал и бранился, требуя тишины. Из окна с другой стороны какой-то обладатель артистической души бурно аплодировал и поздравлял с успехом».

Иронично, красиво... И в результате Сапковский находится в числе немногих счастливчиков, которые сумели показать читателю половой акт главных героев — причем показать предельно откровенно и вместе с тем предельно целомудренно. Уже удача этого описания — мера таланта Сапковского.

Остается еще раз подчеркнуть: книги Сапковского привлекательны еще и в силу его иронии. Великолепной иронии умного, образованного человека. Ирония у него — это и способ относиться к жизни, и ракурс, в котором видится Сапковскому мир.

Вот хотя бы описание ситуации: «как известно», единорога может пленить только невинная девушка. И вот иные охотницы на единорогов специально сохраняют девственность Бог знает как надолго, лишь бы не лишиться своего главного оружия. Но единороги перестают подходить к старым девам... «Разумным созданием будучи, чувствует единорожец, что целомудрие сверх всякого разума и срока весь век хранимое, дело есть весьма странное и подозрительное». Таких перлов по книгам Сапковского раскидано немало.

И какая великолепная стилизация под язык старинного трактата! Вообще язык — один из важнейших факторов успеха пана Анджея. Его стилизации под язык деревенщины, язык солдафонов, язык разбойников, царедворцев, мыслителей всякий раз убедительны. И красивы.

Удивительно, как близок язык Сапковского в переводе... русскому. Все-таки близость русского и польского позволяет достигать особой выразительности, вряд ли возможной при переводах с немецкого или английского. Андрей Сапковский и в переводе сочен, оригинален, интересен. Судя по всему, он мало теряет от перевода — по крайней мере на русский язык.

Сложный мир

Вот два основных качества, которые делают его мир очень реальным, чуть ли не осязаемым. Это мир поразительно сложный. И второе: он очень современный, этот мир.

Мир Сапковского так хорошо продуман, в нем столько различных и многообразных деталей, что по своей сложности он начинает приближаться к реальному миру, в котором живем мы с вами. Так у братьев Стругацких космический корабль пахнет металлом и резиной (примерно как самолет). Так у Станислава Лема во время космического перелета спичечный коробок на ладони капитана Пиркса вдруг становится тяжелым, и Пиркс понимает: это возвращается сила тяжести, космический корабль тормозит.

Конечно, мир, созданный воображением фантаста, вовсе не обязательно должен быть сложным, разнообразным, наполненным красками и запахами. Но чем он сложнее, тем он больше похож на «настоящий».

И тем он интереснее. И тем больше доверия вызывает он у читателя. Многие миры фэнтези такого доверия не вызывают, что поделать, а в мире Сапковского начинаешь буквально жить, пропитываешься его запахами, слышишь его звуки.

Современный мир

Некоторых дам, по крайней мере в России, отталкивает некоторая грубость Сапковского. Или хотя бы его язык кажется им грубым и вульгарным. Не спорю — очень может быть, это и верно. Автор не пытается приукрашивать ни действительность, ни речь людей, страдающих дефицитом культуры, интеллекта и нравственности. Солдафоны говорят у него, как солдафоны, а уголовники — как уголовники. Полуграмотная чернь говорит у Сапковского примерно так, как и должно говорить средневековое простонародье.

Грубость — может быть, но и в этом есть нечто очень располагающее. Нечто, делающее мир Сапковского более реальным и объемным.

И есть в этом употреблении языка нечто весьма современное. Нечто такое, что вошло в литературный, в «позволительный» язык совсем недавно. Язык Сапковского показывает лишь одно: автор — вполне реалист.

Сапковский вовсе не упивается грязью и грубостью. Всевозможные «то ись» и «кажись» для него — не способ показать, что сам-то он умеет говорить грамотно. Он просто видит, что мир таков, каков он есть.

Беспощадное, прозрачное видение того, каков есть этот мир, — это качество, характерное не для любых времен. Предки, в том числе и с помощью литературы, все же изо всех сил пытались приукрасить этот мир, беспощадно изгоняя из литературы все «грубое», «низменное», неэстетичное. Сапковский не приукрашивает — он описывает жизнь такой, какова она в реальности, а не в живописаниях прекраснодушных созданий.

И вторая очень важная черта творчества Сапковского — и притом очень современная черта: его главные герои — искусственные существа.

Мир искусственных существ: Йеннифер, Геральт из Ривии... Мы все — искусственные существа.

Кое-что о культуре

Успех книги по обе стороны российско-польской границы свидетельствует, во-первых, о близости народов и культур.

Во-вторых, он свидетельствует о верности курса, взятого Ежи Гедройцем и Ежи Помяновским еще на страницах «Культуры» — курсе на сближение народов через культуру.

«Последнее желание» и «Башня ласточки» стали одними из самых читаемых сегодня в Польше книг. Их русские переводы становятся одними из самых читаемых книг в современной России. Сама их популярность свидетельствует об интеллекте и душевном здоровье как польского писателя, так и массового русского читателя.

Петр Черемушкин

ПОЛЬСКАЯ КУХНЯ — НЕ ТЕРРА ИНКОГНИТА

«Зачем ты так часто ездишь в Польшу?» — спросил меня знакомый в Москве. Мой ответ привел его в недоумение: «Просто я люблю вкусно и недорого поесть». Изыски польской кухни по неведомым причинам известны ограниченному числу россиян.

В самом дорогом московском супермаркете в винном отделе мое внимание привлек ряд зеленоватых бутылочек с польской «Зубровкой». Польская водка — ныне редкий гость на прилавках российских магазинов, но не только поэтому я остановился и стал рассматривать ее поближе, как будто в первый раз. Меня сразу удивила некоторая дискриминация среди вино-водочных изделий. На полке у каждой бутылки, австралийской ли, грузинской или японской, стоял флажок страны-производителя, а у «Зубровки» бело-красного логотипа не было. Как будто забыли, откуда приехала изящная бутылочка с травинкой внутри. Забыли, что есть такая страна — Польша. Следует признать, что очень быстро исчезла и водка — ее раскупили.

От некоторых россиян я слышал довольно скептические отклики о польской водке, которая как большой дефицит попадала в столицу СССР и качеством не радовала. И подумалось: а ведь польская ликероводочная продукция, равно как и вообще польская кулинария, — терра инкогнита в России. Хотя ближе и понятнее нам, чем дальневосточная кухня. И вовсе не так насыщена жирами, как украинская, рестораны которой встречаются по всей Москве. Конечно, польская кухня не столь экзотична, как ставшая столь популярной в России японская; не разрекламирована, как французская, и не так доступна, как китайская в Америке. Но Россия сознательно или бессознательно упускает польскую кулинарию из вида. В Москве нет ни одного польского ресторана, а польских продуктов за исключением «Зубровки» и замороженных овощей и ягод «Хортекс» — почти не встретишь. И совершенно напрасно. Ведь польские блюда и напитки отличаются оригинальным вкусом. Кроме того, польскому застолью присущи те же составляющие, что и русскому, например водка, пиво, соленые огурцы и копчености. Есть и малоизвестные и незаслуженно упускаемые из виду нашими кулинарными обозревателями. Такие, как фляки, бигос, журек или бифштекс по-татарски. Фляки — это не что иное, как тот самый «супчик, да с потрошками», о котором с таким смаком говорил Жеглов — герой Владимира Высоцкого в фильме «Место встречи изменить нельзя». Бигос — тушеная комбинация квашеной и свежей капусты в определенных пропорциях вперемешку с кусочками мяса и копченостей разных сортов. Иногда бигос готовят просто из квашеной капусты. Следует отметить, что существует целый ряд школ и направлений в отношении того, как готовить бигос, в том числе и по-литовски. Журек — мучной суп со специальной кислой заправкой, копченостями и яйцом. Ну а бифштекс по-татарски у нас все же некоторым известен ввиду его необычности. Это сырое мясо, а точнее рубленая свежайшая, я бы даже сказал парная, говяжья вырезка, подаваемая с мелко порезанным луком, желтком, мелко порезанным соленым огурцом и сардинкой. После того, как все это тщательно перемешивается, получается настоящая мужская еда. В одном польском ресторане перед тем, как подать «татар», с меня даже взяли расписку, что я не буду иметь претензий к ресторану, если мой организм неадекватно среагирует на это блюдо.

Впрочем, большинство польских кушаний традиционно близки русскому брюху. Да не покажется читателю это упоминание скрытой или открытой рекламой, но, оказавшись в Париже и утомившись от свежих креветок и устриц (о лягушках и улитках я даже не упоминаю), я отправляюсь на

Монмартр в ресторан «У Янушка», где можно наконец-то съесть то, к чему мой восточноевропейский желудок привык: первоклассной селедки под шубой (здесь она называется «сельдь по-гдански»), отварной картошки, борща по-литовски. И, наконец, выпить рюмочку «Выборовой», а не кислого шампанского или красного вина, от которого кишки (ввиду чрезмерного потребления) выворачиваются во Франции наизнанку.

Конечно, чтобы попробовать польскую кухню, не обязательно ехать в Париж. Путешествуя по Польше, вы найдете в любом придорожном ресторане, будь то в десяти километрах от Варшавы или же у границы с Калининградской областью, Литвой или Белоруссией, может быть, даже самые лучшие примеры польского кулинарного искусства. Причем возможно, что чем дальше от Варшавы, тем лучше. Помню, как мы, двигаясь на автомобиле от Ольштына к российской границе, остановились в небольшом городке и в ресторанчике, где посетителями были в основном приграничные бандиты, получили вкуснейший бигос.

В каждом путеводителе по польской кухне вы можете прочитать, что польская кухня вобрала в себя следы французской, итальянской, литовской и еврейской кулинарий. О влиянии русской кухни поляки упоминают довольно лаконично, тем более что первенство в изобретении водки русскими они так и не признали. Но тем не менее влияние двух мощных соседей — Германии и России — можно почувствовать, попробовав «голонку» (то, что немцы называют «айсбаном», а русские — «рулькой») или пельмени, которые по-польски называются «пироги» (точнее «перóги»). «Польская кухня отличается ярко выраженным своеобразием, укорененным в традициях, преемственность которых в течение полувека коммунистического режима была подавлена. Однако в последнее время она возвращает себе былой блеск», — отмечает один из путеводителей.

Открывшиеся за последнее время по всей Польше новые рестораны, да и улучшенные старые, привлекают и поляков, и туристов своим разнообразием. Знаменитая краковская «Гавелка» консервативна и чопорна, но безукоризненна и не столь уж дорога. Галицийские традиции здесь безусловно хранят. И любители грибных супов долго не забудут «суп из леса», подаваемый в хлебной кружке с крышкой в виде горбушки. В Варшаве мои любимые рестораны — «Подвале» и «Под Самсоном» на границе старого города. (Покидая Старый город, повернете налево от Барбакана и сразу увидите вывеску «Подвале»). Буквально в десяти шагах от Барбакана, но в сторону Рыночной площади Нового города расположился ресторан еврейской кухни «Под Самсоном». На мой вкус, здесь еврейская кухня представлена лучше, чем в ресторанах краковского района Казимеж. Карп по-еврейски в желе — коронное блюдо «Под Самсоном».

Тем не менее Краков — один из немногих регионов Польши, сохранивший местное обаяние и качества, присущие региональной кухне. Как пишут Роберт Маклович и Станислав Манцевич, авторы юмористического и, как они сами говорят, субъективного путеводителя «Съесть Краков», «после II Мировой войны территориальная форма государства радикально изменилась, что привело к большой миграции населения и нарушению традиционного устройства, в том числе и кулинарного. Почти полностью исчезли евреи, украинцы, армяне, татары, караимы. Польская кухня утратила приток свежей крови. Варварские правители почитали бризоли с грибами и, изолируя страну, нанесли ей невосполнимый ущерб».

Политика и застолье в Польше всегда были взаимосвязаны. Нетрудно вспомнить, что антикоммунистические восстания начинались из-за повышения цен на продукты питания или из-за их дефицита. Переговоры «круглого стола», приведшие к мирному переходу от коммунистической системы к демократическому устройству, оказались успешными в немалой степени из-за того, что один из организаторов со стороны коммунистов и будущий посол в Москве Станислав Цёсек был хлебосольным хозяином. Очень хорошо помню, как во время подготовки к заседаниям «круглого стола» польские газеты то и дело писали, что поляков интересует не «круглый стол» как таковой, а обильно накрытый стол. В начале 90-х (не самое изобильное время в Москве), когда Цёсек приглашал российских журналистов на приемы в польское посольство, он начинал свои выступления с подкупающего откровения. «Дорогие журналисты! Я пригласил вас, чтобы немного подкормить», — говорил Цёсек без обиняков. Кстати, может быть, это и случайное совпадение, но в то время о Польше в российской прессе писали больше хорошего, чем плохого.

Традиция польского гостеприимства особенно проявляется под Рождество, в сочельник. Считается, что в такой день в дом должен быть приглашен путник или человек, встречающий Рождество в одиночестве. И если такого путника нет, ему должно быть приготовлено место за столом. Однажды мне посчастливилось оказаться в роли такого путника, когда я был студентом Варшавского университета в 1988 году. Меня буквально засыпали приглашениями в гости и практически разорвали на части. Когда я уже покидал свою комнату в общежитии, чтобы идти в гости в семью проректора Академии изящных искусств Винярского, в дверь постучали — приехала дочка профессора Клечковского Ханна. Она усадила меня в свой «малюх» («малыш») — польский «Фиат» и доставила прямо за рождественский стол. Пришлось извиняться перед Винярскими. Рышард Винярский тогда посетовал моей маме, что его рождественский стол я предпочел обществу хорошенькой девушки. В действительности я выбрал комбинацию того и другого. В конечном счете, за каким бы столом с польскими кушаньями я ни оказывался, воспоминания о нем оказывались самыми гастрономическими. На нем, накрытом белой скатертью, в сочельник почти всегда стоит рыба — карп или селедка с луком. Может быть и борщ с пельменями. При этом борщ и пельмени непременно постные. В качестве десерта подают кутью с медом или маковый штрудель («мако́вец») и, наконец, компот из сухофруктов. От рюмки, конечно, тоже не отказываются.

Пожалуй, главный продукт польской кухни, который часто используется как в чистом виде, так и в качестве ингредиентов других блюд, — это копченые колбасы и колбаски. То, что по-польски называется «вендлины». Может быть, кому-то эта пища покажется простолюдинской, крестьянской, мне же она подходит и, уверен, очень соответствует вкусу среднестатистического европейца. От разнообразия сортов копченостей на прилавках польских мясных магазинов глаза просто разбегаются, и запомнить названия различных «кабаносов» — самых длинненьких и узких колбасок (типа «охотничьих») — не так-то просто. Если вы оказались в Польше с минимальным количеством денег, кусок колбасы или ветчины со свежим хлебом рекомендую предпочесть «Мак-Дональду». Кстати, в Кракове прямо на улице можно купить баранку с солью или с маком — как ее здесь называют, «прецель» — всего за 90 грошей.

Естественно, колбасы отличаются не только сортами, но и региональными особенностями. Например, под Краковом производится колбаса, имеющая репутацию особенно вкусной — «лисецкая» (по названию местности Лиски). Мясные изделия коптятся на холодном дыму. Особенно вкусны при таком способе приготовления копченая филейная вырезка — полендвица, или свиная грудинка, или карбонад.

По всему миру известна краковская колбаса. Ее слава достигла Америки, и не случайно американцы название этого продукта произносят с польским акцентом: «келба́са». Зачастую иностранные варианты «краковской» не имеют ничего общего с оригиналом. Другое дело, что даже в Польше никто не знает, каким должен быть на вкус оригинал, потому что любая мясобойня может производить колбасу, называемую краковской. Однако если исходить из того, что настоящий пармезан производится только в Эмилии-Романье, бри — исключительно в Нормандии, вино токай — в Токае, шампанское — в Шампани, то краковскую колбасу следует покупать в Кракове.

Авторы уже упоминавшегося субъективного путеводителя «Съесть Краков» несмотря ни на что признают, что некоторые региональные особенности польской кулинарии все же сохранились. Признавая в этом отношении, конечно же, первенство Кракова, они, тем не менее, пишут: «Как яркие звезды на однообразном небосводе, сверкают регионы, жители которых не утратили хотя бы часть давних традиций в еде и питии. Есть среди них откормленная утками и галушками Великопольша, есть обожающая клецки и крупы Верхняя Силезия; есть Подгале, овеваемое испарениями рассола и чая со спиртным; есть прибалтийский регион проживания кашубов, пропахший дымом коптилен, где готовят угрей».

Краковяне, как все поляки, — мясоеды и особенно любят свинину. Говядина и телятина, конечно, тоже не игнорируются. А вот баранину в основном едят в горных районах под Краковом, в Татрах и Бескидах, где крестьяне испокон веков разводили овец. Из многочисленного и симпатичного семейства домашних птиц головы чаще всего теряют куры: их едят, как правило, начиненными фаршем из хлеба, моченного в молоке. Из употребляемых в пищу рыб главные — сельди, карпы и форели. Селедку маринуют в масле. Другие виды рыбы часто приготавливают в желе — в том, что по-польски называется «галаретка».

Самыми польскими из польской кухни скорее всего следует считать кондитерские изделия и конфеты. Исходя из того, сколько времени польки и поляки проводят в кофейнях, это не покажется удивительным. Самое знаменитое и старое кафе-кондитерская «Бликле» на улице Новый Свят славится пончиками, маковыми и прочими пирожными. Хотя традиционные эклеры, шарлотки, «вузетки» и прочие «кремувки» здесь тоже можно найти. Говорят, сам де Голль делал в «Бликле» заказы прямиком в Париж. Помню, в сентябре 1977 г., когда я впервые приехал с мамой в Польшу, в отдел готовых изделий «Бликле» стояла такая очередь, что лишь чудесная способность нашего польского хозяина заходить с черного хода дала нам шанс вкусить знаменитых пирожных. «Бликле» лишь задает тон среди многих и многих кафе по всей Варшаве и вообще Польше. Бар «Позёмка» («Земляника») на углу Медовой и Краковского Предместья всегда полон дедушек, обсуждающих последние политические события, и из разговоров градус общественного мнения Польши узнать проще, чем из любых социологических опросов.

В 1999 г. во время посещения родного города Вадовице под Краковом Папа Иоанн Павел II сорвал овацию толпы, бросив фразу о том, какие перед войной были замечательные кремовые пирожные в кофейне на рыночной площади. Своими ушами слышал, как возрадовалась толпа, словно речь шла о чем-то очень всем близком. В конфетном магазине фирмы «Ведель» есть и столики, за которыми можно почесать языком с подружкой, и прилавки, ломящиеся от конфет, печений и знаменитых вафельных тортиков, которые отличаются от русских абсолютной нежирностью. В 1991 г. «Ведель» купила американская компания «Пепсико», но потом как-то постепенно вышла из этого проекта.

Особое место на польском столе занимает пиво. Его реклама распространена на каждом углу, а вот употреблять в общественных местах «из горла» — запрещается. Одна моя знакомая, недавно побывавшая в Польше, поставила себе задачу пробовать различные сорта польского пива, ни разу не повторившись. К концу ее недельного пребывания в стране цифра употребляемых сортов достигла шестнадцати, причем все были очень вкусные. «Окотим», «Тыское», «Живец» — самые известные из них. Лично я предпочитаю пиво «Хевелиуш», производимое в Гданьске с легким добавлением меда.

Единственным производимым в Польше напитком, относящимся к числу вин, считается «мед питьевой». Его изготовляют в соответствии с древними и часто покрытыми тайной рецептами из ферментированного пчелиного меда с добавлением пряных приправ и хмеля. Крепость медов колеблется от 9 до 18 градусов. В зависимости от соотношения меда и воды, использованной при изготовлении напитка, различаются «полтораки» (2:1 — самый лучший, самый крепкий и самый сладкий); «двойняки» (1:1), «тройняки» (1:2), а также «четверняки» (1:3). Повезло тем посетителям ресторана «Подвале», кто, как я, оказался там накануне Рождества 2004 г. и получил в подарок от заведения бутылочку меда.

Если уж мы начали обзор польских блюд упоминанием о «Зубровке», то и завершить его следует восхвалением множества сортов водок, наливок и настоек, столь распространенных в Польше. Причем, чтобы не служило это неправильному иностранному стереотипу, выразившемуся в знаменитой французской поговорке «Пьян как поляк», скажем сразу: польские безалкогольные напитки по качеству ничуть не уступят горячительным. Вкус сока из черной смородины, который за пределами Польши я видел только в русском магазине на Брайтон-Бич, похож на домашние компоты моего детства. Кстати, компоты из вишни или из груш составляют меню не худших польских ресторанов. И если вам доведется их отведать, не побрезгуйте — не пожалеете.

Поляки считают водку национальным напитком, как французы — вино. После открытия в Угличе музея водки русские в открытую бросили полякам вызов в праве первенства на водку. Однако этот спор в конечном счете должен скорее привести к примирению, чем к войне. Как говорили мои соседи по студенческому общежитию в Варшаве, водка — главная основа польско-русской дружбы. Среди столь любимой русскими и поляками «беленькой» лидерство, несомненно удерживают «Выборова». «Шопен», «Кракус», «Краковия», «Сливовица еврейская пасхальная», «Премиум» — эти названия дают представление о широте и многообразии выбора, а также заслуживают отдельного рассказа. Все эти водки поляки называют чистыми, а такую, как «Зубровка», зелененькую с травинкой из Беловежской пущи, или «Сливовица», — цветными. Самой беспохмельной водкой из тех, что я пил в Польше, была кошерная. Говорят, специально освящена раввином.

Польская кухня — понятие, не установленное раз и навсегда. Она продолжает существовать и развиваться, как развивается польское общество. Растет число ресторанов быстрого обслуживания — поляки даже называют это «макдональдизацией», но клиент разбирающийся и особенно зрелый, конечно же, пойдет в ресторан традиционной кухни!

Милош Петр Внук

МАРИАН КАМИЛЬ ДЗЕВАНОВСКИЙ: МЕЖДУ НАПОЛЕОНОМ И ИОАННОМ ПАВЛОМ II

Воспоминания о кавалеристе, дипломате, журналисте, историке, авторе 13 книг и поэте

Камиля и Аду Дзевановских, этих двух необыкновенных людей, я встретил случайно в университетском книжном магазине в кампусе Висконсинского университета в Милуоки. Это было осенью 1983 г., когда я только начинал свою профессорскую карьеру, а Камиль как раз уходил на пенсию — уже второй раз. В первый раз он стал пенсионером в Бостоне в 1978 г., когда официально достиг пенсионного возраста — ему исполнилось 65 лет. Тогда Камиль преподавал историю в Бостонском университете, расположенном неподалеку от Гарвардского, где в июне 1951 г. он защищал диссертацию по истории России и Центральной Европы. Его научным руководителем был гарвардский профессор Михаил Карпович, который, в свою очередь, получил степень доктора исторических наук в Московском университете за свою опубликованную в 1914 г. работу об Александре I. Глубокое влияние профессора Карповича на дальнейшую научную карьеру и интересы Камиля Дзевановского бесспорно. Достаточно взглянуть хотя бы на весьма интересную книгу Дзевановского «Александр I. Таинственный русский царь», изданную в Польше и США. Можно также обратиться к воспоминаниям Дзевановского «Мой учитель» (см. «Новая Польша», 2003, №6), где он трогательно описывает своего наставника и научного опекуна. В этой статье Камиль зашел так далеко, что доказал польское происхождение Карповича: де-факто он был внуком польского повстанца 1863-1864 гг., сосланного царем на Кавказ. Вероятно, в этом и кроется причина столь теплых отношений между Дзевановским и Карповичем, а также сердечного отношения Камиля к России. Дзевановский опубликовал 13 книг, больше половины которых посвящены России. Бестселлером стала монография «История Советской России», переиздававшаяся шесть раз и переведенная на китайский язык.

МАРИАН КАМИЛЬ ДЗЕВАНОВСКИЙ

Камиль неоднократно рассказывал мне подробности необычайной жизни князя Адама Чарторыйского — единственного поляка, который некоторое время был министром иностранных дел в правительстве царской России.

В 1976 г. Камиль познакомился в Бостоне с краковским кардиналом Каролем Войтылой и помог будущему Папе подготовить английский текст лекции об ассимиляции. Лучшего эксперта по этому вопросу трудно было найти — ведь в своей бурной жизни Камиль жил в таких странах, как Украина, Польша, Германия, Франция, Англия и США. Кроме того, он был кавалером Мальтийского креста.

Впоследствии Камиль три раза посетил Иоанна Павла II в Ватикане. Он беседовал с Папой, участвовал в мессе, совершавшейся в папской часовне. В те годы (а это были 80-е) Дзевановский был избран почетным президентом Американского фонда польской культуры (того самого, где я был председателем) и активно помогал в его первых важных начинаниях. В 1985 г. он вместе с нами организовал научный симпозиум, посвященный жизни и деятельности Марии Кюри-Склодовской и ее огромному вкладу в развитие химии и физики. В 1986-м он помог нам получить субсидии от известного историка искусства и владельца картинной галереи в Лондоне Анджея Цехановского. В 1988-м принял участие в возведении здания Польского центра в Висконсине, проект которого был бесплатно разработан краковским архитектором Збигневом Беляком по образцу классической польской шляхетской усадьбы. Наконец, в конце 80-х благодаря Камилю наш фонд смог пригласить нескольких учеников краковской гимназии им. Бартломея Новодворского провести каникулы в Висконсине (некоторые молодые гости из Польши побывали также во Флориде, Неваде и Калифорнии). В марте 1988 г. по инициативе Дзевановского в Милуоки состоялась лекция куратора Польского музея в Рапперсвиле (Швейцария), выдающегося историка искусства и большого друга Польши Януша Морковского. В результате усилий Камиля Американский фонд польской культуры получил благословение Папы Иоанна Павла II. Разве с таким союзником можно проиграть?

Одна из книг Дзевановского посвящена Наполеону. Это не лишено глубоких причин, которые следует искать в семейной истории рода Дзевановских, подтвержденной письменными свидетельствами за последние 200 лет. По семейной легенде, один из предков Камиля, Ян Дзевановский — улан, сражавшийся в наполеоновской армии, — уже после ранения Козетульского возглавил кавалерийскую атаку при Сомосьерре. Атака на четыре батареи испанской артиллерии завершилась победой и открыла Наполеону дорогу на Мадрид. Ян Дзевановский был тяжело ранен и умер. На страницах 39 и 40 автобиографии Камиля Дзевановского «Одна жизнь — это слишком мало», изданной Адамом Маршалеком в Торуни, можно прочесть:

Тогда Дзевановский
Как стрела взметнулся,
Взял три батареи,
Но уж не вернулся.

И далее:

Дзевановский там почил,
Что отвагою прослыл.
Император сам стоял,
Гаснущую длань сжимал.

Есть и такое предложение: «Наполеон препоручил Яна Дзевановского заботам своего личного врача, превосходного хирурга Ларрея, который поместил его в мадридский монастырь Санта-Мария. Впоследствии император посетил раненого, снял с груди собственный крест Почетного Легиона и пристегнул его уже умиравшему Дзевановскому».

Эти стихи Камиль учил наизусть вместе со своим братом Туней, а слышал он их от своего отца Камиля Антония Дзевановского. Когда Камиль был еще ребенком, его мать болела чахоткой. Частично залеченная в Закопане, куда мать ездила на продолжавшиеся по несколько месяцев курсы лечения, болезнь возобновилась во время русской революции и гражданской войны на Украине. «Голод, непосильная работа и нервное напряжение пагубно повлияли на состояние ее

здоровья, — пишет Камиль о матери. — Вскоре после приезда в Варшаву она начала температурить, харкать кровью, и ей пришлось лечь в больницу Младенца Иисуса». Она умерла 17 апреля 1923 г., когда Камилю не было еще десяти лет.

Тем временем Камиль, который сам себя называет «исчадьем ада», вместе с братом Туней учился в Раковицах под Краковом в гимназии при монастыре пиаров.

Первым учеником в гимназии Дзевановский никогда не был (сам он пишет о себе так: «Я всегда был математическим тупицей, и это было главное, что мешало мне выдвинуться на первые места в классе. Не помогли никакие частные уроки и дополнительные занятия во время каникул».). Единственным ценным умением, вынесенным из школы, была игра в теннис, благодаря которой спустя многие годы, уже в Лондоне, Камиль познакомился со своей будущей женой Адой.

В те годы Камиль делил свое время между Раковицами, где располагалась гимназия пиаров, Милянувеком близ Варшавы, где он проводил каникулы в кругу семьи, и Волынью, где у его отца было имение и лесопилка. Гимназию Камиль так и не окончил: был исключен за распитие вишневки. На стр. 43 своей автобиографии он пишет о последствиях этого события так: «Ксендз Мариан пришел в такую ярость, что назвал меня не только „волком в Божьей овчарне", но и „дьяволом во плоти"... Отец, вызванный телеграфом из Варшавы, чтобы получить из рук в руки свою „паршивую овцу", приехал только через несколько дней: в то время он как раз был на Волыни с обыкновенным весенним визитом. Он был взбешен. По дороге в Краков, сидя в пролетке, мы не проронили ни единого слова. Когда мы доехали до „Гранд-отеля" и вошли в номер отца, первые его слова были: „Снимай штаны!" Когда я сделал это, он приказал: „Ложись на кровать!" Сам он тем временем вытащил из чемодана хлыст, который использовал для верховой езды. Этим, как он выражался, „бичом" отец отмерил мне справедливое наказание: десять мощных ударов. Я стиснул зубы, чтобы не стонать от боли. На протяжении нескольких следующих дней сидеть на жестких стульях мне было не слишком приятно».

Вследствие этих неудач Камиль оказался в знаменитой довоенной кавалерийской школе в Грудзёндзе (точности ради следует добавить, что до этого он успел получить в Варшавском университете адвокатский лиценциат). Только в Грудзёндзе он наконец стал настоящим отличником. Этот успех сыграл решающую роль во всей его будущей карьере, начиная с миссии дипломатического корреспондента польского агентства печати ПАТ в Берлине в 1937 и 1939 годах. После этого Камиль участвовал в сентябрьской кампании 1939 г., бежал из советского лагеря для военнопленных в Литве, служил в польской армии в Англии и, наконец, выполнял тайные правительственные миссии, которые забросили его в США... Дальше была учеба, докторская диссертация в Гарварде и долгие годы работы университетского преподавателя, историка, исследователя и писателя.

***Мариан Камиль Дзевановский** родился в Житомире 1 июня 1913 г., умер в Милуоки 18 февраля 2005 года.*

Пшемыслав Делес

ЗАБЫТЫЙ ФИЛАНТРОП

Герберт Гувер

В ноябре 2004 г. на улицах Варшавы появились плакаты со снимком, на котором запечатлен теперь уже не существующий (в 1940 г. немцы взорвали его) памятник Благодарности Америке. Плакаты сообщали о выставке «Американская дружба. Герберт Гувер и Польша», которая проходила в Библиотеке короля Станислава в Королевском замке в Варшаве с 13 ноября 2004 по 16 января 2005 года. Выставка была организована Гуверовским институтом Стэнфордского университета и посвящалась 130-й годовщине со дня рождения и 40-й годовщине со дня смерти Г.Гувера.

Герберт Кларк Гувер (1874-1964), известный инженер, бизнесмен, геолог, металлург, один из самых уважаемых американских политиков своей эпохи и, наконец, тридцать первый президент США, родился в Айове в семье кузнеца и учительницы — Джесси и Гульды Гуверов. Он осиротел в детстве и воспитывался у дяди. С раннего детства воспитанный в наставлении, что надо тяжко трудиться, он ценил роль образования. Окончил Стэнфордский университет и работал горным инженером в Неваде, Западной Австралии, Китае.

Начало I Мировой войны застало его в Лондоне. Город стал прибежищем тысяч американских туристов, вынужденных бежать с европейского континента. Американское посольство обратилось к Гуверу с просьбой организовать помощь беженцам. Под его руководством был создан Лондонский комитет помощи американцам, находящимся за пределами США, который оказал помощь 120 тысячам человек.

Между тем немецкая армия захватила Бельгию и север Франции. Гувер отреагировал очень быстро, организовав Комитет помощи Бельгии, который в течение четырех лет снабжал продуктами питания 11 млн. человек на оккупированных территориях; на эти цели он собрал более миллиарда долларов в тогдашнем исчислении.

В 1917 г. президент США Вудро Вильсон поставил перед Гувером новую задачу, поручив ему возглавить Американскую администрацию помощи (голодающим) — АРА, которая руководила распределением помощи регионам, затронутым войной. Эта организация доставила 18,5 млн. тонн продовольствия в 30 с лишним стран Европы и Ближнего Востока. В июне 1919 г. АРА формально прекратила свою деятельность, однако ввиду того, что потребность в помощи по-прежнему существовала, Гувер организовал Фонд помощи детям (Восточной) Европы, а с 1921 г. этот Фонд оказывал помощь разоренной гражданской войной России.

Одним из главных направлений деятельности Гувера была Польша, куда доставлялись сотни тонн продовольствия, одежды, лекарств, а также средства, необходимые для восстановления экономики, причем сама система распределения была прекрасно организована. Гувер был также инициатором создания американских комиссий, занимавшихся финансовым и экономическим консультированием. Главная роль отводилась акции по организации дополнительного питания для детей, был создан Польско-американский комитет помощи детям.

Свой накопленный опыт Гувер использовал в политике. В 1920 г. Герберт Гувер был назначен министром торговли, а в 1928-м победил на президентских выборах.

Время его президентства нельзя назвать удачным: в 1929 году начался великий кризис. Гувера обвиняли в том, что он не сумел справиться с трудной экономической ситуацией, и в результате на следующих президентских выборах он не был переизбран на второй срок, уступив место Франклину Делано Рузвельту.

Покинув Белый дом, бывший президент стал председателем совета Юношеских клубов Америки. Однако вскоре перед Гувером встала очередная серьезная задача. В 1939 году Германия напала на Польшу. Герберт Гувер, на сей раз как частное лицо, организовал Комитет помощи Польше, постепен-

но расширив радиус его деятельности также на Голландию, Бельгию и Финляндию. О масштабе этого предприятия свидетельствует тот факт, что в течение всего этого периода питание получали более 300 тысяч польских детей.

Понимая ценность опыта Гувера, президент Гарри Трумэн попросил его определить уровень продовольственных потребностей послевоенной Европы. На основании доклада, подготовленного Гувером после поездки в Польшу в марте 1946 г., была организована помощь Польше, которая оказывалась на протяжении нескольких последующих лет.

Выставка в Королевском замке была посвящена главным образом польскому аспекту деятельности Гувера, представленному, впрочем, на фоне его гуманитарной деятельности в целом. Экспозиция была составлена по традиционному принципу: в качестве экспонатов были выставлены почти исключительно репродукции фотографий, документы из собрания Гуверовского института, хронологически иллюстрирующие целые этапы и отдельные моменты гуманитарной деятельности Гувера. Для того чтобы сделать выставку более впечатляющей, организаторы разместили экспозиционные стенды так, чтобы каждая отдельная тема выделялась и одновременно увязывалась с последующими.

В тематических разделах экспозиции соблюдался хронологический порядок. Сначала посетители знакомились с семьей Гувера, средой, в которой он вырос, и принципами, которые ему прививали с детства. Ознакомившись с несколько наивными макетами и картинками, изображающими солидные фермы штата Айова и людей за работой, посетители выставки переходили к стенду, знакомившему с важнейшими событиями из жизни президента, чтобы затем перейти к фотографиям периода I Мировой войны, на которых запечатлены разоренные территории, беженцы, а на стендах, стоящих напротив, — американцы в Европе и деятельность Комитета помощи Бельгии.

Затем можно было детально ознакомиться с акцией помощи, а чтобы экспозиция была более понятной, ее скомпоновали по темам, например: «Администрация помощи голодающим», «Приезд [Гувера в Польшу]», «Борьба с голодом. 1919-1922», «Продовольственная помощь», «Помощь в области здравоохранения», «Поставки одежды», «Благодарность жителей Польши», «Технические советники». Далее следовал плавный переход к той части экспозиции, которая была посвящена II Мировой войне, — темам «Эскадрилья им. Костюшко», «Канун войны» предшествовали фотографии, иллюстрирующие процесс создания и деятельность Комиссии помощи Польше и организаций, ее поддерживавших: Американского Красного Креста, Американского объединенного распределительного комитета (по распределению помощи евреям, пострадавшим от войны). Завершали экспозицию приезд Гувера в Польшу в 1946 г. и деятельность ЮНРРА (Администрации ООН по помощи и восстановлению).

Несмотря на традиционную организацию экспозиции, создатели выставки сделали ее интересной, используя простые приемы. У каждой фотографии было свое отдельное пространство, и она не сливалась с соседними, благодаря чему экспозиция не утомляла зрителя. Фотографии военных разрушений и портреты истощенных детей размещались среди снимков, воспроизводящих заполненные людьми и прекрасно организованные столовые и клубы. Внимание привлекали свидетельства благодарности поляков — альбомы, письма, фотографии.

На выставке были представлены замечательные фотодокументы, свидетельствующие о масштабе мер по организации помощи Центральной Европе. Большое впечатление производят их размах, свидетельства прекрасной организации и прежде всего эффективности. И это вызывает тем большее уважение, что оказанная помощь была адресована разным группам населения, вне зависимости от их социального положения. При этом следует помнить, что подобная помощь оказывалась во времена, когда общественно-политическая напряженность была особенно острой, а вдобавок весьма обострилось отношение к национальным вопросам.

Выставка напоминает о тех исторических фактах, которых рядовые поляки либо не помнят, либо просто не знают. Исторический период после I Мировой войны остался в памяти как время борьбы за государственные границы, а затем построения государства, общества и экономики с опорой главным образом на собственные силы и ресурсы. Выставка помогает осознать, насколько велика была помощь Польше извне, но, главное, наглядно демонстрирует масштаб работы, проделанной Гувером, который руководствовался такими квакерскими принципами, как например:

«Остерегайтесь полагаться на армию и флот, сохраняйте спокойствие в себе самих и своих поступках и молитесь Всевышнему, чтобы Он вдохнул дух примирения в сердца заблудших и разобщенных чад своих».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Как часто повторяет Ежи Помяновский, писатели после смерти попадают в чистилище: разговоры об их произведениях умолкают, читать их перестают. И все-таки некоторые возвращаются к нам, и, бывает, по прошествии лет замалчивания их начинают читать и воспринимать заново. Причин, по которым они возвращаются, много. Одна из причин, по которой возвращается Ярослав Ивашкевич, — публикация отрывков из его дневника. Сейчас, через 25 лет после смерти писателя, постепенно забывают о его жизненных и политических слабостях, важным же становится голос человека, свидетеля эпохи и большого писателя, которому вдобавок довелось дебютировать в созвездии той плеяды («Такой плеяды не было вовеки» — Ч.Милош, пер. Н.Горбаневской), какой была после 1918 г. группа скамандритов. Родившийся в 1894 г. поэт, прозаик и эссеист (а в свое время и начинающий композитор, друживший с Шимановским), возможно, наконец вернется и займет свое прочное место. Об этом свидетельствуют высказывания его младших товарищей по перу, опубликованные недавно к годовщине смерти Ярослава.

Особого внимания заслуживает — помимо блока материалов, напечатанных в журнале **«Твурчость»** (2005, №2-3), главным редактором которого писатель был много лет, — цикл высказываний «Мой Ивашкевич», опубликованных в **«Тыгоднике повшехном»** (2005, №10), и фельетон Ежи Пильха в **«Политике»** (2005, №9).

Юлия Хартвиг сосредотачивается на вопросе «отсутствия» автора «Карты погоды»:

«Меня глубоко взволновали отрывки из дневника Ивашкевича (...). Там я нашла такое признание: „Самое худшее в моей жизни — особенно в старости — то, что мне не с кем померяться. Я, несомненно, фигура по мерке самая большая. Но вырос я, как огромный гриб, прикрытый маленькой банкой. Отсюда и все деформации. Вместо прекрасного большого гриба склянка наполнена белой массой. (...) Почему мне считать свою индивидуальность растраченной? Потому что для меня нет ничего действительно важного. (...) Попросту внутренняя пустота меня растратила. Какое-то отсутствие силы (нравственной?), какое-то отсутствие совершенства (внутреннего?) — как трещины на хрустале моих произведений. Как в день юбилея, так и сегодня я испытываю жалкое чувство, будто ничего не написал". Молчание, которое сегодня окружает творчество Ивашкевича, могло бы подтвердить этот вывод. Его нельзя поставить ни рядом с Виткацием, ни рядом с Гомбровичем. Захватывающая революционность их прозы овладела умами критиков и читателей художественной литературы. Что же до Ивашкевича, то мы имеем дело с продолжателем европейской традиции прозы, а в поэзии он родом из модернизма: близок Тадеушу Мицинскому и Стефану Георге и в то же время сохраняет свою собственную, узнаваемую ноту. (...) Разве может современный поэт подражать стихам Ивашкевича или быть его „продолжателем"? Тем не менее Ивашкевич продолжает волновать. И не кто иной, как Милош, представитель „второго авангарда", не расположенного к „Скамандру", будучи молодым, отправился в Ставиское, чтобы выразить свое почтение поэту».

Что важно, тот же самый Милош много лет спустя, незадолго до смерти, составил замечательные «Избранные стихотворения» Ивашкевича и снабдил сборник своим предисловием, высоко оценивая его поэзию. Далее Хартвиг пишет:

«Если его имя не было предано забвению на протяжении тех 25 лет, что прошли после его смерти, то это произошло также благодаря двум замечательным фильмам Вайды — „Барышням из Вилько" и „Березняку"».

На «кинопроизводные» прозы Ивашкевича обращает внимание и Изабелла Цивинская:

«Я помню ивашкевичевские картины, звуки, запахи так, словно запомнила их из своей жизни. Незваные, они возвращаются невольно, в какой-то момент ассоциируясь с пейзажем или человеком. В прошлом я собиралась поставить в Театре Телевидения три его рассказа. Начинала делать инсценировку (...). В конце концов, ни одного из этих замыслов я не осуществила, но теперь, по прошествии лет, хотя ни один образ не был записан, не было ни одной съемки, не раздавалась хлопушка на съемочной

площадке, я думаю о них как о завершенных фильмах. (...) Это происходит, потому что еще при чтении этих рассказов сценарий, обычно необходимый как этап съемки фильма, в этом случае казался нужным лишь в качестве технической помощи. Теперь я заканчиваю фильм по „Любовникам из Мароны", одному из поздних рассказов Ивашкевича. Впервые в моем романе с этим писателем слова оживут, любовь исполнится, соцветие аира рассыплется на ветру тысячей семян. Сколько в этом будет от нас, снимающих этот фильм, а сколько от пана Ярослава, виновника всему, ибо он этот фильм написал своей жизнью („Дневник"!) и ее творением в рассказе?»

Интересно о писательстве Ивашкевича говорит политолог и историк идей Мартин Круль:

«У Ивашкевича меня больше всего восхищает своего рода демонический пантеизм. В очень многих стихах — может, даже в слишком многих; я мечтаю, чтобы кто-нибудь поручил мне отобрать сто его лучших стихотворений, тогда было бы видно, каким выдающимся он был поэтом, — да и в прозе так называемая любовь к природе приобретает крайний и невероятно искушающий вид. Природа Ивашкевича вездесуща, и мы в нее полностью погружены. Природа здорова, люди же больны, слабы, впадают в безумие. Природа льнет к человеку, но где-то позади, за лесом, на плотине, в березняке, над лугами, затаился дьявол красоты. Природа в произведениях Ивашкевича — активная участница событий, ее описания никогда не становятся фоном, скорее они — суть, а человек — фон. Из известных мне писателей только Бунин был способен так мыслить и показать, как мы малы и ничтожны, когда нас окружает темный лес, застает гроза или затягивает болото. Такого Ивашкевича следовало бы преподавать в школах — может, тогда удалось бы подорвать представление о банальности природы».

На эти слова стоит обратить внимание как раз в контексте школьного преподавания литературы, где чтение и анализ «описаний природы» остаются одним из самых жутких кошмаров, ужасающих молодежь и отталкивающих ее от литературы.

Еще иное представление об авторе «Славы и хвалы» у Петра Мицнера, который много лет занимается Ивашкевичем — в частности, написал работу «На пороге. Религиозный опыт в текстах Ярослава Ивашкевича» (кстати, интересная глава этой работы посвящена отношению писателя к православию):

«Мой Ивашкевич? Что это значит? Если бы я мог ясно определить, кто он для меня как человек и как я читаю его тексты, наверное, я перестал бы им заниматься. А я не перестаю. Возвращаюсь к его книгам, рукописям. Пытаюсь его понять, раз он это позволил, оставив так много: напечатанные вещи, письма, дневники, различные записи. В них есть искренность и неискренность, есть он сам со склонностью к греху и жаждой святости, алчностью и одержимостью небытием. Он тот, кто ощущает связь со всем живущим миром — и не способен найти с ним взаимопонимание. Великий эгоцентрик с невероятно запутанной душой. И в то же время тот, для кого европейские традиции (западные и восточные) — очевидность, в рамках которой живешь испокон веку. Поэтому в хаосе перемен стоит обращаться к Ивашкевичу, например к стихам из сборника „Возвращение в Европу" и к „Книге моих воспоминаний", в которой есть запах земли и образ культуры, создаваемой на протяжении многих поколений, а также описание возрастания и врастания в мир».

Действительно, в писательстве Ивашкевича есть клубок противоречий, но и стремление разрешить их, предчувствие бездны, которая манит человека, и мощь противостояния «роковой силе». Таков Ивашкевич — с одной стороны, переводчик Кьеркегора, а с другой — автор до сих пор недооцененного рассказа «Взлет», полемики с «Падением» Альбера Камю, и, наконец, поэт, который, отталкиваясь от «Скифов» Блока, завершает свою поэму «Азиаты» спокойным вопросом: «Так неужели только тогда и будем богаты / Знаньем — узнав, европейцы мы или все-таки азиаты?» (пер. А.Базилевского). Эта отстраненность Ивашкевича вырастает, в частности, из того, что он принимает широкую, удаленную от злободневности историческую точку зрения. Пожалуй, это и позволяет ему обладать свободой повествования, которой так восхищается Ольга Токарчук, писательница, принадлежащая к самым популярным прозаикам поколения, постепенно уже становящегося средним:

«Если предположить, что у всякой прозы есть своя тайна, то такая тайна в рассказах Ивашкевича — это тонкое ощущение трагизма в заурядной повседневности. Мир малых городков, провинциальных усадеб, мест на расстоянии ночи езды по железной дороге всегда покоится на чем-то мрачном, неизбежном, несказуемом, трагическом. Его герои, хоть и живут в этой повседневности, напоминают зрителей в музее. От собственной жизни, от самих себя их отделяет тревожная дистанция. Они бессозна-

тельно добиваются посвящения. (...) Две сферы человеческого опыта, неотделимые друг от друга, но драматически разделенные, красота и распад, молодость и смерть, — вот средство ивашкевичевской вселенной, квинтэссенция его писательства. (...) Ивашкевич наверное обладал каким-то врожденным повествовательным инстинктом, талантом творения действительности, которая с первого предложения аннексирует читателя. Сегодня, многие годы спустя, открывается еще одно достоинство этих рассказов — чувственное описание мира, людей, их нравов, все эти детальки и подробности полувековой давности. Для современного читателя эта черта становится доказательством непрерывности мира, которую, на мой взгляд, удается сохранить только благодаря литературе».

Изящным комментарием к чтению «Дневника» Ивашкевича стал фельетон Ежи Пильха в «Политике», озаглавленный «Пес, у которого были глаза Грыдзевского» (Мечислав Грыдзевский — что стоит запомнить! — был редактором довоенного еженедельника «Вядомости литерацке», органа скамандритов). Пильх пишет:

«По мере чтения очередных отрывков все виднее, что „Дневник" Ярослава Ивашкевича — это записная книжка страдания, запись всяческих страданий, всегда трогательных и тем самым всегда глубоко личных и стыдливых. Конечно, автор „Березняка" — особенно насчет своей жалкой литературной судьбы — слегка преувеличивает. Как только он начинает сетовать на окружающий его заговор молчания и всеобщее непризнание его литературных заслуг — то доходит до истерики».

Комментируя выдвигаемые упреки в том, что Ивашкевич занимается «маловажными деталями собственной жизни», Пильх обращает внимание на их безосновательность:

«В конце концов каждый писатель „рассказывает маловажные детали собственной жизни" — дело в том, как он сумеет сделать их общими, скольких читателей захватит своей субъективной детальностью, сколько из них с его повестью себя отождествят. Ивашкевич писал о своем Риме, потому что чувствовал там себя как дома, итальянские древности и магазины он знал как свои пять пальцев и благодаря этой глубоко личной точке зрения написал ослепительную книгу. Он уже тогда был европейцем, и не по той причине, что коммунисты давали ему за коллаборационизм заграничный паспорт, но в силу образования, знания языков и абсолютного слуха к искусству. Быть может, его „европеизм" ослаблял его бдительность к коммунизму (...). Впрочем, сегодня необходимо добавить, что даже если знание коммунизма интеллектуально или эстетически разрушало, то в его кругах знание это было весьма глубоким, а о путанице в элементарных вещах не могло быть и речи».

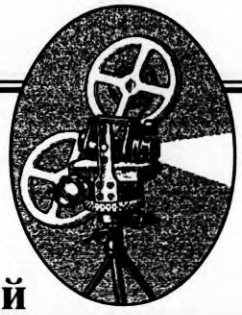
Комментируя позицию Ивашкевича, Пильх подчеркивает:

«По-настоящему язвительным Ивашкевич, пожалуй, быть не умел или бывал редко; по-настоящему трогательным он был, когда записывал (маловажную деталь жизни) смерть любимого пса Тропека: „Он умер сравнительно спокойно. Сердце было изношено, и поджелудочная железа повреждена — поэтому он в последнее время не любил ходить со мной гулять и, наверное, болел диабетом. Мы попросту пренебрегли его здоровьем. Не могу себе этого простить. В Стависком теперь совсем ужасно — он один представлял чуточку жизни, радости, я бы сказал молодости, хоть он и был старый. Мигдалек старается заменить Тропека, но Мигдал — просто собака, а Тропек не был собакой, был моим единственным, последним другом. Недаром у него были глаза Грыдзевского"».

Фельетон заканчивается замечанием, касающимся издания дневника Ивашкевича:

«Тадеуш Комендант, готовящий тексты к печати, пишет, что отказывается от примечаний, чтобы не отнимать хлеб у других, и не комментирует ни заглавия, ни имена — кто знает, тот знает. Даже обширные общественные знания не оправдывают такой лени. Кроме того, не о крупном идет речь, а о малом. О крохотном примечании: кем был Грыдзевский? Секретарем обкома? Министром? Вице-премьером? Как его звали? Владислав? Эдвард? Болеслав? Нет, не Болеслав, Болеславом звали Берута, а еще старого Ивашкевича — отца Ярослава, причем у Берута была партийная кличка Томаш».

Пильх играет именами и фамилиями, как будто не осознавая, что огромная часть молодых читателей не знает сегодня, кто такой Берут, и даже не понимает — да и зачем и почему должна понимать, — что означает термин «секретарь обкома». Важно, однако, чтобы молодой читатель знал, кто такой Ярослав Ивашкевич.



Тадеуш Соболевский

КИНО ЗАГЛЯДЫВАЕТ В ДОСЬЕ

Фестиваль «Перепутья Европы», прошедший в Студенческом культурном центре при Люблинском университете им. Марии Кюри-Склодовской, стал чем-то бóльшим, нежели еще один смотр документальных фильмов. Он стал местом встреч — подчас драматических, как состоявшаяся в этом году дискуссия «Несведенные счеты с ПНР», предваренная показом нашумевшего фильма «Досье».

Герой фильма Гжегожа Линковского — активист подпольной «Солидарности» из Свидника Анджей Соколовский, интернированный во время военного положения. Фильм показывает законную, индивидуальную и, главное, тайную процедуру поиска истины. Мы видим процесс очищения, а не марания памяти, не имеющий ничего общего с провозглашаемой политиками «моральной революцией». Процесс этот происходит перед камерой, живьем, но без выявления фамилий.

Мы видим, как фамилия одного из разоблаченных сексотов становится болезненным шоком для Соколовского и его товарищей по «Солидарности». Другой его приятель, которого принуждали к сотрудничеству, сразу же сообщил об этом товарищам. И хотя его шантажировали и запугивали (гебисты завезли его в лес и показали веревку, на которой он, по официальной версии, должен был повеситься), он не сдался. Досье подтвердило его мужественное поведение.

НОВЫЕ ФАРИСЕИ

В кругах люблинской «Солидарности» фильм Линковского возымел благое действие. Как сказал мне режиссер, к Соколовскому явились с раскаянием двое других бывших доносчиков. Чего же еще желать? «Я разговаривал с гебистом, который в свое время занимался и мной, — говорит режиссер. — Он попросил прощения. Он даже готов выступить публично, если в Люблине будет создана предложенная архиепископом Юзефом Жицинским комиссия истины и примирения».

Из дискуссии в «Хатке бедного студента» мне запомнилось высказывание бывшего министра внутренних дел Кшиштофа Козловского: «Сексоты были последним звеном системы, а не квинтэссенцией пээнэровского зла. Но что сказать о тех, кто их ломал, и о тех, кто руководил ломавшими?» «Институт национальной памяти — это не польская Бастилия! — решительно заявил архиепископ Жицинский. — Моральная революция не делается со дня на день. Это была бы идея, близкая скорее китайской культурной революции, а не революции моральной, которую могло бы поддержать христианство». На вопрос из зала, следует ли в таком случае защищать Иуд, архиепископ ответил: «Я против такой люстрации, где в одном списке находятся имена Иуды и апостола Иоанна — предателя и вернейшего ученика».

В подтверждение своих слов архиепископ Жицинский напомнил вопрос Никодима к фарисеям, подозревавшим Иисуса в измене закону: «Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» В ответ Никодим услышал новое подозрение: «И ты не из Галилеи ли?» «Подобным образом и сегодня, — сказал архиепископ, — люди, считающие распространение списка действием безнравственным, встречаются с обвинением: может, и среди твоих близких есть сексоты, раз ты их защищаешь?»

СТАДИИ ОДЕРЖИМОСТИ

В полном молодежи зале было что-то близкое духу первой «Солидарности», ее открытости и аполитичности, ее чувству общей цели. Как дьявольское отрицание этой солидарности — и предостережение на будущее — прозвучали два показанных в рамках конкурса репортажа. В этюде Магдалены Пенты «Кто ты такой?» камера следит за шествием «Семьи радио "Мария"» и «Всепольской молодежи»*. Кто-то из участников, вероятно, помнящий еще манифестации против «сионистов» в 1968 г., громко клеймит «власть Квасневских, Тусков и Геремеков». Список обвиняемых политиков единит всех участников шествия, свидетельствуя о всеобщем замешательстве и потерянности — осколочном эффекте кампаний ненависти в СМИ.

В репортаже Алены Полуниной «Да, смерть!» мы видим высшую стадию одержимости — Национал-большевистскую партию России, возглавляемую бесноватым писателем Эдуардом Лимоновым. Можно даже подумать, что это сознательная пародия на язык футуристических манифестов и тоталитарных лозунгов, соединяющая в себе коммунистические, нацистские и великодержавные призывы. Однако это не театр, а легальное политическое движение, граничащее с сектой. «Я не сомневаюсь, что новый год будет годом войны, — верещит нацбол. — Нас ждут кровавые события! У меня в жизни было уже всё, только убивать еще не довелось. Здравствуй, война! Здравствуй, смерть!»

ПОБЕДИТЕЛИ «ПЕРЕПУТИЙ»

Главную премию фестиваля получила «Партизанская школа» — фильм белостокского репортера Ежи Калины, который уже долгое время регистрирует факты нарушения прав человека в Белоруссии и рост сопротивления белорусов политике лишения их национального облика. В 2003 г. был закрыт единственный в стране лицей с белорусским языком преподавания. Школа продолжает существовать, но конспиративно, наподобие польских «летучих университетов». Ученики экстерном сдают выпускные экзамены. На их лицах не видно страха. Они чувствуют себя европейцами, новой белорусской элитой. Литовские, немецкие, чешские вузы приглашают их учиться, предлагают стипендии. Все, кроме Польши.

Второй премии «Перепутий» удостоился замечательный и весьма забавный документальный фильм болгарки Адели Пеевой «Чья это песня?». Съемки этого фильма тоже оказались небезопасными, несмотря на такую безобидную тему, как поиски истоков популярной балканской мелодии. Турецкие, греческие, боснийские, македонские и сербские знакомые Пеевой поочередно доказывают ей, что это их исконная народная песня. Один раз это военная песня, другой — любовная, третий раз ее поют в честь св. Георгия, четвертый — взывая к Аллаху. Кто сумеет восхититься всеми вариантами одновременно? «Пусть только кто-нибудь скажет мне, что это турецкая песня! — говорит один болгарин. — Я повешу его на этом дубе, и он будет висеть, пока кости не побелеют...»

Возможно ли вообще многокультурное сознание, которого требует этот фестиваль? Если оно существует, то во многом благодаря кино. Между тем всё новые люди напоминают о своих правах и требуют места в нашей памяти. Награжденный одной из статуэток свв. Кирилла и Мефодия уникальный фильм Ежи Соботинского и Стефана Скшипчака «Пусть мир помнит о нас» заполняет очередное белое пятно. Помним ли мы о 50 тысячах силезцев, вывезенных в лагеря в 1945 году? Домой вернулся только каждый пятый из них. Их трагедия не уступала трагедии жителей польских «кресов». Но признания этого преступления никто не требует: наших силезских соотечественников вывозили в СССР из лагерей в Меховицах и Бытоме как немцев...

---

* Крайне националистическая молодежная организация.

Конрад Годлевский

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ЛЕЙПЦИГСКОЙ ЯРМАРКЕ

В футуристическом здании Лейпцигской ярмарки, которая продолжает восходящие к XV веку торговые традиции Лейпцига, расположились 2,1 тыс. издательств из Германии и еще 31 страны, в том числе Польши. На встречах в Польском институте свои книги читали представлявшие Польшу Манузла Гретковская и Павел Смоленский. В Лейпциге появилась также хорошо знакомая немецким читателям Ольга Токарчук.

Посвященная молодым польским писателям выставка, подготовленная краковским Институтом книги, одновременно стала анонсом запланированного на июнь в Берлине фестиваля молодой польской литературы «Полококтейль». Однако в борьбе за внимание посетителей мы уступили Израилю, постоянно устраивавшему авторские чтения и встречи с писателями, а также путинской России, которая пустила в ход все возможные средства и украсила свой стенд репродукциями икон и советских плакатов, славящих Великую Отечественную войну и строительство социализма.

Польша показала себя в Лейпциге как страна интересная — но лишь для посвященных. Мы не очень хорошо представляем себе, как привлечь тех, кто знает о нашей литературе и культуре совсем немного или считает, что она малозначима. А в Германии таких людей немало. Это метко подметила Гретковская, выступившая вместе с хорватским писателем Ренато Баретичем на форуме «Малые языки — большая литература». Гретковская обратила внимание, что название этого форума — эвфемизм определения «провинциальная литература».

По дороге в зал, где впервые с таким размахом были представлены издательства из Центральной и Восточной Европы, можно было посетить множество интересных мест — взять хотя бы внушительную экспозицию, посвященную аудиокнигам. Долгие годы в Германии (и не только) господствовало убеждение, что такие книги предназначены исключительно для слепых и слабовидящих. Сегодня аудиокниги массово слушают немцы от 25 до 40 лет — в машине, на работе, дома. Это быстро развивающийся сектор рынка (около 5%), на котором действуют уже более 400 издательств (на ярмарку приехали 120 крупнейших), предлагающих 10 тыс. наименований — от классики немецкой литературы в исполнении Клауса Кински до бестселлеров вроде «Кода Леонардо да Винчи» или приключений Гарри Поттера, которые расходятся на компакт-дисках миллионными тиражами.

О популярности нового носителя информации свидетельствует тот факт, что одновременно с Лейпцигской ярмаркой выставку, посвященную аудиокнигам, организовал Кельн. В Лейпциге издатели аудиокниг были объединены в отдельную секцию уже в четвертый раз, и нет никаких сомнений, что теперь так будет всегда. На специальном форуме состоялась дискуссия о том, не придут ли на смену господствующему ныне носителю — компакт-диску — файлы, скачиваемые из Интернета (в частности, mp3), которыми уже торгуют местные порталы. В Польше рынок аудиокниг все еще находится в экспериментальной фазе, и если так пойдет дальше, то наши издательства будут начинать свой бизнес сразу с Интернета. Может, так оно и лучше?

На ярмарку пришли десятки тысяч молодых людей. В четверг и пятницу приезжали целые школьные экскурсии, что трудно представить себе на аналогичных польских мероприятиях — например, в тесном Дворце культуры и науки. Детские и молодежные издательства (в т.ч. специализирующиеся в издании учебников и учебной литературы) заняли четвертую часть всей площади ярмарки, из чего почти половина пришлась на долю комиксов и игр. Жаль, что на польском стенде (впрочем, как и у наших соседей) не было ничего, что могло бы заинтересовать молодежь. В этом смысле хорошее чутье продемонстрировали корейцы, которые будут почетными гостями осенней ярмарки во Франкфурте. Среди моря стендов с мангой они развернули свой собственный, рекламирующий манхву — корейскую школу комикса (для профана неотличимую от японской).

Если нам не удастся убедить немецкую молодежь в том, что Польша — «cool», то вступающее во взрослую жизнь поколение немцев будет знать о Дальнем Востоке больше, чем о своих соседях. Серьезность данной проблемы видит празднующий 25-летие своего существования Немецко-польский институт в Дармштадте, по инициативе которого был создан первый в Германии школьный учебник польского языка. Книги, изданные при участии института, можно было увидеть на польском стенде.

Сопутствовавшая ярмарке акция «Лейпциг читает» напомнила, что книги можно читать везде — на улице, в торговых центрах. На ярмарке литература была отправной точкой политических дискуссий, таких, как форум «К 10-летию подписания Дейтонского соглашения», участники которого спорили о будущем стран бывшей Югославии. В этой дискуссии участвовала, в частности, Славенка Дракулич, награжденная в этом году Литературной премией европейского согласия за книгу о военных преступниках под названием «Они бы и муравья не обидели». Дракулич собирала материалы к этой книге пять месяцев, наблюдая за гаагским процессом. О польско-украинских отношениях дискутировали Павел Смоленский и Юрий Андрухович. Они говорили о страданиях, которые причинили друг другу два народа, но закончили на оптимистической ноте, придя к выводу, что благодаря «оранжевой революции» наступило примирение.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Вавель, народу возвращенный» — так называется выставка, открывшаяся в Кракове в сотую годовщину возвращения полякам старинного королевского замка, находившегося в руках австрийских захватчиков. Заняв Краков, австрийцы устроили в Вавеле казармы и окружили его военными госпиталями. На протяжении почти ста лет замок медленно приходил в упадок. В 1905 г. началось постепенное восстановление и реконструкция этого символа былого польского великолепия, замечательного памятника ренессансной архитектуры. О ходе «многоэтапного, сложного и не лишенного конфликтов процесса реставрации замка» можно узнать, посетив выставку, открывающую цикл мероприятий, которые продлятся до осени.

• 21 февраля впервые отмечался установленный ЮНЕСКО Международный день родного языка. Этот день должен «популяризировать родные языки, в которых заключены, заложены разнородность и богатство духовной культуры каждого народа», — сказал языковед Анджей Марковский, председатель Совета польского языка при Президиуме ПАН. Проф. Марковский сказал также, что́, по его мнению, представляет главную опасность — и не только для языка: «По-моему, хуже всего дело обстоит с тем, что называют категорией сообразности. Речь идет о способности подбирать выразительные средства в зависимости от темы, места, собеседника или жанра высказывания (...) Корректность — это лишь один вопрос, но помимо нее культуру языка составляют также владение языком, эстетика и этика слова (...) Я не думаю, что польская речь вырождается. Скорее определенные группы — люди, занимающие высокое положение, высказывающиеся публично, — все хуже владеют языком».

• На протяжении 40 недель каждый вторник в качестве приложения к «Газете выборчей» поляки могли купить книгу из цикла, названного его инициаторами «Коллекция литературы XX века». Идея, воспринятая поначалу с некоторым недоверием, в конце концов снискала всеобщее признание. «Для многих молодых людей коллекция стала шансом создать за небольшие деньги основу домашней библиотеки, — пишет Анджей Ростоцкий из «Тыгодника повшехного». — Похоже, что идею „Газеты" по заслугам оценили те, для кого книга еще не стала любовью их жизни. Быть может, я слишком большой оптимист, но теперь я верю в такое зарождающееся чувство». Между тем в Интернете появилось множество высказываний на эту тему, одно из которых мне хотелось бы привести: «До сих пор я пользовалась главным образом библиотеками. Теперь у меня есть возможность держать книги дома (цена) и возвращаться к ним, когда захочется. Часть я прочитала, часть наверняка прочту, а до некоторых я еще должна дорасти. Пусть подождут». И в заключение несколько самых популярных книг из коллекции: «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Лолита» Набокова, «Жестяной барабан» Грасса, «Прощай, Африка» Карен Бликсен, «На западном фронте без перемен» Ремарка, «Я, Клавдий» Грейвса.

• Труд выдающегося историка польской литературы, профессора Ягеллонского университета Генрика Маркевича и Анджея Романовского под названием «Крылатые слова. Большой словарь польских и иностранных цитат» — это 16 000 словарных единиц на 1200 с лишним страницах. Еще до издания словаря автор говорил о нем: «Главным критерием отбора цитат будет их популярность, функционирование в коллективной памяти (...) Словарь не будет сборником мудрых, полезных или остроумных максим. В него войдут также высказывания глупые, лживые, вредные, вульгарные и абсурдные». Так оно и вышло. Помимо классиков «летучих мыслей» места в словаре удостоились многие современные политики и общественные деятели. Среди польских тон задает, разумеется, Лех Валенса с его «не хо́чу,

но надо», «я за и даже против» или «точка зрения зависит от точки сидения». Из иностранных приведем только цитату из Владимира Жириновского, который на вопрос о своей национальности ответил: «Моя мать русская, а отец — юрист».

• «Польско-еврейская стирка души» — так назвал автобиографическую книгу Агаты Тушинской «Семейная история страха» рецензент Михал Ольшевский. «Эту книгу я вынашивала в себе годами. Как и эту тайну. С того самого момента, как узнала, что я не та, кем себя считала. С того момента, как моя мать решилась сказать мне, что она еврейка», — написала Агата Тушинская. «Сколько людей с подобными судьбами еще живет в Польше? — размышляет рецензент. — Наверное, очень много. Говорят, что до сих пор есть семьи, скрывающие свое еврейское происхождение. Они пытаются забыть о нем, чтобы избежать множества затруднительных вопросов, чтобы скрыть свой страх. Потому что из признания, думают они, ничего хорошего не выйдет».

• «Сибирь, полная тайн» — так называется альбом, ставший результатом путешествия на корабле по Енисею журналиста Генрика Урбановского и фотографа Зенона Жибуртовича. «Из него можно узнать о дикой сибирской природе, о безумных попытках человека обуздать ее и о том, что из этого вышло, об истории покорения и освоения этого края русскими, о судьбах его первоначальных хозяев и о том, как они сжились с русскими, о ссыльных, поселенцах и исследователях, о национальном и религиозном пробуждении местных народов, о потайных уголках души сибиряков, их легендах и мечтах», — пишет издатель в анонсе альбома.

• «Собрания писем находят в Польше покупателей, так как читатель ассоциирует их с высокой культурой, — говорит книготорговец Чеслав Апетёнек. — Поляки интересуются либо перепиской выдающихся личностей, либо письмами, дополняющими образ какой-либо эпохи. Письма художников, артистов или архитекторов вызывают интерес, если в них есть ссылки на историю — например, межвоенного двадцатилетия или эпохи сталинизма». Это мнение подтверждают недавно изданные собрания писем: поэта Константы Ильдефонса Галчинского («Привет от Чародея»), писателя Мельхиора Ваньковича («Кинг и Кролик»), драматурга, писателя и художника Славомира Мрожека («Письма. 1963-1996») и писателя Витольда Гомбровича («Гомбрович. Письма к родным»). А до этого были опубликованы целые тома переписки Ежи Гедройца, которая всегда может рассчитывать на читательский интерес.

• На польском рынке появилась последняя (увы, на этот раз по-настоящему последняя) книга Иоанна Павла II «Память и идентичность». Кшиштоф Доброш пишет о ней так: «Это цикл размышлений, посвященных тайне зла и искупления, свободе и ответственности, милосердию Божию, отчизне и народу, истории, Польше, Европе, демократии и ее опасностям, а также миссии Церкви. Размышления Папы просты, легко читаются, но очень нелегки, если принимать их как истины христианской веры (...) Такой опыт должен вырастать из глубоких переживаний. Он выражается в завете, оставленном христианству апостолом Павлом: „Не будь побежден злом, но побеждай зло добром". Этот завет представляет собой глубочайший нерв христианства, красную нить книги и всего учения Иоанна Павла II. Выполнить его невероятно трудно, но как только человеку удается воплотить его в жизнь, у него появляется ощущение, что он пробуждается ото сна, протирает глаза и начинает жить по-настоящему».

• В списке бестселлеров на первое место вернулась Иоанна Хмелевская со своим новым детективом «Меня убить». Дальше идут уже одни мужчины: Генрик Гринберг («Беженцы»), Богуслав Волошанский («Крепость шифров»), Януш Гловацкий («Из головы») и Рышард Капустинский («Путешествия с Геродотом»). В категории документальной литературы лидирует волнующая, мудрая книга «Выиграть жизнь» — беседа Петра Мухарского с ведущим телевизионных «Новостей» Камилем Дурчоком. Книга рассказывает о борьбе Дурчока с раком и посвящена памяти его коллеги Мартина Павловского, который в борьбе с болезнью не выжил.

• На задах прошедшей в Познани IV Ярмарки детской и молодежной книги, совмещенной с Образовательной ярмаркой, в этом году уже второй

раз была проведена выставка «Познань Гейм-Арена», посвященная разнообразным настольным и компьютерным играм. «Объединение книжной и образовательной ярмарки пошло на пользу обоим мероприятиям, — пишет рецензент. — Если бы организаторам обеих ярмарок удалось договориться с организаторами „Арены", в Познани появилось бы новаторское начинание в масштабе не только Польши, но и всей Центральной Европы».

• «Святые отцы, не давайте бритвы обезьянам», — написал с присущим ему темпераментом Лех Валенса в открытом письме, касающемся весьма сомнительной радиостанции «Мария», прикрывающейся авторитетом монахов-редемптористов, директор которой, о. Тадеуш Рыдзык, считает себя голосом католической Польши. И хотя слова бывшего президента, вероятно, снова вызовут смех, проблема в самом деле очень серьезна. Радиостанция выступает с ксенофобскими, зачастую антисемитскими заявлениями и делает это весьма агрессивно. Валенса пытается убедить польский Епископат (который теоретически должен контролировать радио «Мария») заняться этим вопросом. В своем первом письме он написал: «Отец Рыдзык и вся эта среда, наверное, были подобраны самим дьяволом, чтобы уничтожить веру и Польшу». Церковные власти обещали рассмотреть проблему радио.

• В рамках III Фестиваля польского независимого кино по II программе ТВП шесть дней подряд демонстрировались фильмы, снятые независимыми режиссерами. Фильмы, выбранные для просмотра, рассказывают о нищете, пустоте жизни в блочных микрорайонах, лицемерии и скуке, но в то же время о процессах взросления молодых людей в сегодняшнем мире.

• Вручены «Орлы» — премии Польской киноакадемии. Все важнейшие премии (за лучший польский фильм, за лучшую режиссуру и зрительская) достались фильму Войцеха Смажовского «Свадьба». Главным конкурентом «Свадьбы» был «Мой Никифор» Кшиштофа Краузе. Премию за творчество в целом получил Ежи Кавалерович. Лучшим европейским фильмом на польских экранах была признана «Девушка с жемчужной сережкой» Питера Вебера.

• На экраны польских кинотеатров вышел фильм Пшемыслава Войцешека «Вниз по разноцветному холму». «Мир, представленный Войцешеком, с поразительным реализмом утопает в грязи, но есть в нем шанс на очищение от грехов, прощение, — пишет Тадеуш Соболевский. — Сценам драк, ссор и ненависти сопутствуют висящие на стенах и многозначительно экспонируемые святые образа (...) Поляки так легко топят самих себя в грязи. Войцешек решается на очень смелый шаг: погруженный в привычное болото, он ищет дно, чтобы оттолкнуться от него и выплыть наверх».

• Польский композитор Ян Качмарек получил «Оскара» за музыку к фильму Марка Форстера «Мечтатель». Качмарек дебютировал в театре Ежи Гротовского, потом сотрудничал с другими театрами. С 1989 г. он живет в США и пишет музыку к фильмам. После церемонии вручения премий Ян Качмарек сказал: «Премии нужны как своего рода печать, которая помогает в профессиональной деятельности. Но если после нас что-нибудь останется, так это музыка и люди, которые хотят ее слушать (...) Самым трудным в этом фильме была для меня простота. Поначалу мне было немного не по себе, так как почти все фильмы, к которым я до сих пор писал музыку, были сложными историями межчеловеческих отношений (...) А тут нужно было вытащить на поверхность все то, что осталось во мне от ребенка, не стыдиться простых звуков».

• В 120-ю годовщину со дня рождения Станислава Игнация Виткевича, подписывавшего свои театральные произведения и картины псевдонимом Виткаций, закопанский театр, носящий его имя, организовал смотр спектаклей по его пьесам. В дискуссии о Виткации, прошедшей в Варшаве, приняли участие самые выдающиеся мастера польского театра, в частности Кристиан Люпа и Ежи Яроцкий. Темой дискуссии был «Диалог с Виткацием о человеке постмодернизма». Между тем историки театра продолжают искать полтора десятка утерянных пьес Виткация, о существовании которых свидетельствуют афиши и рецензии.

• Знаменитый английский драматург и режиссер Питер Брук удостоен звания почетного доктора Познанского университета им. Адама Мицкевича. «Театр должен преодолевать разделяющие нас политические, социальные и религиозные барьеры, — сказал Брук при вручении диплома. — Мир находится в таком плачевном состоянии, что осуждать его ужасы слишком легко. Столь же легко украшать его словами. Сегодня театр должен найти золотую середину».

• В Варшаве на 77-м году жизни трагически погиб художник Здислав Бексинский. Он умер в своей квартире от ножевых ранений, нанесенных бездумными подростками, которые хотели любой ценой раздобыть деньги. «Он разделил публику на два непримиримых лагеря, — пишет Дорота Ярецкая. — Одни видели в его искусстве живое направление философской мысли и красоту „высшей пробы". Другие считали его отшлифованные формы чистым эстетизмом, не более чем схематической маской, за которой не кроется ни экзистенциальное, ни метафизическое свидетельство. Он писал леденящие кровь сцены (...) В техническом смысле он достиг своего рода совершенства. Его выработанная годами стилизация манила блестящими, лессировочно положенными цветами и гладкой, не выдающей следов кисти поверхностью картин (...) Ему импонировала визионерская живопись Брониславa Линке, представляющая человечество осужденным и падшим».

• В варшавской галерее искусств «Захента» открылась обзорная выставка работ Павла Альтамера. Художник считает, что в наши дни галерея как место искусства потеряла смысл. Из связующего звена между искусством и зрителем она превратилась в разделяющий их барьер. «Чтобы разрушить этот барьер, художник пригласил группу молодежи и разрешил ей рисовать на стенах, — пишет Дорота Ярецкая. — Получились оптимистические граффити. Несколькими днями раньше он позволил им устроить в „Захенте" концерт. Состоялся поединок двух диджеев и двух ментальностей (...) Его искусство выходит за рамки выставочных стандартов. Альтамер проводит акции, призванные улучшить самочувствие общества. На выставке художник представил скульптуры и видеофильмы, в которых он рассказывает о своем мироощущении. Он говорит, что ищет в них контакт с Богом. Как это ни парадоксально, для меня скульптуры, в которых он говорит так мало, — более убедительное доказательство его сверхъестественных контактов, чем фильмы, в которых он говорит так много».

• Уже почти середина марта, а зима все не уходит. На улицах безраздельно господствует снег. Ободренные этим обстоятельством, за работу взялись доморощенные скульпторы, украшая улицы Варшавы многочисленными снежными фигурами. «Приятели вытащили меня из общежития, — говорит один из авторов. — Делать было нечего, и мы начали лепить. Почему? Потому что снег лепился». В других местах тоже шла работа. Неподалеку от мечети на ул. Вертничей появилась ее снежная копия, а на Новом Свете — целый блочный микрорайон во дворе бывшего Дворца бракосочетаний. Авторов беспокоит только одно: что же теперь, все это растает? Не остается ничего другого, как делать фотографии. Может, со временем из этого получится какая-нибудь захватывающая художественная инсталляция...

Анджей Новак

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ

Часть наших российских коллег-историков и публицистов упорно предпринимает попытки заслонить память о преступлениях советской системы против поляков, создавая их мнимый аналог или даже «оправдание» в виде преступления против советских военнопленных в Польше в 1920 году. Повторим еще раз несколько вопросов, обращенных к этим историкам и публицистам:

1

Можете ли вы указать хоть одно доказательство того, что политическое или военное руководство Польши в 1920 г. сознательно приняло решение об истреблении пленных красноармейцев? Такое, каким было решение политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., предписывавшее уничтожить 25 700 польских граждан?

2

Можете ли вы указать хоть какие-то улики проведения координированной операции по уничтожению пленных красноармейцев в Польше в 1920 или 1921 гг., которые косвенно свидетельствовали бы о принятии польскими властями такого — не подтверждаемого документами — решения? Убийство 60-80 тысяч военнопленных, в котором вы обвиняете польскую сторону в войне с большевистской Россией, даже организационно не могло быть таким простым делом, чтобы не оставить ряда улик, указывающих на крупное преступление...

3

Можете ли вы опровергнуть численность советских военнопленных — 65 797, — по официальной статистике, признанной как советской, так и польской стороной, вернувшихся в советскую Россию? Можете ли вы опровергнуть факт добровольной записи около 25 тыс. пленных красноармейцев в формировавшиеся в 1920 г. в Польше антибольшевистские воинские части (Булак-Балаховича, Перемыкина, Яковлева, Сальникова, а также Петлюры)? Можете ли вы, наконец, опровергнуть тот факт, что находившиеся среди пленных красноармейцев латыши, венгры и австрийцы в большинстве были репатриированы в Латвию, Венгрию и Австрию, а не в Россию? Сколько человек из этих групп следует включить в число «уничтоженных поляками», чтобы получить «желательную» сумму не менее 60 тысяч?

4

Неопровержимым и, естественно, отягощающим польскую сторону остается тот факт, что много тысяч пленных красноармейцев (несмотря на ваши усилия, трудно опровергнуть их примерное число, установленное торунским историком Збигневом Карпусом, — 16-18 тысяч) умерли в польском плену — чаще всего от болезней, нередко также от голода и холода. Это наш позор, и вы имеете полное право напоминать нам об этом. Но, будучи добросовестными историками, можете ли вы вспоминать этот факт без его исторического контекста? Почему тогда вы, во-первых, не напомните своим российским читателям, что в те же самые 1919-1920 гг. сотни тысяч красноармейцев умерли от заразных болезней или в силу плохих санитарных и продовольственных условий? В процентах — не меньше, чем красноармейцев в польском плену. Во-вторых, стоило бы вам упомянуть и о том, сколько польских солдат умерло в то же самое время и по тем же самым причинам с польской стороны фронта. Такова была та война: бедная, голодная, «нищенская», происходившая в условиях крупнейшей эпидемиологической катастрофы XX века, прокатившейся по всей Европе после I Мировой войны и погубившей около 20 миллионов человек.

5

Вы вспоминаете казни (убийства) пленных красноармейцев в ходе боев на фронте. Не все они документированы (и заведомо все не будут); главный источник здесь — показания свидетелей, то есть выживших. Принимаете ли вы во внимание также показания других очевидцев — начиная с «Дневника» Исаака Бабеля и вплоть до сотен польских свидетельств — о жестоких казнях польских военнопленных, производившихся кавалеристами из Первой конной или солдатами Тухачевского? Хотите ли вы доказать, что с польской стороны таких преступлений было больше — на ближайших тылах фронта? Как вы это докажете?

6

Вспоминая печальный и, несмотря на весь контекст, компрометирующий польскую сторону вопрос о красноармейцах, не переживших польского плена, хотите ли вы напомнить своим российским читателям и о тысячах польских солдат, не переживших советского плена 1920 года? Напомним: из плена вернулись 26 440 человек, в том числе 418 офицеров — поразительно низкая цифра. А где остальные, еще почти 20 тысяч польских военнопленных? Все ли они выбрали службу новой, советской родине? Как показывают документы, собранные торунскими историками в книге «Победители за колючей проволокой. Польские солдаты в плену (1918-1921)» (Торунь, 1995, на польск. яз.), многие тысячи польских военнопленных были убиты либо умерли вследствие плохих санитарных и продовольственных условий в советских лагерях, таких же условий, которые царили тогда в польских лагерях. Или это лишь польские выдумки?

7

Пленные красноармейцы в лагере Рембертув-Варшава. 1921

Вы требуете памяти обо всех жертвах польских преступлений против пленных красноармейцев. Такие преступления были (хотя, еще раз подчеркну, несравнимые с запланированным катынским геноцидом), и долг историков, как польских, так и русских, — раскрыть их как можно более точно. И закрепить в памяти. Так же, как и советские преступления против польских военнопленных в 1920 г., которые тоже, разумеется, нельзя сравнивать с катынским преступлением. Но хотите ли вы помнить, что польская сторона в этом «счету обид» может напомнить, изучить и закрепить в памяти еще ряд других крупных и запланированных советских преступлений против польских граждан в XX веке? Может, вам следовало бы, например, спросить, почему российская Главная военная прокуратура не хочет ответить на просьбу польского Института национальной памяти и оказать помощь в расследовании ответственности за смерть от 20 до 50 тысяч (по разным подсчетам) польских заключенных сразу после нападения Германии на СССР, 22-29 июня 1941 года? Придется нам напомнить, что в тюрьмах НКВД, в частности, во Львове, Смоленске, Бориславе, Ровно, Луцке, Ошмянах, Стрые, Бердичеве, Смоленске, Киеве, Харькове, тогда производились массовые казни польских заключенных. Выглядит совершенно невероятным, чтобы это было стихийное решение отдельных начальников всех этих тюрем. Решение о массовом истреблении заключенных (только в двух львовских тюрьмах — Бригитках и Замарстынове — менее чем за сутки были расстреляны или добиты дубинками четыре тысячи поляков), несомненно, было принято наверху. Готовы ли вы помочь в раскрытии этого преступления? В подготовке такого подробного издания, как совсем недавно вышедший в Москве сборник документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919-1922 гг.», подготовленный российскими и польскими историками при помощи польского Генерального управления государственных архивов (М., «Летний сад», 2004)?

8

Из многих публикаций, выходящих в России в последние 10-15 лет, можно вывести, будто Катынь была (если она вообще была...), можно сказать, заслуженным ответом на более раннее польское преступление — 1920 года. Да, Катынь была ответом — но ответом на то, что в августе 1920 г. поход «непобедимой Красной армии» на Варшаву и Львов был остановлен. Особенно остро должен был чувствовать свое унижение комиссар Юго-Западного фронта, которому не удалось тогда взять Львов. Этот комиссар, И.В.Сталин, еще в 1918 г. обещал ликвидировать польское «средостение», стоявшее на пути к Берлину и западу Европы. Между тем эта слабая или — вспомним слова Ворошилова, сказанные в сентябре 1920-го, — «проклятая, темная» Польша победила могучую силу советской государственной и военной машины. Это унижение Сталин смыл кровью. Но помните ли вы, что начал он смывать его кровью не в Катыни, а намного раньше — расправляясь с польским меньшинством в СССР в 1930-е? Не следует ли российским историкам заняться, например, последствиями директив политбюро ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934, 9 августа 1937, 31 января 1938 гг., которые практически привели к физической ликвидации большинства поляков в СССР? Поляки в этих чистках не были просто одной из жертв — они были жертвой «привилегированной». Как подсчитал гарвардский историк Терри Мартин (в своем исследовании «Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923-1939», Ithaca—London, 2001), в Ленинграде, где в 1937-1938 гг. было наибольшее сосредоточение поляков, представителей этого меньшинства расстреливали в 31 раз чаще, чем составляет среднее статистическое по расстрелам периода «большой чистки» в этом городе. Мы по-прежнему очень мало знаем об этой первой в СССР попытке истребить одну нацию. Может быть, вы и этим хотели бы заняться?

9

Этот трагический перечень можно продолжать и продолжать. Но стоит ли? Может быть, вместо этого есть смысл под конец задать один основополагающий вопрос, без ответа на который диалог невозможен. Он звучит так: отождествляете ли вы себя с государственной системой, которая отвечает не только за Катынь, но прежде всего за миллионы преступлений против русских и других народов, оказавшихся в ее власти? Хотите ли вы праздновать приближающийся юбилей конца II Мировой войны как праздник героев-солдат, столько миллионов которых полегло на главном фронте этой войны, на пути от Москвы до Берлина, или же как праздник сталинской державы? Если вы выбираете второе решение, то вспомните хотя бы то, чего не забываем мы: на генералиссимусе лежит вина за смерть большего числа русских, чем на Гитлере. Если вы защищаете «честь» советской системы и государства, а не личный героизм этих солдат, которые пали в справедливой войне с Гитлером, то захотите ли вы вспомнить, что советское государство вместе с Гитлером начало II Мировую войну — пактом Рибентропа—Молотова, нападением на Польшу 17 сентября 1939 г., соглашениями Гестапо и НКВД по борьбе с польским подпольем, защищавшим независимость Польши. Захотите ли вы вспомнить и ту печальную истину, что красноармейцы по приказу Сталина были вынуждены служить дурному делу — захвату Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Бесарабии в 1939-1940 гг., а затем, с 1944 г., вновь, но на этот раз уже всей Центральной и Восточной Европы?

10

Советская система создала великую империю — ценой еще более великих преступлений. Отдаете ли вы себе отчет в том, что если вы ищете их оправдания, их «аналогов» в действиях народов — жертв этой системы, то наносите оскорбление и тому народу, который понес наибольшие жертвы, — русскому народу?

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

✚

2 апреля 2005 года в Ватикане на 85-м году жизни скончался Иоанн Павел II (Кароль Войтыла), глава Римско-Католической Церкви.
Кароль Войтыла был одним из самых выдающихся людей современности, внесших огромный вклад в дело прекращения войн, преодоления расовой и национальной дискриминации, соблюдения прав человека во всем мире.
Благодаря авторитету и дипломатическому таланту Иоанна Павла II были спасены от гибели тысячи членов оппозиции в странах с тоталитарными и авторитарными режимами, обрели свободу сотни политических заключенных.
Трудно переоценить роль Иоанна Павла II в падении железного занавеса и разрушении репрессивной коммунистической империи в Восточной Европе.
Мы скорбим об уходе из жизни Иоанна Павла II и выражаем искренние соболезнования прихожанам католической Церкви, народу Республики Польша и всем людям доброй воли.

Редакция Интернет-портала «Права человека в России» (HRO.org)
Редакция Российского исторического и правозащитного журнала «Карта»
Правление Рязанского правозащитного общества «Мемориал»

✚

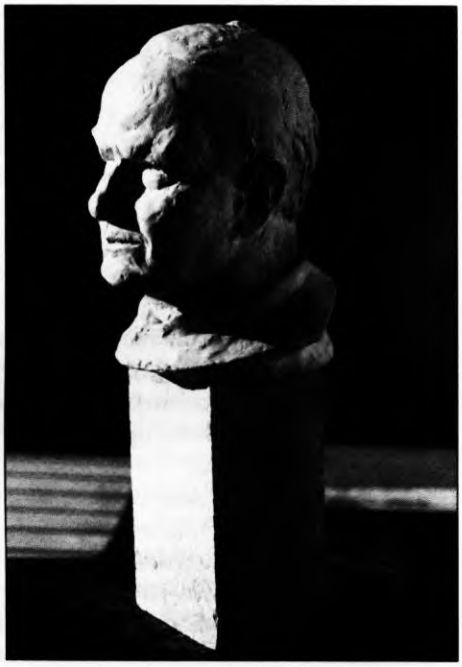
Выражаю глубокое соболезнование Вам и всем сотрудникам редакции журнала в связи с кончиной Иоанна Павла II. Вчера была в храме, и все православные молились о Царствии Небесном его душе. Это был поистине святой, великий миротворец и прекрасный поэт.
Скорблю и молюсь вместе со всеми вами. Верю, что его светлая душа не оставит нас грешных в своих молитвах перед Господом и будет всегда со своей родиной Польшей.

Лидия Харитонова (Калининград)

✚

Примите мои искренние соболезнования в связи с кончиной Великого поляка.

Елена Шиманская



Дорогие польские друзья!

Сегодня все погружены в печаль, ибо завершилась великая эпоха — умер Папа. Все мы знаем, что избрание на папский престол кардинала Кароля Войтылы в 1978 году стало началом конца системы лжи и насилия в нашей части мира. Он был не только главой римско-католической Церкви, но и дедушкой всех поляков. Он был человеком, наделенным великой харизмой, и мы искренне любили его, независимо от того, соглашались мы с ним или нет. Жаль, что не сбылась его мечта о паломничестве в Россию.

Я горжусь тем, что как журналист я описывал советским и российским читателям его апостольские визиты в Польшу в 1991 и 1999 гг., а также видел его лично в Ватикане в 2004 году. Кроме того, будучи скульптором, я выполнил портрет Иоанна Павла II.

Я искренне соболезную польскому народу, ибо от нас ушел великий поляк.

Петр Черемушкин (Москва)

Над Краковом звучит колокол Зигмунта...

Ушел Кароль Войтыла, Иоанн Павел II, Папа, преображавший мир и человеческие сердца. Смерть Иоанна Павла II исполнила скорбью не только католиков, но и других приверженцев одного из самых популярных и узнаваемых Пап в истории.

Почтим же его память.

Умер человек огромной веры в Бога и человека. Он никогда не усомнился, никогда не уклонился от борьбы за человека, за свои принципы.

Большое внимание он уделял необходимости диалога с другими религиями. Иоанн Павел II был первым в истории Папой, переступившим порог мечети и синагоги. Трудно представить себе, чтобы кто-нибудь другой мог так объединить людей всего мира.

8-9 ноября 1999 года он посетил Грузию, и мы тогда очень гордились этим. Мы, грузины, не говорим, что человек умер. Мы говорим, что он преобразился, ибо изменяется лишь форма существования — физическое переходит в духовное. Мы возвращаемся к Отцу нашему.

Кароль Войтыла, Святейший отец Иоанн Павел II, тоже вернется домой — в дом Отца своего и Отца нашего.

Русудан Кикалеишвили
Виктор Домуховский

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

С.Хазвиевич, С.Краевский, В.Портников, И.Щепковская - о смерти Иоанна Павла II
Я.Куманецкая о Владиславе Копалинском
Д.Шевионков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
З.Флорчак о творчестве Яна Лебенштеина
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Д. Сосновская, К.Модзелевский о новых книгах Д.Бовуа
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
О книге В.Тихомировой «Вторая Мировая война в польской прозе»
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с М.Комаром, В.Копалинским, М.Ягелло

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта, Криницкого и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ

BIBLIOTEKA NARODOWA

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

ISSN 1508-5589

Cena 6 zł w tym 0% VAT